

МАГИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Сора НАУМОВА
Мария ДУБИНИНА

СЕМЬ РЫЦАРЕЙ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

*Училище военно-магических
дисциплин*

Annotation

Герман никогда не мечтал стать героем. Он старался не выделяться среди прочих курсантов Училища Военно-магических дисциплин и даже не подозревал, во что ввяжется. Свалившийся, точно снег на голову, друг с полной потерей памяти, опальная иномирная принцесса и злодейские заговоры — лишь малая часть проблем, которые ему придется решать. А тут еще и угораздило влюбиться! И поди разбери — какое из зол меньшее?

Вот и пришлось Герману отложить учебники в сторону и бросаться в бой!

-
- [УВМД-1. Семь рыцарей для принцессы](#)
 - [00](#)
 - [ЧАСТЬ 1. Урок 1. С другом, лишившимся памяти, можно подружиться дважды](#)
 - [Урок 2. Лекция, которая называется вводной, чаще всего и не лекция вовсе](#)
 - [Урок 3. Со слова “просто”, как правило, и начинаются настоящие сложности](#)
 - [Урок 4. Драка один на один особенно хороша с группой поддержки за спиной](#)
 - [Урок 5. Сколько теорию не учи — студентки все равно на преподавателей смотрят](#)
 - [Урок 6. Рискованные мероприятия лучше проводить с человеком, который бежит медленнее вас](#)
 - [Урок 7. Последствия шалостей всегда прямо пропорциональны удовольствию от их свершения](#)
 - [Урок 8. Неудачная компания — не приговор, а диагноз](#)
 - [Урок 9. Командовать может любой, но только лидер способен отвечать за последствия своих приказов](#)
 - [Урок 10. Если не исполнять угрозы, можно лишиться не только уважения, но и пары зубов](#)

- Урок 11. Внезапная похвала от учителя — верный признак грядущих неприятностей
 - Урок 12. Все можно оправдать необходимостью, правда, девушки этого не всегда понимают
 - Урок 13. Распутывать интриги почти то же самое, что плести их, только наоборот
 - Урок 14. Плохая память и хорошая фантазия — лучшая основа для паранойи
 - Урок 15. Главное в плане — элемент неожиданности
 - Урок 16. Бесплатными бывают только дурные пророчества
 - Урок 17. Говорить, что думаешь, можно только если думаешь, что говоришь
 - Урок 18. Бывший учитель как бывшая жена — никогда не перестанет поучать
 - Урок 19. Выпивая с учителем, не забывайте следить за своим языком
 - Урок 20. Если результата не видно, это еще не значит, что его нет
 - Урок 21. Никто не поможет тебе лучше, чем ты сам
 - Урок 22. Хорошо быть всемогущим, жаль только, что невозможно
 - Урок 23. Слежка — увлекательное дело, если, конечно, следят не за тобой
 - Урок 24. Красавица в беде одинаково действует на всех мужчин
 - Урок 25. Играя в сыщиков, не стоит забывать, что преступник — настоящий
 - Урок 26. Иногда, чтобы не видеть грязи, не достаточно просто закрыть глаза
 - Урок 27. Доверие — вещь настолько хрупкая, что лучше держать ее при себе
 - Урок 28. Правда особенно горька, когда выползает в неудачное время
-

УВМД-1. Семь рыцарей для принцессы

Королевская чета не успела прибыть на свадьбу старшей дочери из ежегодной поездки по своим владениям, а со стороны жениха не явилось ни единого родственника. Под высокими каменными сводами святилища Белой Волчицы витал тяжелый давящий дух, вовсе не похожий на радостную атмосферу рождения новой семьи. Немногочисленные собравшиеся были серьезны, а видный красивый мужчина в церемониальном красном плаще — суров и напряжен. Все ждали невесту.

Пожилой храмовник давно завершил приготовления к брачной церемонии, а невеста все не появлялась. Он обреченно покачал головой, сетуя на молодежь. Союз наследной принцессы Виндштейна с правителем одного из соседних миров с самого дня объявления помолвки показался священнослужителю лишенным божественного благословения, а уж он-то имел опыт в такого рода делах.

— Идет... Она идет... — пронеслось по рядам гостей. Арочные двери с натужным скрипом отворились, впуская в полутемный, пропитанный душными ароматами благовоний храм девушку в багряном, под стать наряду жениха, платье. Она замерла на пороге, рассеянным взглядом окинула залу, глубоко вздохнула и сделала первый шаг. Длинный атласный шлейф, переливаясь в свете многочисленных курильниц, змеился за ней кровавым потоком. Девушка пересекла зал чеканящей походкой, гордо держа королевскую осанку и вздернув упрямо выпяченный подбородок, но во взгляде все еще читалось смятение. Остановившись возле алтаря, она сложила руки на груди в ритуальном поклоне.

— Леннард Огюстос, верховный и единый правитель Грейнцварта, — торжественным голосом, эхом отдающимся от высоких стен, начал храмовник, — готов ли ты взять в супруги эту женщину и позволить ей до конца дней пребывать подле себя, любить и уважать, слушаясь во всем, как положено верной жене?

Голос жениха прозвучал громко и уверенно:

— Да.

Храмовник украдкой перевел дух. От этой свадьбы он ожидал неприятностей, даром, что браком сочетались такие высокие и титулованные особы.

— Эмилия Керстин, принцесса Виндштейнская, милостью богов и их благословением нарекаю тебя женой этого человека, Леннарда Огюстоса, верховного и единого правителя Грейнцварта.

Согласия невесты никто не спрашивал, древняя традиция не подразумевала, что у нее могло быть свое мнение на сей счет. Эмилия прищурила голубые, цвета льда, глаза и еще сильнее сжала губы. Плечи, обтянутые красным атласом, чуть заметно дрогнули, но ничем иным она не позволила себе выдать волнения. Брачные браслеты защелкнулись на запястьях, до самой смерти соединяя супругов. В тот же миг Эмилия покачнулась, чувствуя, как магия браслетов безжалостно пытается проникнуть в нее, и добела сжала пальцы, пережидая вспышку боли. Глаза испуганно расширились, в них мелькнуло осознание, но быстро угасло. Принцесса покорно подняла голову, принимая первый поцелуй мужа.

В честь молодых на площади перед замком грянули дружные залпы, выстреливая в темнеющее небо пахнущие гарью и дымом заряды. Леннард взял жену под локоть и провел сквозь строй солдат. Его шаг громом отдавался у принцессы в ушах, громче, чем грохотавшие вокруг выстрелы. Но она еще могла держаться. Ради себя, ради родителей, страны. Ради своей сестры.

— Не надо бояться, — голос Леннарда обволакивал мысли. День подошел к концу, молодые остались наедине, но Эмилия этого не заметила, все это время упорно борясь с собой. Она сжалась на брачном ложе, зябко обхватывая себя руками за голые плечи. Прозрачная сорочка неприятно холодила разгоряченную кожу. — Я твой муж, я не причиню тебе вреда. Эмилия...

Сквозь слабость и дурноту девушка пыталась понять, что с ней происходит. Прикосновения мужа не вызывали в теле той приятной истомы, о которой судачили служанки. Его жесткие широкие ладони, привыкшие сжимать рукоять двуручного меча, грубовато ласкали напряженную прямую спину.

— Что тебя беспокоит, дорогая? — допытывался он, поглаживая шершавыми пальцами нежную кожу, покрытую капельками пота.

Эмилия ниже опустила голову, пряча лихорадочно горящее лицо за водопадом длинных темных волос. Перед глазами все плыло, с каждой минутой все сильнее и сильнее.

Когда он целовал ее, она не закрывала глаз, когда толкнул на постель — не обрадовалась, не затрепетала. Просто постаралась быть хорошей женой. Ради себя, ради родителей, страны. Ради своей сестры.

А после, сжавшись в углу огромной постели, рискнула заговорить.

— Почему... Почему я ничего не могу вспомнить? — проронила принцесса глухо, фокусируя взгляд на стиснутых в кулачки пальцах. — Что делала вчера? Позавчера? Где моя сестра? Все путается...

— Тсс... — мужчина жестом заставил ее замолчать, вновь склоняясь над ней и щекоча шею длинными светлыми волосами. Принцесса застыла от ужаса и дурноты, охвативших ее измученное тело, ослабленное загадочным недомоганием. Она видела сквозь мутную кровавую дымку лицо супруга, красивое, но совершенно чужое.

— Лен... нард, — простионала она, из последних сил цепляясь за обрывки гаснущего сознания. — Ты... ты ведь не мой...

Леннард Огюстос провел рукой над опустившимися веками девушки, чтобы убедиться в действии заклинания медленной смерти. Еще несколько дней, и он станет вдовцом с целым миром в качестве прощального подарка от безвременно почившей супруги...

ЧАСТЬ 1. Урок 1. С другом, лишившимся памяти, можно подружиться дважды

— Эй, Герман!

Герман закрыл учебник, заложив палец меж страниц и без особого труда взглядом отыскал в толпе Ролана. Сделать это было и впрямь несложно — от парня исходили волны знакомого пренебрежения и сладкого ожидания. Ролан отчаянно желал получить одобрение от таких же раздолбаев, что и он сам. Все они хотели насладиться унижением другого человека, и в очередной раз этим “другим человеком” должен стать Герман.

Верхняя губа снисходительно дрогнула.

— Слышал, от тебя очередной сосед сбежал? Ну-ка, Вуди, расскажи нам! — Ролан, высокий и угловатый, с короткими, торчащими ежиком волосами, цвет которых было невозможно даже угадать из-за их длины, за плечо притянул к себе парня по имени Вуди. Тот сжался, затравлено покосился на собравшихся в парке первокурсников и запустил пальцы в белокурые кудряшки, делавшие его похожим на переросшего купидона.

— Он! Он ужасен! — проблеял Вуди, закатывая глаза. Герман раздраженно потер пальцем висок — от однокурсников за версту несло театральщиной. — Ночью я не мог уснуть, все время казалось, будто он следит за мной! Его тяжелая тень нависала над моей кроватью. Он читает мои мысли, выворачивает меня наизнанку!

Вуди отшатнулся назад, прижимая к круглощечному лицу бледную пухлую ладонь. Кто-то с сочувствием вздохнул, остальные негодуя загудели и затопали ногами. Герман обреченно выдохнул, закинул ногу на ногу и снова открыл книгу. Позади приятно холодил спину небольшой фонтанчик, на мраморном парапете которого он любил сидеть после занятий. Приветливый климат Визании позволял большую часть года наслаждаться теплыми вечерами и ласковым светом одного из пяти сменяющих друг друга солнц. И только толпа

курсантов, пока еще нескладных, а оттого нелепых, мешала углубиться в изучение очередного параграфа межмировой истории.

— Он пугает нас!

— Кто позволил такому, как он, учиться здесь?

— Страшилище!

— Ничтожество!

— Да ладно вам, ребят, он всего лишь молчун! Признайтесь, вы же просто хотите с ним подружиться!

Гул моментально стих. Даже Герман не удержался и вновь оторвался от книги, хотя больше и не пытался читать. Среди расступившейся толпы стоял Савелий Кишман — декан полевиков, преподаватель межмировой истории, среди старшекурсников более известный как “учитель Сава”. Несмотря на высокий пост, для своих учеников он был доброжелательным, не лишенным чувства юмора старшим товарищем. Поговаривали, будто он устроился в военное училище сразу после окончания Высшего Университета магико-исторических наук и был немногим старше остальных курсантов, что совсем не умаляло важности его персоны.

— Учитель Кишман? — Герман поднялся, выказывая свое почтение, хотя Савелий был ему не по душе, и он сторонился его, как кошка обходит незнакомый, лишенный запаха предмет.

— Поздравляю, Герман. Это твой новый сосед по комнате, только что приняли, — без особых предисловий выпалил декан, и всеобщее внимание тут же переключилось на юношу, которого до этого никто не замечал.

— Еще одна жертва безмолвной тирании! — всплеснул руками Вуди, не вышедший из своей роли.

— Ладно-ладно, оставьте ваш спектакль для выступления театрального содружества, — хохотнул Савелий. — Будет, что показать на празднике в честь инициации.

Кишман вытолкнул вперед своего спутника, ободряюще шлепнул по плечу и, заложив руки за спину, неспешно удалился.

Ролан с товарищами мгновенно переключились на новый объект для издевок.

— Глядите, парни, какого красавчика к нам занесло, — они отошли от Германа и полукругом встали возле новичка. Герман даже не поднял на него взгляда, оценивая издали, ориентируясь отнюдь не

на внешний вид. Ощущения казались смутно знакомыми, они обдавали приятным теплом, ароматом спелой вишни и немного — свежесвыпавшим снегом. Герман оторвался от чтения, стараясь разглядеть за спинами новенького.

— Как звать, боец? — Ролан скрестил руки на груди, полагая, что удачно изобразил бывалого командира. — И честь отдать не забудь!

— Честь? — уточнил тот невинным тоном. — Но я пока не умею. Можно ее не отдавать?

— Ты совсем дебил что ли? — не понял Ролан.

В зазор между студентами Герман сумел-таки разглядеть юношу и в первый момент не поверил глазам. Ощущения в очередной раз его не подвели, и будущий сосед по комнате оказался своеобразным приветом из прошлого. И, воспользовавшись всеобщим замешательством, Герман закрыл учебник, поднялся и пошел прочь, по направлению к казарме второго потока, ничуть не сомневаясь, что Альберт побежит за ним.

— Стой! Подожди меня!

Звонкий голос настиг его возле входа в общежитие. Герман остановился, живо возрождая в мыслях навеянный им образ. Высокий и худощавый, с непослушными завитками золотистых волос, настоящий принц, не иначе. У него наивные глаза необыкновенно лилового цвета, как фиалки, которые так любит выращивать мать Германа. И широкая улыбка. Нет, тряхнул головой Герман, конечно, Альберт совсем не такой. Нескладный, взъерошенный, навязчивый, капризный, шумный...

— Догнал! — юноша с разбегу врезался в Германа, обхватывая за плечи руками, как старого знакомого. — Ты так быстро ходишь! А я Берт, твой новый сосед!

Каждое слово — восклицание. Герман сбросил с себя чужие руки, разворачиваясь:

— Альберт?

Это и правда был он, собственной персоной. Стоял, запустив пятерню в золотистые волны, путая и без того включенные волосы, и улыбался:

— Ага, только лучше называй меня Берт, ладно? Ведь мы же будем друзьями?

— Но мы и так друзья... — Герман совсем растерялся. Что-то было не так. — Что за чушь ты несешь?

Он быстро отвернулся, пряча лицо — собственные эмоции на какое-то время затмили поток чужих. Потом снова посмотрел на друга детства, кроме радостного лица замечая темные пятна в глубине его мыслей. Как будто из его головы исчезло что-то очень важное.

— Хочешь сказать, ты меня забыл?

Вопрос был задан наугад, и Альберт озадаченно захлопал глазами:

— В каком смысле? Мы же только что познакомились.

— Альберт Теодор Люциус-младший, — закинул Герман удочку, внимательно наблюдая за реакцией. — Его помнишь?

— Ммм... — тот честно попытался напрячь память. Видимо, не удалось. — Нет.

Герман вздохнул, сделав для себя прискорбный вывод:

— Как-то мне это все не нравится.

— Я все равно не понимаю, о чем ты, но это ерунда! — Берт снова догнал его, хватая за локоть. — Мы будем жить вместе, будем учиться вместе. Это же замечательно! Ты классный, — он запнулся и добавил смущенным голосом: — Как тебя, кстати, зовут?

— Герман.

Выходит, действительно забыл. За два года! Как же это могло случиться?

Герман бросил настороженный взгляд Берту за спину. Пока ничего не прояснится, лучше не давать Ролану и его приятелям новый повод для издевок, тем более над Альбертом. И, хоть проблем все равно не избежать, Герман решил отложить их на более подходящее время и поманил друга за собой, подальше от неприятностей.

Склонности к магии появились у Германа в детстве. В мире, где он родился, простолудин вроде него не должен был обладать этим даром, поэтому единственный путь лежал сюда, в место, где талантливый мальчишка-изгой мог получить необходимые знания и вернуться с гордо поднятой головой.

Визания. Мир-академия. Огромное пространство, приспособленное под целый спектр учебных заведений для выходцев из разных уголков Ойкумены. Визания была сердцем огромной сети телепортационных ходов, сюда вели почти все ветки порталов. Поступивший на обучение в одно из местных образовательных

учреждений получал особый статус, в будущем для него откроются двери всех миров. Но на время учебы Визания превращалась в тюрьму, заложником которой каждый становился добровольно.

Но Училище военно-магических дисциплин — совершенно не то место, где Герман ожидал бы встретить Альберта и уж точно не то, где тот должен сейчас находиться. Следовало разобраться с этой ситуацией, но не слишком торопиться, чтобы не наломать дров.

Казарма второго потока на первый взгляд выглядела как монументальная коробка из красного отсыревшего кирпича. Неприметная двустворчатая дверь, даже в самую жару остающейся плотно закрытой, вела в полутемный, гулкий от эха шагов холл. Пройдя мимо пустого окошка вахтерши, как всегда отошедшей по каким-то своим делам, молодые люди поднялись по узкой разбитой лестнице на третий этаж. Альберт оживленно крутил головой, изучая строгую обстановку. Высокие потолки белели свежей краской, подошвы ботинок громко ударялись об однотонную плитку пола, и Берт явно старался идти тише, но выходило не очень успешно. Коридор был прямым, как линейка, с двумя рядами одинаковых дверей с металлическими номерными табличками. Одна из них открылась, наружу выглянул взъерошенный рыжий парень с болтающимися на шее черными очками на кожаном ремешке. Он окинул ребят взглядом, присвистнул и излишне торопливо скрылся, хлопнув дверью.

Возле комнаты под номером 313 Герман остановился и повернулся к юноше:

— Здесь мой блок, — ровным голосом пояснил он и толкнул дверь. — Соблюдай, пожалуйста, чистоту, — и, вспомнив кое-что из детства, добавил: — Хотя бы относительную.

Герман тщательно вытер ноги о коврик, Берт повторил его маневр и с некоторой опаской заглянул внутрь. Несмело прошелся по комнате — просторная, светлая, но Герман был уверен, что на вкус Берта она слишком тесна. Три двухъярусные кровати в углах частично свободны, и Берт сразу сообщил, что будет спать внизу, чтобы не свалиться во сне. Центр комнаты обозначался огромным деревянным столом, вокруг него стояли простые стулья, на вид жутко неудобные. Стены снизу доверху были закрыты шкафами и книжными полками.

— А зачем столько кроватей? — спросил Берт, который не мог долго молчать. — Сколько с нами будет жить народу?

Берт, похоже, чувствовал себя неловко, и Герман невозмутимо смотрел на него, устроившись на нижней полке угловой кровати. Если честно, он тоже пока не знал, с чего начать.

За открытым окном чирикали птички, шелестела листва, с площадки на заднем дворе общежития доносились сглаженные расстоянием голоса и смех. Альберт застыл посреди комнаты, упершись задом в стол, и теребил себя за волосы, постепенно вытягивая из-под цветных невидимок прядку за прядкой. Герман ждал. Потом резко выдохнул и хлопнул себя по коленке.

— Так! Давай познакомимся еще раз.

Альберт вздрогнул, больно дернув себя за волосы, а Герман уже приветливо улыбался, точнее, старался это делать. Берт неуверенно улыбнулся в ответ.

— Давай.

Подчиняясь жесту, придвинул один из стульев к кровати и сел. Как и ожидалось, сиденье оказалось для него слишком твердым и неудобным, Альберт заелозил, устраиваясь, и мучился бы до самой ночи, если бы Герман не продолжил:

— Откуда ты прибыл?

— Откуда? — Берт замер, растерянно хлопая глазами. — Ммм... “Черная дыра”, гостиница в...

— Я не об этом спрашиваю, — нетерпеливо перебил Герман. — Как ты вообще попал в Визанию, да еще и остановился в таком отвратительном месте? Даже самые бедные абитуриенты обходят “Черную дыру” стороной.

Герман вперил в бывшего друга тяжелый внимательный взгляд, который мгновенно отмечал малейшие перемены в его настроении и облике. Вот он закусил нижнюю губу, отпустил. Облизнул. Рука потянулась к волосам, стремясь накрутить на палец непослушный локон. А внутри вообще творилась настоящая сумятица из панических мыслей, страха, непонимания. А еще, похоже, Альберту было больно, и острые уколы этой боли отзывались в голове самого Германа. Отклонившись назад, он мягко подтолкнул его к ответу:

— У тебя есть документы для поступления?

Берт обрадовался смене темы.

— Да! Я отдал их учителю Кишману.

— А откуда они у тебя? Кто тебе их дал?

Альберт снова сник, как будто щелкнули переключателем. По крайней мере, так это представлялось чувствительному к чужим эмоциям Герману.

— Зачем ты задаешь эти вопросы? Я... я не могу сказать.

Берт склонил голову, стискивая виски ладонями. Шум в голове сделался невыносимым, к горлу подкатила вязкая волна паники. Как он оказался в Визании? Откуда документы? Да если бы он знал!

Герману казалось, что он почти слышит его мысли.

— Как твое полное имя? Из какого ты мира?

Но Берт действительно не мог ответить.

— Кто помог тебе поступить в военное училище? Почему именно сюда?

Голос Германа причинял беспокойство. Берт заскулил, пытаясь спрятаться от него.

— Посмотри на меня, Альберт!

Но он спрятал лицо в ладонях, будто прячась от проблемы.

— Альберт!

Юноша с опаской взглянул на Германа. Хлюпнул носом, утер слезы.

— Я не помню.

С ресниц сорвалась особенно крупная слезинка. Подумав, что Альберт ничуть не изменился за два года, что они не виделись, Герман вздохнул — моральный прессинг не помог, а жаль. Оставался только один выход — задействовать свои тайные способности. Физический контакт в таких случаях причинял дискомфорт, но ведь это был Альберт, поэтому Герман без лишних слов встал у него за спиной. Задумчиво покрутил тонкое серебряное колечко на безымянном пальце и убрал в карман. Едва прикоснувшись к Берту, он брезгливо поморщился. Тонкой струйкой к нему потекло отвратительное, грязное даже по ощущениям месиво из негативных эмоций. Берту нужно помочь от них избавиться, иначе головные боли только усилятся.

— Посиди смирно пару минут, — попросил Герман, — и все сразу пройдет.

Он сосредоточился, очищая верхний ментальный слой. Берт сначала напрягся, потом расслабился, даже довольно что-то промурчал. Герман убрал руки и символически отряхнул их. Улыбнулся, хоть Берт этого и не видел.

— Ух ты! Уже совсем не больно! — по-детски восхитился Альберт. — Что ты сделал?

Герман пожал плечами, не планируя отвечать, и вернулся к своей койке.

— Я живу один. То есть, жил. Это место занято, все остальное в твоём распоряжении. Можешь выбрать любой шкаф, они почти все пусты.

Берт открыл первую попавшуюся дверцу, постоял перед пустыми полками, стянул с себя легкую куртку с нелепой меховой опушкой и впихнул в шкафчик.

— Это все твои вещи? — Герман удивленно приподнял бровь. Гардероб его друга прежде не отличался такой скромностью. — Или их доставят позже?

Альберт нервно дернулся, куртка попыталась выпасть, и он торопливо засунул ее обратно.

— Н... нет. Это все.

Это уже ни в какие ворота не лезло. Берт всегда отличался легкомыслием и с охотой влезал в неприятности, но сейчас с ним происходило что-то уж совсем нехорошее. И пусть тогда их связь внезапно прервалась, Герман понимал, почему, и не таил обиды, считая, что рано или поздно их пути все равно должны были разойтись. Что, впрочем, не означало, что ему стало наплевать.

Он резко поднялся и без объяснений направился к выходу. Оставить все как есть он просто не имел права, какова бы ни была причина, он обязан о ней знать.

— Стой! — Берт справился со своенравной верхней одеждой и бросился к нему. — Ты куда?

— Пойду прогуляюсь, нужно кое-что прояснить, — он взялся за ручку. — Один. Сиди и жди меня тут. Понятно?

Альберт послушно закивал.

Даже для его непосредственного характера так легко относиться к потере памяти — странно, и эта мысль буквально подгоняла Германа в сторону здания администрации, где располагались деканаты. Учитель Кишман наверняка в курсе этого дела, иначе почему он принял документы, да еще и спустя месяц после официального начала учебного года?

Быстрым шагом он миновал коридоры общежития, проигнорировал вялые выпады ролановских приятелей, встречавшихся ему на пути через парк, и даже не сразу заметил, что никто так и не осмелился ничего сказать вслух. Только поток негатива, непонимания и злой обиды тянулся за Германом как щупальца гигантского спрута. Голова моментально отозвалась тупой болью, и он ускорился.

Здание административного корпуса встретило его пустым холлом и гулом собственных быстрых шагов. Савелия на месте не было, Герман почувствовал это сразу, как только оказался в коридоре второго этажа, но все равно дошел до нужного кабинета и обратился к невысокой пухленькой секретарше со стопкой книг в руках.

— Учитель Кишман здесь? У меня срочное...

— А-а, он уже ушел, — торопливо оборвала его девушка. Она как раз собиралась уходить, ее усталость и нетерпеливое предвкушение приятного вечера, судя по всему, за литературой, достигло и его, вызвав мягкую улыбку. После ненависти курсантов, эти теплые эмоции походили на чашку парного молока перед сном, совсем как в детстве. А еще она была забавной — перехватив тяжелую ношу и сопя от напряжения, тщетно пыталась вставить ключ в замочную скважину. Герман просто не мог спокойно на это смотреть.

— Позвольте мне.

Не дожидаясь ответа, он забрал книги, мельком скользнув взглядом по корешкам. “Психология”, “Инквизиторская психология”, “Ментальные практики для инквизиторов”, “Инквизиторское право”, “В объятиях инквизитора”.

У Германа нервно дернулось веко.

— Хотите поступать в Университет Инквизиции? — больше из вежливости, чем из любопытства, поинтересовался он и добавил, кивнув на книги: — Я помогу донести.

Герман опустил взгляд на бейджик с именем Люси Шерилд, приколотый к ее груди, и девушка тут же смущенно потупилась и с неловким кокетством поправила светлые кудряшки.

— Спасибо. Да, на заочное. Нельзя же всю жизнь работать секретаршей.

Герман ощутил не свое волнение. Люси нервно косилась на книги, из чего он тут же сделал вывод, что она боялась насмешки с его стороны. Такая серьезная девушка, собирается в будущем работать в

инквизиции, а читает любовные романы. Уж не из-за объятий того самого инквизитора она так стремилась к знаниям?

— Скажите, мисс Шерилд, вы знаете, какое наказание может быть за ментальное вмешательство третьего или второго уровня? — он толкнул плечом парадную дверь и придержал, пропуская спутницу вперед.

— По шкале Сесилия? “Параграф 9, пункт 3, — процитировала Люси по памяти. — Осуществление прямого осознанного ментального воздействия на личность уровня выше третьего в мирное время. Наказание — временное лишение доступа к магической энергии сроком от 10 лет, в зависимости от уровня воздействия”. Второй уровень, ментальное воздействие на память королевской особы или высшего сословия, разумеется, наказывается строже. Но почему вы спрашиваете? — она удивленно вскинула брови, и Герман поспешил сменить тему:

— Простое любопытство. Не люблю упускать возможность узнать что-то новое.

— Очень похвально, — неловко произнесла Люси, и Герман почувствовал, что она приятно поражена его интересом и не прочь продолжить беседу. — Тоже хотите продолжить обучение после училища?

— Заманчивая перспектива. А скажите еще, мисс Шерилд. Сегодня к нам на второй поток поступил новый ученик. Вы знаете что-нибудь о нем?

— Альберт Кельвин? Нет, простите, я не могу распространять личную информацию об учениках.

Герман согласился, про себя отмечая, что неведомые злоумышленники качественно подошли к делу. Даже фамилию Альберту дали, состряпали фальшивые документы и смогли устроить в одно из самых закрытых учебных заведений Визании. Ситуация становилась все сложнее и оттого интереснее.

Они как раз подошли к преподавательскому общежитию, облицованному слегка побитым от времени, но дорогим камнем, что выгодно отличало его от казарм курсантов. Люси быстро поблагодарила его, забрала свои книги и, не прощаясь, скрылась в здании. За ней вился тонкий едва уловимый след подозрений, что Герман мог использовать ее в своих целях и с помощью ментальных

способностей вытянуть из нее информацию. Но к этому примешивался легкий аромат разочарованной горчинки, и Герман невольно улыбнулся. Сегодня Люси с удовольствием бы предпочла Германа выдуманым объятиям книжного инквизитора. Жаль, она была не совсем в его вкусе, хотя ум и одержимость учебой делали ее весьма привлекательной в его глазах.

Герман озадаченно почесал подбородок, возвращаясь мыслями к отсутствующему декану. Савелия не было и в общежитии тоже, об этом ему охотно сообщил вахтер, скучающий на своем посту. От безделья он был не прочь поболтать, поэтому распространял вокруг себя волны добродушной навязчивости, липкой, словно плавленый сахар. Герман с досадой потер безымянный палец левой руки. И как он мог забыть надеть кольцо? Теперь придется страдать до самого возвращения в свою комнату.

Еще около получаса он метался между корпусами, опрашивая каждого встречного, но никто не знал, куда подевался Кишман. Каждый видел Савелия несколько раз за вечер, порой в разных местах в одно и то же время, но Герман, с завидным упорством повторяя маршрут декана, так нигде его и не встретил.

Ситуация начинала откровенно злить. Мало того, что к декану и без того были вопросы, так он еще и оказался настолько неуловимым, что это лишь усиливало подозрения. Герман заводился все сильнее и сильнее и понимал, что это может плохо кончиться. И когда он уже почти сдался, услышал в парке знакомый насмешливый голос.

— И что же ты хочешь от меня, Вальтер?

— Тебе не кажется, что это несколько странно? Еще в прошлом году было отмечено, что количество первоодок упало по сравнению с предыдущим, но незначительно. А в этом году на первом курсе второго потока всего сто двадцать курсантов!

— Демографический кризис? — Савелий точно насмехался, но Герман и так никогда не мог угадать его чувства, а теперь из-за головной боли и каши накопленных чужих эмоций и подавно. И его собеседник тоже был непрост.

— Двести, Сава. В прошлом году их было двести! Я проводил опросы, запрашивал официальные данные, в мировой демографии не было никаких изменений! Ты знаешь, что я имею в виду.

Герман не стал слушать дальше.

— Учитель Кишман, — довольно грубо вмешался он, в несколько шагов преодолевая разделяющее их расстояние, — мне нужно с вами поговорить. Это касается нового курсанта, Альберта Кельвина.

— Курсант Герман, — в тонкой нитке поджатых губ декана читалось неудовольствие, однако глаза смотрели все так же насмешливо, словно Герман спас его от раздражающей темы. — Тебя не учили хорошим манерам?

— Альберт Кельвин, — настойчиво повторил он. — Мне нужно поговорить с вами о нем. Срочно.

Кишман сощурился, будто взвешивая в уме, как поступить с наглым учеником. Герман же с усилием сдерживал клочкотавшее в груди раздражение. Знал, что идет против субординации, но отступить уже не мог.

— Оставь свое “срочно” при себе, курсант! — грубо прервал его собеседник Савелия. — Учитель Кишман, вы совершенно распустили дисциплину на втором потоке. Это неприемлемо.

Герман стиснул кулаки и поймал его гневный взгляд. Нужно было срочно брать себя в руки, и Герман постарался сосредоточиться на анализе стоящего перед ним человека. Обычно это помогало остыть.

Молодой мужчина, примерно одного возраста с Кишманом, чуть ниже его ростом, подтянутый и худощавый, но скорее не из-за физических нагрузок, а от природы. Вероятно, много времени проводит в полутемных помещениях — лицо узкое, бледное, глаза за стеклами очков смотрят чуть рассеянно. Герман понял, что тот близорук. “Книжный червь”, но одевается элегантно и со вкусом. Даже немного слишком элегантно, поморщился Герман. Родной мир с большой долей вероятности находится на одной уровне развития с миром самого Германа.

Вальтер точно так же изучал Германа. Он понял это, вдруг почувствовав, как что-то холодное касается висков, мягко, успокаивающе. Проникает глубже, внося в бурлящие мысли и эмоции порядок. Значит, тоже ментальный маг...

Герман попытался стряхнуть с себя чужое воздействие, но оно оказалось слишком сильно. Уровень силы запредельный. Пока он рядом с Кишманом, у Германа просто не было шансов. Он сомневался, что ему вообще дадут открыть рот.

— Вальтер, — декан решил вмешаться. — Учитель Гротт, перестаньте копать в моих курсантах.

Холод исчез. Герман выдохнул, вынужденно признаваясь себе, что успел испугаться.

— Простите, — он склонил голову, пряча лицо. — Я не хотел вам мешать.

Собираясь уходить, Герман снова пересекся взглядами с учителем Гроттом. Его эмоции были скрыты, и Герман решил больше не испытывать судьбу и, снова извинившись, пошел прочь.

Холодный внимательный взгляд еще долго буравил ему затылок.

Урок 2. Лекция, которая называется вводной, чаще всего и не лекция вовсе

Альберт проснулся от того, что кто-то деликатно тряс его за острое плечо, торчащее из-под сползшего одеяла.

— Нянь... ну нянь... Еще полчасика, пожалуйста! — в полусне пробормотал он, изображая улитку. Но втянуться под одеяло полностью ему не дали, и почти сразу он лишился своей “раковины”. Прохлада из открытого окна противно защекотала пятки, потихоньку забираясь выше, и уже весь Альберт трясся от холода, с укоризной глядя на своего мучителя.

— Зачем ты так? — Берт сел, неловко приглаживая буйные кудри, после ночи превратившиеся в золотистое гнездо. — Что случилось?

Герман швырнул в него скомканное одеяло.

— Подъем, — скомандовал он, мысленно посмеиваясь над сонно моргающим соседом. — По расписанию утренняя зарядка, душ, завтрак и твоя первая лекция. Не успеешь на зарядку, и завтрак тебе уже не понадобится.

Понукаемый уверенным строгим голосом, Альберт торопливо вскочил с кровати, ударился о верхнюю полку, бросился к шкафу, куда накануне определил свои нехитрые пожитки, но был ловко пойман за химок.

— Эй, а постель заправить? — Герман отпустил его и покачал головой. — Порядок превыше всего.

Берт уныло поплелся обратно, а Герман между делом отметил про себя, что некоторым стоило бы навести порядок не только в комнате, но и в голове. Правда, сколько он знал Берта, тот прекрасно жил и с полным хаосом вместо мозгов. Многие бы обзавидовались.

Альберт плохо представлял себе, что подразумевалось под словами “утренняя зарядка”, а Герман хранил интригующее молчание.

В итоге обратно к дверям общежития, которое по традиции именовали не иначе как казармой, Берт добрел, опираясь на плечо нового друга. Он не помнил, как обстояли его дела с физическими нагрузками, но догадывался — не так чтобы очень радужно. Мышцы

ныли, в груди бил набат, но вместе с тем даже эти не слишком приятные чувства казались смутно знакомыми. Берт мог с уверенностью сказать, что завтра к утру они пройдут и, скорее всего, больше не вернутся. Вот Герман словно бы и не пробежал вместе с ним эти три километра, не приседал и не подтягивался. Даже почти не взмок, что уже само по себе было смертельным оскорблением для толпы выдохшихся и злых, как цепные псы, курсантов УВМД*. Они проводили странную парочку косыми взглядами, среди которых выделялся один. Ролан свалился на втором километре и подвернул ногу, однако никто даже не стал вызывать медика. Все это видели, потому и неудивительно, что он просто мечтал сорвать на ком-нибудь злость.

К счастью, Герман будто почувствовал это заранее, еще в зародыше, и поспешил увести Берта подальше.

— Неужели так будет каждое утро? — он с хрустом потянулся и провел ладонью по взопревшему лбу. — Если да, то я точно умру раньше, чем вспомню, кто я и откуда.

Говорить об этом после беседы с Германом стало легче, как будто тот взял часть груза на себя. Когда Берт открыл глаза в душной тесной клетушке под крышей, первое, что он почувствовал — мерзкий запах въевшегося в постельное белье чужого пота. Из-за пыли на стекле свет едва проникал. Балки под потолком — не комната, действительно чердак. На колченогом стуле лежала одежда и папка с документами. Берт тогда сильно испугался, а когда пытался вспомнить, голова разрывалась от боли...

Позже он узнал, что заочно зачислен в Училище военно-магических дисциплин. Но он этого совершенно не помнил. И вообще ничего не мог о себе вспомнить, только смутные образы, которые в равной степени могли принадлежать кому угодно, и твердая уверенность, что ему нужно идти в училище. Одежда показалась ему странной и непривычной, люди вокруг — совершенно чужими и незнакомыми. Хорошо, что он познакомился с Германом — новый друг ему нравился, более того, он чувствовал, что Герман хороший человек. Только его поведение казалось немного... странным.

Молодые люди, не заходя в комнату, отправились в душевые, что располагались в одном из концов длинного коридора. После кошмарного утра Берт ожидал всего, чего угодно — от ледяных

обливаний до грязевых ванн, но повезло. Просто закрытые кабинки с лейкой и двумя кранчиками. Правда, когда он разделся, предвкушая блаженство под горячей водой, оказалось, что ее нет.

Отчаянный вопль слышал весь этаж.

Столовая тоже подарила «неженке» пару не самых приятных воспоминаний вроде толкучки в очереди за вторым и совершенно не сладкого чая. И это еще не считая того, что располагалась она в стороне от казарм и до нее еще нужно было добраться после изнурительной тренировки.

— Я бы глянул, как ты вчерашнюю капусту ешь, — пакостно хихикнул проходящий мимо рыжий парень. Берт узнал его по странным круглым очкам на ремешке. Герман повернулся к нему, и парень поспешно ретировался, лавируя между курсантами с двумя полными тарелками. Когда очередь дошла до Альберта, то на подставленный им поднос шлепнулся половник с кашей, а рядом неаккуратно плюхнули охапку зеленого салата. Голодные после тренировки парни и девушки отпихнули страдальца в сторону, где его со своим подносом уже ждал Герман. Выглядел он при этом тоже не сильно довольным, впрочем, по его лицу вообще сложно было понять, о чем тот думает.

Одним словом, Берт быстро понял, что попал в ад.

— Я не выдержу, — пожаловался он, когда они вдвоем пытались отыскать в основном учебном корпусе нужную аудиторию. Мимо туда-сюда носились старшекурсники, которым до проблем поступивших дела не было. Берт страдал, разумеется, не молча, потому что долго молчать был физически не в состоянии. У всех есть свои маленькие и не очень слабости. С этой, как недавно сказал ему Герман, можно было скрепя сердце смириться.

— Нам направо... — Герман, не поворачивая головы, вытянул руку и скорректировал направление движения Берта, схватив за химок. — Направо, а не налево. До сих пор что ли путаешься?

Альберт оговорки не заметил, уже вовсю разглядывая широкий коридор с высокими арочными потолками, в который они попали, поднявшись на четвертый этаж крыла «Г». Каждые метров пятьдесят из стен выступали ребра полуколонн, и казалось, что находишься не в здании, а внутри гигантского рыбьего скелета. По обеим сторонам мягко мерцали магические огни, заключенные в изящный каркас из

металла и стекла. Дверные проемы учебных кабинетов тоже были высокими и стрельчатыми, как в рыцарских замках из книг, которые в детстве обожал Герман.

— Туда, да? — Берт первым заметил и указал на дверь с чуть приоткрытой створкой. — Лекционная 411?

Герман кивнул и, притормозив, наглухо застегнул форменный темно-синий китель с посеребренными пуговицами. До начала занятий оставалось еще четверть часа, которые он, похоже, предпочел бы провести подальше от шумных сокурсников, но Альберт любил общение. Герман обошел друга и первым толкнул дверь.

— Явился!

Берт вздрогнул, подавляя детское желание спрятаться за спину Германа. Просторное помещение с уходящими ввысь рядами столов было почти наполовину забито учениками. Они шумно переговаривались, смеялись, делились впечатлениями, пока не услышали скрип и шаги вновь прибывших. И одновременно затихли и уставились на них. В наступившей тишине громкий голос Ролана, все еще переживающего свой утренний позор, прозвучал по-особенному истерично.

— Хочешь испортить нам первую лекцию?

Плечи Германа напряглись, и Берт беспомощно отступил на шаг. Его поведение было расценено неправильно.

— Да, красавчик, — одна из немногих сидящих здесь девушек хихикнула. — Отойди от него подальше, пока мозги на месте.

Много ума не нужно, чтобы понять — Германа мало кто любил. И Берт тоже это сразу понял, только вот почему — до него никак не доходило.

— Привет! — он вышел вперед, загораживая его собой. — Меня зовут Альберт Кельвин, но лучше просто Берт.

Он улыбнулся, чувствуя, как потихоньку снижается накал страстей в аудитории. Быть может, когда-нибудь удастся вспомнить, как это получается, но еще в городе, до злосчастного поступления, Берт сообразил, что его-то люди очень даже любят. Нужно просто им улыбаться, и все будет хорошо.

— Тебя никто не спрашивал! — рявкнул Ролан, но сидящий рядом с ним Вуди уже не спешил активно поддакивать. Да и сам Ролан

почему-то больше не хотел устраивать скандал, поэтому расслабленно откинулся на спинку скамьи и бросил уничижительно: — Придурки...

Герман схватил Берта за рукав неуместно пестрой кофты в рыже-черную широкую полоску и потащил наверх, на самый последний из занятых рядов. Расположившаяся там парочка тут же поднялась и пересела подальше.

Герман решил, что комедию пора заканчивать.

— Даже не пытайся с ними подружиться, — прошипел он на ходу, толкая Берта на скамейку и присаживаясь рядом. Получилось слишком резко и даже немного грубо. Лиловые глаза Альберта сразу влажно заблестели, но Герман и так долго сдерживался. Легкая мигрень, которую до этого времени удавалось игнорировать, списывая на усталость, сдавливала виски. Кругом было слишком много негатива, он витал в воздухе, точно ядовитые испарения, и Герману приходилось этой дрянью дышать. Грудь распирало от не принадлежащих ему эмоций, кончики пальцев подрагивали, в голове на разные лады звенели колокола.

Вдох-выдох.

Герман потянулся к безымянному пальцу левой руки, уже понимая, что повторил вчерашнюю ошибку. Странно еще, что заметил так поздно, не иначе вчерашнее вмешательство учителя Гротта отвлекло.

— Если я соберусь бить Ролану морду, просто держи меня, хорошо? — глухо попросил он. Раздражение плескалось внутри, грозя в любой момент вырваться и все испортить. Берт рядом беспокойно заерзал. От него исходил тот самый сладковатый запах вишни, по которому Герман узнал его вчера в парке. Чаще всего он означал, что Берт пользуется врожденной магией, причем, скорее всего, неосознанно, потому что воздействовать разом на такую резко настроенную толпу даже для Альберта чересчур. Представляя себе откат, который скоро за этим последует, Герман почти перестал злиться.

— Прости, — он быстро, чтобы больше никто не заметил, коснулся его локтя. — Не хотел тебя пугать.

Берт оказался шустрее, восторженным клещом вцепился в его ладонь и, обдавая жаром облегчения, воскликнул:

— Герман!

Он вырвался, оглушенный не только излишне громким возгласом, но и последовавшей за этим волной умильно-розовой радости. Отчего-то эмоции Альберта представлялись ему похожими на сладкую вату. Наверное, впечатления из детства.

Следом за этим незащищенным, изрядно обострившимся восприятием Герман почувствовал приближение учителя, буквально за несколько секунд до того, как тот влетел в аудиторию.

— Простите, простите, простите! — Савелий Кишман подскочил к кафедре, роняя на нее ворох бумаг, и, выдохнув, еще раз извинился. — Простите, опоздал. Не успели соскучиться?

Он оглядел разбросанных по рядам недоумевающих курсантов.

— Что-то вас маловато. Все пришли? Никого не забыли?

Народ всколыхнулся, все начали переглядываться, вспоминать. А вот Герман и без того прекрасно знал, что все на месте — еще на входе машинально отметил, кто где сел, к тому же собственное расположение обеспечивало отличный обзор. Сава как раз дошел до последнего ряда, окинул взглядом их двоих, отбившихся от группы, и улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Ладно, тогда предлагаю не затягивать с прелюдией. Меня уже многие из вас знают, а если вдруг у кого-то приключилась внезапная амнезия, — он сделал паузу, и раздалась пара нестройных смешков, — меня зовут Савелий Кишман, я ваш декан и заодно буду преподавать у вашего потока межмировую историю и геополитику. Да, представляю себе, что вы сейчас подумали. “Мы проходили это в школе, зачем повторять по десять раз”, — смешки стали гораздо стройнее. — Но вынужден буду вас расстроить, дорогие мои. Забудьте все, чему вас учили в школе. Я расскажу вам, как все было на самом деле.

— Так вы что, создание вселенной застали? — пошутил кто-то, судя по пакостным интонациям, из свиты Ролана. Тут Герман, конечно, мог быть слишком пристрастным, но проклятая мигрень от постоянного шума в голове и из святого делает демона.

Савелий шутку оценил:

— Если бы застал, написал бы об этом монографию и стал магистром без очереди. Но увы, приходится подвизаться простым деканом.

Герман хмыкнул. Для “простого” декана Кишман — личность слишком неординарная. И еще Герман не мог отделаться от зудящего

чувства недоверия к нему, хотя сейчас все ощущения — и свои и чужие — до того переплелись, что разобраться в них без глупо забытого в комнате кольца-блокатора было совершенно невозможно.

— Так вот, — учитель кашлянул, привлекая внимание. — Я буду преподавать вам межмировую историю аж восемь часов в неделю, поскольку до церемонии магической инициации практика у вас будет в ограниченном объеме. Триместр завершится фееричным зачетом, но не думайте, что будет достаточно протянуть мне зачетку и поморгать глазками. Я же все-таки декан, меня положено бояться и уважать. Можно по очереди, можно одновременно. И, если вопросов нет, я бы озвучил тему вводной лекции.

Герман историю любил, может быть, только это и держало его в сознании. Собственно говоря, он и сам не мог сказать наверняка. К тому же присутствие под боком искрящегося оптимизмом и любопытством Альберта поддерживало слабую гармонию в его энергетических каналах. И все же хотелось, чтобы занятие поскорее закончилось и можно было запереться в своей комнате и успокоиться.

— ... не так уж и скучно, как кажется. Кто, например, скажет мне, сколько сейчас насчитывается обитаемых миров? Курсант Грэм?

Ролан забегал глазами по аудитории, точно выискивая ответ на стенах и на лицах однокурсников:

— Э... Пятьдесят? Нет, Сто. Точно сто.

— Герман?

Он ответил, не задумываясь:

— Телепортационные сети Ойкумены в настоящее время охватывают двести семьдесят независимых миров, последние восемь из которых были присоединены к сети в прошлом году.

Учитель хлопнул в ладоши.

— Браво! Я уже чувствую родственную душу, — он снова повернулся к Ролану. — И какие же миры были присоединены последними?

Ролан покраснел.

— Э... Эээ...

— Герман?

— Аддика, Гинезия, Моннгейт...

— Достаточно, — Кишман довольно прищурился. Прохаживаясь между рядов, он остановился возле Германа. — Любишь историю?

Герман кивнул. Скрывать не имело смысла, хотя выдавать информацию о себе он не любил.

— Хорошие познания для только поступившего. Молодец.

— Да это в школе всем рассказывают! — Ролан не сумел пережить очередное унижение за сегодня. — Хорош умничать, ублюдок.

Герман почувствовал, сейчас точно взорвется. К несчастью, это почувствовал не только он...

— Не надо! — Берт вцепился в его локоть, всем весом оттягивая вниз, куда-то под парту. — Прошу!

— Э? — удивился не только Герман, но и Кишман, и все остальные. Герман пару раз на пробу дернул рукой, но тощий на первый взгляд Берт умел быть настойчивым. И очень тяжелым. — Ты что творишь? Отцепись немедленно.

Альберт растерянно захлопал длинными светлыми ресницами:

— Но... ты же сам просил. Если вдруг решишь набить морду... — он бросил взгляд в сторону приподнявшегося Ролана и потерянно уточнил: — Ты ведь не собираешься, да?

— Ну само собой! — Герману, наконец, удалось сбросить Берта со своей руки. Щеки горели. Ну почему Альберт всегда такой... Очень хотелось сказать “идиот”, но даже мысленно Герман себя поправил. Эмоциональный. Альберт всегда слишком эмоциональный, и что удивительно — его слова и его чувства никогда не расходились. И сейчас он сильно волновался.

— Молодые люди, если вы закончили, я бы предложил устроить, хм, — учитель Кишман нехорошо усмехнулся, — баттл. Ролан против Германа. До первого перевеса в баллах.

Ролан побагровел, и до Германа необыкновенно четко донеслась его отчаянная ярость, замешанная на страхе прилюдного позора. Он боялся проиграть “монстру” и при этом знал, что так оно и будет.

Хотя бы это он знал точно.

— Согласен, — Герман и сам себе удивился, но просто не мог устоять от искушения. — Если он не боится.

Удар был нанесен специально и, наблюдая за соперником, Герман видел, что попал в цель. Это приносило неожиданное удовольствие.

— Что ж, — Савелий довольно потер руки. — Тогда первый вопрос. В каком году было основано Училище военно-магических

дисциплин? Ролан.

Парень пошел багровыми пятнами. Герману даже показалось, что он слышит, как в его ограниченном мозгу проносятся панические мысли. “Я не знаю!”, “Что мне делать?”, “Надо что-нибудь сказать”. Германа тошнило от его беспомощности.

— В 3115 году по межмировому летосчислению, — услышал он свой уверенный голос. Все-таки не выдержал.

— Ты не дал мне подумать! — вскочил Ролан.

— Было бы чем.

Альберт нервно сцепил пальцы. Ролана было даже немного жалко, ведь и сам Берт ни на один из вопросов ответить бы не сумел. А Герман будто специально издевается.

— Отлично! — Сава по-мальчишески быстро подбежал к доске и маркером написал на ней счет — 0:1 в пользу Германа. Товарищи Ролана недовольно загудели.

— Второй вопрос, — Савелия неодобрение учеников вообще не волновало, в его эмоциях доминировали жадный азарт и любопытство. Не слишком хорошая смесь. — Посвежее. Какое название носит мир, имеющий самое обширное и богатое месторождение железной руды в Северном секторе вселенной? Ролан, у вас появился шанс отыграться. Уж на этот вопрос вы должны знать ответ.

Берт покосился на друга. Герман сидел, откинувшись назад, и расслабленно поигрывал авторучкой. Ждал своей очереди.

— Э... — Ролан замялся и единственное, что вспомнил, пару названий, которые упомянул недавно Герман. — Аддика?

Учитель молча перевел взгляд на Германа.

— Виндштейн, — громко и четко произнес он. — Но неделю назад, после того, как стало известно о смерти королевской четы и обеих их дочерей, торговые отношения с соседними мирами были временно приостановлены.

— Новостями тоже интересуетесь? Очень оперативно, — Савелий с одобрением покачал головой. — Победа ваша. Выбирайте награду.

Герман задумчиво потер подбородок:

— Я хочу, хочу... — он внезапно улыбнулся, и Альберта передернуло от этой улыбки. — Хочу, чтобы он принес извинения.

По рядам пронесся дружный вздох удивления.

“Он с ума сошел!”

“Мало по зубам получал?”

“Какая наглость”.

“Самый умный что ли?”

Герман не умел читать мысли, но сейчас был напряжен до такой степени, что почти улавливал их, складывал из наслоений эмоций. Они все его ненавидели? Но за что?

В мозг будто вонзили раскаленный штырь. Тошнота стала более ощутимой, и вызвана была уже не только тупоголовостью Ролана.

— Ну, курсант Грэм, вас никто не задерживает. Встаньте и извинитесь, — Савелий снова с каким-то странным удовлетворением, будто его задумка удалась, потер руки. — Умейте проигрывать с достоинством.

Может, Альберт многого и не помнил, не только о себе, но и об окружающем мире, однако осознавал, какая жуткая несправедливость творится. Исход состязания был известен заранее и никакого достоинства в этом быть не могло.

— Стойте! — он порывисто вскочил. — Так же нечестно!

Герман посмотрел на него снизу вверх холодным взглядом, но Берту он показался каким-то мутным.

— Вы так считаете? — декан заинтересованно подался вперед из-за кафедры. — Альберт, да? Но ведь ваш друг, — он ткнул пальцем в доску, — ответил верно на два вопроса из трех.

Берт раздраженно мотнул головой:

— Соперники не совпадали по уровню мастерства, в смысле, по уровню знаний. Их нельзя было ставить в пару.

— Но правила есть правила, — отрезал учитель. — Проигравший должен выполнить желание победителя.

Берт перевел беспомощный взгляд на соседа. Герман сидел, прикрыв глаза, будто размышлял. Потом резко поднялся и повторил:

— Я хочу, чтобы он принес извинения.

Ролан тоже встал из-за стола и уперся в него дрожащими от злости руками.

— Ни за что!

— Я жду извинений.

— Отвали, урод!

Берт кусал губы и оттягивал рукава своей полосатой кофты — нелепый и неуместно пестрый посреди одетых в темно-синюю форму

учеников. Но его все равно точно не замечали.

Учитель Кишман самоустранился, наблюдая конфликт со стороны. Берт неловко мялся с ноги на ногу, как вдруг Герман почувствовал знакомый привкус вишни на языке. Берт очень хотел, чтобы все успокоились, так сильно хотел, что это снова началось — в голове стало легко-легко, тело наполнилось приятным теплом. Герман моргнул, быстро приходя в себя, но, к удивлению воспрянувшего духом Берта, продолжил яростную перепалку.

— Я тебя в порошок сотру! — рычал Ролан.

— Сначала рискни ко мне подойти.

— Сам рискни!

Альберт кулаком утер выступившие слезы. Хотелось крикнуть — ну кто-нибудь, остановите их!

Дверь резко распахнулась, и в аудиторию влетел учитель Гротт. Разумеется, Альберт этого знать не мог, а вот Герман его сразу узнал. Старомодный сливового цвета камзол из дорогого бархата, белоснежная рубашка с кружевным жабо и рубиновой брошью, узкие брюки и высокие черные сапоги. Импозантный, но не слишком подходящий для учителя вид.

Гротт быстро оценил ситуацию и набросился на Кишмана с упреками:

— Что тут происходит, Са... учитель Кишман? Шум стоит на весь коридор. Это все-таки военное училище, а не курятник! Потрудитесь объяснить, что вы тут устроили?

Герман поморщился, а Берт сел на место, чтобы не торчать посреди аудитории одинокой каланчой. А Савелий меж тем не спешил оправдываться:

— Обычная проверка на вшивость. Ты... вы же меня знаете. Крайне полезная практика, кстати, советую взять на вооружение.

И, хохотнув, Савелий хлопнул Вальтера по плечу.

— Если вы читали личные дела, — почти прошипел Гротт, не обращая внимания на вытянувших шеи курсантов, — то знаете, что ваши, с позволения сказать, “практики” могут сильно навредить некоторым из поступивших. Я все-таки добьюсь для вас дисциплинарного наказания, декан.

Вальтер Гротт некоторое время молча смотрел ему в глаза, потом развернулся и поднялся вверх, к последнему из занятых рядов,

громко спросив на ходу:

— Кто начал спор?

— Он! — палец Ролана уверенно ткнул в сторону Германа. — И у меня куча свидетелей.

Взгляд Вальтера остановился на Германе.

— Это так?

— Нет, — Герман поднялся. — Просто так вышло, что я умнее. Вот и все.

Гротт поправил очки на переносице и чуть заметно скривился:

— И считаете, что это то, чем стоит гордиться?

— Я приложил к этому много сил, — спокойно возразил Герман. — Да, я считаю это поводом для гордости.

Отвечая таким образом, он пытался просканировать учителя, но столкнулся с полным эмоциональным вакуумом. Или Гротт умело защищался, или чувств у него вовсе не было, впрочем, за свою недолгую жизнь Герман убедился, что они есть абсолютно у всех, и мало у кого хорошие.

— Почему ты не носишь блокатор? — Вальтер поймал его испуганный взгляд и успокаивающе махнул рукой. — Я нас экранировал, можешь не бояться. Хотя однажды все равно придется объявить, что ты эмпат, если об этом еще кто-то не знает. Так у тебя нет блокатора?

Герман попытался “прощупать” пространство, но вокруг них не осталось ни единой струйки чужих эмоций. Блаженная тишина ласкала истрепанные нервы.

— Я забыл его в комнате, но от него все равно немного толку, — вынужденно признал он. — Откуда вы все это знаете... обо мне?

Вальтер предпочел не отвечать на вопрос:

— Сегодня после занятий зайти в мой кабинет. Со своим блокатором.

Гротт направился к выходу. На Германа сразу накатила душная шумная волна, взрывая мозг. Он пошатнулся, опираясь рукой о плечо друга, и Берт вскочил, подхватывая его.

— Герман! Герман! — он потряс его, заглянул в побледневшее лицо. — Что с ним? Учитель!

Вальтер остановился возле двери.

— Ему нужна тишина. Декан, настоятельно рекомендую вам освободить этого курсанта от занятий на сегодня.

Савелий кивнул:

— Курсант Кельвин, отведите курсанта Германа в казарму.

Берт с готовностью вцепился в Германа, но тот его оттолкнул.

— Я сам.

Покачиваясь от слабости, он спустился к выходу и буквально вывалился в коридор. Там на него накиннулся Альберт:

— Что с тобой? Давай найдем доктора? Герман, поговори со мной! Герман, я так волнуюсь за тебя! Что мне сделать?

— Помолчать, — Герман закрыл глаза, прогоняя мельтешащие перед ними алые точки. Прислушался — так и есть. Берт очень хочет что-то спросить. — Что?

— Ммм... — он замялся и, заглядывая в глаза, робко поинтересовался: — А кто такие эмпаты? Почему учитель Гротт тебя так называл? Это плохо?

Герман застонал и прикрыл лицо ладонью.

Неприятный разговор придется провести гораздо раньше, чем планировалось.

*Училище военно-магических дисциплин

Урок 3. Со слова “просто”, как правило, и начинаются настоящие сложности

Сонные, все еще не привыкшие к ранним подъемам и физическим нагрузкам курсанты топтались на спортивной площадке позади основного корпуса, украдкой позевывая.

— И чего вы столпились, как стадо баранов? Быстро построились!

Вялая толпа всколыхнулась, поднимая удивленные лица на грозный голос Вальтера Гротта, и вытянулась в линейку. Увидеть старшего преподавателя тактических наук на занятии по фехтованию никто не ожидал, первые четыре урока преподавал другой учитель. Вальтер прошелся вдоль образовавшейся шеренги, дошел до конца, развернулся на каблуках и, приложив ладонь к лицу, недовольно пробурчал:

— Бездари.

Услышал его только Герман, оказавшийся как раз в самом конце построения. Даже Берт, первый день наряженный в слишком строгую для него студенческую форму темно-синего цвета с белыми вставками по бокам и на воротничке, удостоился места посолидней. Проще говоря, он был предпоследним. Герман подавил ухмылку, продолжая тянуть подбородок и держать спину. Как бы его не пытались унижить, он был уверен, что выше любых издевок и способен выдержать и худшее к себе отношение. Особенно теперь, когда на пальце поблескивало кольцо-блокатор, куда более сильное после настройки Вальтером, чем прежде.

Получив утром, перед построением, свой артефакт обратно, Герман не спешил его надевать. Учитель Гротт казался ему таким же подозрительным, как и его друг Савелий Кишман, и в то же время Герман видел в нем старшего и более опытного товарища. Впрочем, от желания поделиться своими проблемами все-таки сдерживался. Кто знал, что могло происходить в голове человека, так тщательно

скрывающего свои эмоции, ведь даже его гордое лицо всегда оставалось беспристрастным.

Вальтер прошелся вдоль шеренги в обратном направлении, быстро и, судя по вскрикам, очень болезненно выправляя стойку каждого второго курсанта.

— И чему вас только Дженаро учил?

Вопрос был больше риторическим, но тут же нашелся желающий ответить.

— Стойкам...

— И выпадам, — добавил девичий голосок совсем близко от Германа.

— Ну, допустим, — Вальтер заложил руки за спину и отошел на несколько шагов, к выкатной стойке с разнообразным оружием. Снял сверху два деревянных меча.

— Кто-нибудь готов показать, на что он способен? — цепкий взгляд Вальтера пробежался по опущенным головам, чуть дольше задерживаясь на Германе. Берт рядом нервно заерзал, тут же привлекая к себе внимание, и Герман почувствовал, как тому неудобно.

— Курсант Грэм? — взгляд Гротта метнулся в другой конец колонны.

— Я! — названный сделал шаг вперед.

— Кто должен быть первым?

Ролан, как и все, удивился вопросу, но быстро отыскал в нем плюс для себя. Мстительно улыбнувшись, он переглянулся с Вуди.

— Пусть Герман идет. Он самый умный из нас, так пусть покажет и свое мастерство. Не все же языком трепать.

— Курсант Герман? — Гротт обратился к нему, и Герману ничего не оставалось, кроме как выйти вперед. С самого первого дня своей новой жизни в училище он старался не выделяться и привлекать к своей персоне как можно меньше внимания. Но чем больше старался, тем хуже получалось. Вальтер бросил ему ученический меч, Герман умело поймал его в воздухе и вышел на площадку, усыпанную песком. Примерился к рукояти, взвесил тренировочное оружие в руке, размял кисти.

— Нападай, — велел Вальтер. — За меня можешь не волноваться.

Герман нахмурился, безрезультатно пытаясь прочесть его намерения. Для него учитель Гротт был не самым удобным

противником, даже если опустить его явно преобладающие навыки владения холодным оружием. Глухой эмоциональный барьер сводил преимущества самого Германа почти на нет, и все, что он мог — вскинуть меч и броситься сломя голову на противника, метя в основание шеи. Он не надеялся на быструю победу, строго говоря, не надеялся на победу вообще, но и проигрывать с первого удара не собирался.

Вальтер с ухмылкой отступил в сторону, даже не пытаясь заблокировать удар и позволяя Герману по инерции уйти вперед и открыть спину. Развернулся, направляя клинок вверх, чтобы обрушить на него, но Герман уже успел присесть, широко расставив ноги, и, раскручиваясь, ударить по ногам противника. Гротт допустил две ошибки: он не заблокировал удар, действуя преднамеренно медленно, видимо, желая наглядно показать, к чему приводят необдуманные атаки. И он не оценил изворотливости обычного деревенского парнишки, едва успевая подпрыгнуть и позволить мечу просвистеть параллельно земле.

— Хитро, — Гротт усмехнулся, приземляясь и ловя равновесие. Атака оказалась неожиданной, словно Герман с самого начала планировал его обмануть. Секундной задержки хватило Герману, чтобы кувырком, подняв клубы пыли, откатиться в сторону и подняться. — Неплохо. Но ты циркач или боец?

По ряду расслабившихся учеников пробежался смешок.

— Разве это имеет значение, пока я не проиграл? — Герман перевел дух и передернул плечами, удобней перехватывая меч. Первый раунд он выдержал, хотя и победой это пока не назовешь. Вальтер не походил на человека, который стал бы долго играть с противником. Учитывая разницу в подготовке, он скорее закончит этот показательный бой в несколько ударов. Более того, Герман был уверен, что следующая его атака поставит в нем финальную точку.

Вальтер перехватил рукоять обеими руками, поднял вверх, доводя гарду до уровня лица, будто примеряясь к сопернику, и без предупреждения сделал выпад с левой ноги. Герман же следил за правой, ожидая иного маневра. Не зная, как правильно заблокировать этот удар, он поступил так, будто от этого зависела его жизнь. Увернувшись вбок, он в любом случае не успел бы уйти с линии поражения — Гротт был слишком быстр. Попробовать отбить в

сторону означало снова открыться более ловкому и опытному противнику. Счет шел на секунды. Герман молниеносно развернулся, пропуская клинок в миллиметрах от груди и, воспользовавшись вынужденной заминкой Гротта, одной рукой оплел его выпрямленные руки, выкручивая их. Отчаянно сцепил зубы и схватился за лезвие ладонью, стремясь выхватить оружие из ослабевших пальцев. Однако Вальтер легко вывернулся из неловкого захвата и сам выбил меч у него из рук. Герман просто не успел ничего понять.

— В реальном бою заточенная кромка раскроила бы тебе ладони до кости, — безжалостно бросил учитель, поднимая с земли меч Германа. — Это было бы оправдано, будь ты хоть немного опытнее. Но сейчас ты подписал себе приговор. Солдат, лишившийся рук, никому не нужен.

Германа накрыло направленной волной ледяного снисхождения. Таким образом Вальтер показывал ему, насколько правдив в своих словах. Не издевался — говорил так, как есть.

— Из этого боя можно сделать несколько простых выводов, — Гротт отправил мечи в стойку и, заложив руки за спину, прошелся вдоль ряда вновь подтянувшихся курсантов. — Настолько простых, что я бы хотел услышать их от... курсант Грэм!

Парень вздрогнул и промолчал.

— Шаг вперед, курсант!

Ролан подчинился.

— Я вас слушаю, — поторопил Гротт. — Ваши выводы.

— Ну... Он вам проиграл.

— Не настолько простые, курсант Грэм. Что вы скажете о самом бое.

— Он не владеет основными приемами фехтования, дерется грязно и неумело, — Ролан вошел во вкус и хмыкнул: — Деревенский стиль. Позор для курсанта Училища военно-магических дисциплин.

Альберт дернулся к нему, но был остановлен твердой девичьей рукой. Маленькая хрупкая брюнетка, стоящая рядом, приложила палец к губам, и Берт отчего-то ей подчинился.

— Вернитесь в строй, Грэм, с вами все ясно, — Гротт поджал губы и покачал головой. — Печально, очень печально. А теперь все послушали меня. Два вывода, до которых вы сами оказались не в состоянии додуматься. Первый — оцените противника, прежде чем

нападать, и оцените свои шансы. У Германа их не было, поэтому он придумал обманный ход, на который я чуть не попался. Второй вывод — если шансов нет и противник на голову вас превосходит, боритесь так, как умеете. Ваша жизнь выше правил. Есть возражения?

— Никак нет! — радостно отсалютовал рыжий парень с неизменными очками, болтающимися на шее. — Все предельно ясно!

— Заткнись, Рене, — прошипела соседка Берта по строю и толкнула его локтем.

Герман ждал и терпел изучающие взгляды сокурсников. Гротт не позволил ему вернуться в строй, значит, испытание для него еще не закончилось. И оказался прав.

— Я поторопился выходить против тебя, — учитель повернулся к нему. — Выбери себе соперника твоего уровня. Как насчет...

Он заскользил взглядом по нестройному ряду, заставляя учеников краснеть, бледнеть и покрываться нездоровыми пятнами. Только на Берта вдруг напала беспричинная активность. Он вытянулся во весь свой немалый рост, завертел головой и даже пару раз скромно подпрыгнул, едва не отдавив ногу своей соседке. Он очень хотел, чтобы Герман выбрал его.

— Меня, меня, меня... Назови меня... — бормотал он, как заклинание, и на него уже начали нехорошо коситься. Герман молчал.

— ... Дзюн Мэй? — Гротт кивнул на маленькую брюнетку с раскосыми черными глазами. — Ваш учитель, Дженаро, упоминал, что у нее нестандартный стиль боя.

Герман снова проигнорировал просящую мордашку друга, оценивая Дзюн. Потянулся к ней мысленно, ослабляя действие кольца, и едва заметно улыбнулся. Девушка внутри оказалась такой же хорошенькой, что и снаружи. Ровная, гладкая, как шелк, уверенная сила, к которой хотелось прикоснуться и впитать приятную ласкающую прохладу. Но драться с Дзюн Герман не хотел.

— Я буду биться с Кельвином.

Берт издал восторженный возглас, разом сдав себя с потрохами. Герман наклонил голову, пряча глаза. Его решение было продиктовано вовсе не дружеской симпатией или, как вероятно подумало большинство, желанием выбрать противника послабее. Судя по ощущениям — горячим и пульсирующим, как огромное сердце — ему это было настолько необходимо, что могло пробудить спящую память.

— Я готов! — Берт выскочил на середину поединочного круга, нашел глазами стойку с оружием и вдруг замер на месте, как изваяние.

— Альберт, — голос Германа попытался его остановить.

— Курсант Кельвин, немедленно остановитесь, — вторил ему учитель Гротт. Но тот уже тянул руки к стойке.

— Альберёт, положите шпагу на место! — Вальтер увел у него из-под пальцев узорную позолоченную гарду. — В столовой с вилками играть будете. А это боевое оружие.

До Германа донеслось эхо почти детской обиды и огорчения, но по Берту и так было видно, как тот расстроился. Им обоим вручили по деревянному мечу и отправили обратно в круг.

— Ты видел ее, Герман? — Берт встал напротив и машинально принял стойку — одна нога чуть впереди, другая отставлена, носок повернут в сторону, корпус развернут, чтобы больше обезопасить себя от внезапной атаки. Меч в вытянутой руке метит острием точно в глаза противнику. — Она шикарна! Я ее хочу.

Вальтер дал отмашку, и Герман не стал отвечать, сосредоточившись на поединке. Стадию оценки можно смело миновать, ведь Герман постигал искусство фехтования под началом Альберта и прекрасно изучил его сильные и слабые стороны. Как и тот его. Нужно было заставить Берта вспомнить.

Герман резко выдохнул и пошел в атаку. Мечи скрестились с громким стуком, Альберт и не думал избегать столкновения, с азартом принимая удар на повернутый плоской стороной клинок, отбил, отпрыгивая назад, и тут же сам пошел вперед, занося меч по диагонали и метя в нижний левый сектор. Герман разгадал его маневр раньше, чем поднял свой клинок в универсальной защите.

Их поединок походил на танец. Берт улыбался, легко размахивая деревянным мечом. Знакомые привычные ощущения. Он делал шаги и выпады не задумываясь, будто это было для него естественно. Герман тоже вошел во вкус, с залихватским уханьем обрушивая на верткого противника град ударов. Альберт скакал по площадке, уворачиваясь и награждая друга меткими, но неопасными уколами. Грудь разрывало от удовольствия.

— Хватит. Достаточно, — Вальтер вскинул руку, останавливая бой. — Было бы интересно проверить, сколько вы оба выдержите, но на это не хватит времени. Давно тренируетесь вместе?

Герман открыл рот, но тут же закрыл его. Сказать правду? Он посмотрел на улыбающегося Берта и передумал, момент был неподходящий.

— Первый раз.

— Да-да, — охотно подтвердил Альберт, поспешно приглаживая перепутавшиеся кудри. Золотистые завитки вылезли из-под ослабших заколок и торчали в разные стороны. Герман твердо встретил пытливый взгляд Вальтера, в котором явно читалось сомнение. Возник секундный соблазн снять свою хлипкую защиту и показать ему все, что творилось в голове, однако Герман напротив только ее усилил, выжимая из блокатора всю мощь. Он не был уверен, что может довериться этому человеку, как и любому другому. Не тогда, когда дело касалось единственного друга.

— Ладно, — Гротт кивнул. — Молодцы.

Альберта пришлось буквально тащить на себе прочь от тренировочной площадки, чтобы тот снова не попытался сцапать понравившуюся шпагу. Желание заполучить ее окутывало Берта густым удушающим облаком, от которого почти что слезились глаза. Герман узнал этот клинок, сложно было не сделать этого после того, как Берт налетел на нее голодным коршуном. Любимая шпага, он таскался с ней повсюду с пятнадцати лет, даже имя ей дал, правда, его-то уж Герман вспомнить не смог. Или это было не совсем имя?

— Я ее хочу, — упрямо повторил Берт, плетясь за другом к зданию казармы. Герман знал и этот тон, не предвещающий ничего хорошего. Теперь Альберт в лепешку расшибется, но придумает способ исполнить свой каприз. Сколько раз это уже повторялось...

— Забудь, — велел он строго. — Носить реальное оружие в стенах училища запрещено. Уясни это, а лучше запиши где-нибудь.

Хотелось добавить про дырявую память, но Герман сдержался. На пути им встретился чудом отставший от приятеля Вуди. Встретив взгляд Германа, он попятился, споткнулся о бордюрную насыпь дорожки и едва не упал.

— Не смотри на меня! — взвизгнул Вуди, театрально прикрывая пухлощекое лицо руками, но тот и не собирался терять времени. Протащив Берта мимо, он вместе с ним скрылся в темном зеве общажной проходной.

— Герман! — Альберт все-таки вырвался и, умильно хлопая глазами, завел свою песню на другой лад. — Мне так понравилось с тобой драться. Даже и не знал, что так умею. Представляешь? Это все из-за той красавицы. Если бы я мог прикоснуться к ней хоть раз, может, вспомнил бы что-нибудь о своей прошлой жизни. Как думаешь?

Герман обреченно вздохнул. К страстному желанию добавился тонкий флер торжества. Берт что-то задумал и уже начал претворять свой “гениальный план” в жизнь. Что ж, сейчас лучше подыграть ему, чем спорить и взывать к голосу разума, который, как известно, у Альберта имел ограниченный радиус действия.

— Идем в комнату, пока вся казарма не узнала о твоей амнезии.

Альберт, полагая, что Герман его не видит, победно вскинул вверх сжатые кулаки.

Стефания злилась. Ее верная телохранительница и подруга, Ситри Калькбреннер, украдкой вздохнула, немного подустав от непрекращающихся раздраженных выпадов хозяйки. Впрочем, стоит отметить, что поводов у Стефании хватало.

Мало того, что их совместное путешествие несколько затянулось, так еще и привело обеих на замызганный чердак богами забытой ночлежки под не слишком привлекательным названием “Черная дыра”. Именно туда, по мнению Ситри, и вылетали их деньги, которых и без того осталось немного. Девушка села на колченогий стул и принялась в сотый раз перебирать их нехитрый скарб. Меч в ножнах стоял, прислоненный к ноге. А Стефания продолжала бушевать:

— Ненавижу эту дыру! Нам нужно попасть в училище как можно скорее, почему мы еще тут? Ситри!

Телохранительница флегматично складывала вещи в сумку.

— Ситри!

— Потому что вам нужно было время, чтобы успокоиться. И отдохнуть.

Стефания насупилась:

— Прекрати уже выкать, мы же договорились.

Ситри кивнула, не поднимая головы.

Девушки внешне были абсолютными противоположностями друг другу. Высокая, мощная и крепкая Ситри выглядела на фоне

маленькой и узкоплечей хозяйки настоящей великаншей и, если бы не светлые волнистые волосы, собранные в две неопрятные косы, и грудь, едва влезающая в походный кожаный доспех, ее можно было принять за молодого парня. И Ситри не стремилась выглядеть женственной, считала, ей это ни к чему. Стефания была обладательницей довольно милого личика, чуть подпорченного пухлыми, но всегда упрямо поджатыми губами и непримиримым взглядом человека, вечно подозревающего подвох.

— Пойдем сегодня, — подумав, выдала она и потянулась. Ночью поспать почти не удалось. Владелец этой так называемой гостиницы взял с них за постой как за двоих, а койка была всего одна, и та узкая, скрипящая и воняющая, как вчерашние носки. — Помнишь, что я говорила?

Ситри кивнула и резко поднялась, едва не сломав жалобно застонавший стул. Отряхнула руки о штаны и потянулась к волосам Стефании. Та позволила себя расчесать и заплести две косы, но куда более аккуратные, чем у самой Ситри, темно-русые и длинные.

За окном светило солнце, и обе девушки подошли к окну, наслаждаясь теплом, которого в их родном мире большую часть года не хватало. Ситри думала о том, что не позволит никому причинить вред ее хозяйке, даже если против них выйдут все маги УВМД. А Стефания щурилась на солнце, улыбка кривила ее губы, и в голове складывался план, который просто не мог провалиться.

— Идем, Ситри. И если этот грубый торгаш будет требовать денег, можешь показать ему меч.

Калькбреннер любовно погладила ножны и закинула их за спину.

— Да, хо... Стефания.

Территория училища оказалась обнесена оградой, такой непрочной на вид, что Стефания едва справилась с порывом прикоснуться к тонким металлическим прутьям. Из города пришлось немало пройти пешком, чтобы сэкономить на транспорте, и теперь ей очень хотелось поскорее со всем покончить. Но разум подсказывал, что самое охраняемое и закрытое учебное заведение Визании едва ли полагалось только на острые наверхия кованого частокола. До инициации Стефания не могла разглядеть, сколько слоев магии окутывает это место, но догадывалась, что как минимум одно касание к ним поставит на уши все УВМД, как максимум — добравшись до

КПП, охрана обнаружит возле ворот кучку пепла. Прикинув в голове все возможные варианты, Стефания вычленила в рисунке, складывающемся из переплетений чугунных роз, стилизованный отпечаток человеческой ладони и уверенно положила на нее свою. Ситри испуганно дернулась, но ничего страшного не произошло. Ворота бесшумно распахнулись, и перед девушками открылась выложенная мозаичной плиткой дорожка.

Урок 4. Драка один на один особенно хороша с группой поддержки за спиной

Ненавязчивое подначивание Берта очень скоро превратилось для Германа в фоновый шум, который легко игнорировать. Он схватил с полки первую попавшуюся книгу и завалился на кровать, планируя посвятить час свободного времени чтению, однако у Альберта имелись другие предложения.

— Пойдем прогуляемся, — он сел рядом, в ногах, снова ударившись о верхнюю полку, и сдавленно ойкнул. Герман всякий раз не оставлял надежды, что очередной удар вправит ему память на место. Увы, снова не повезло. — Я тебе кое-что покажу. Это сюрприз.

От ровного жужжания Берт перешел к целенаправленному приставанию, из чего Герман сделал вывод, что шансов отказаться у него нет. С некоторыми людьми проще соглашаться, да и спокойнее как-то.

— Ура! — Альберт вскочил, чудом избежав повторного столкновения с полкой. — Пойдем тогда скорее, это будет интересно.

Поведение Берта напрягало. Он и раньше вел себя как избалованный ребенок, но сейчас кто-то изрядно покопался в его мозгах, окончательно вывернув их наизнанку. Герману начинало казаться, что лучше не искать подходящего момента, а вывалить всю правду, что он о нем знал — пусть сам с этим разбирается.

— Идем, идем... — проворчал он, так и не найдя в себе сил заговорить о важном.

Вечерние часы до отбоя были отведены под свободное время, и курсанты разбрелись по комнатам, утомленные утренней тренировкой и долгим учебным днем. Холл тоже был пуст и по традиции погружен в прохладный полумрак. Вахтерши опять не было, и молодые люди прошли сразу на выход, попав из царства вечного сумрака напрямую под яркие лучи клонящегося к закату солнца. Казарма второго потока стояла чуть в отдалении от остальных строений, одной стороной примыкая к внешнему ограждению, а другой выходя на площадку для утренней зарядки. А вот общежитие первого потока было окружено

миленьким садом и вообще выгодно отличалось от простых казарм. Обитающие там ученики имели привилегированное положение, что, конечно же, не было дискриминацией, если верить Уставу. Но трудно не думать об этом, зная, что первый поток после окончания учебы отправится служить в звании офицеров, а Герман и его сокурсники станут лишь частью военной мощи Ойкумены. Или просто вернуться домой.

— Так куда ты меня ведешь? — Герман так задумался, что не следил за дорогой, и опомнился только оказавшись в самой дальней части тренировочной площадки. — Следовало догадаться. Кроме учебного корпуса “Г” и столовой ты больше ничего не знаешь. А в столовой мы уже были.

Альберт расплылся в хитрой улыбке и рванул к дальнему краю засыпанного песком круга. Упал на колени, не заботясь о чистоте новенькой формы, и принялся увлеченно копать. Герман даже заинтересовался.

— Мы ищем клад?

— А? — Берт отвлекся. — Нет, лучше. Вот, нашел!

Он поднялся и продемонстрировал два тренировочных меча, точнее даже не меча, а отполированные палки. Еще утром они торчали из стойки с оружием.

— Ты был со мной, — нахмурился Герман, предчувствуя неприятности. — Признавайся, кого подговорил на нарушение?

Альберт уставился на него честными-пречестными глазами.

— Никого! Она сама, я просто случайно увидел.

Герман присмотрелся к другу, но расспрашивать дальше не стал — понял, что сейчас Берт поделницу не сдаст, быть может, потом, когда молчать станет для него невыносимо.

— Дай угадаю, — Герман смерил его смеющимся взглядом. — Хочешь еще раз сразиться со мной? Хм, ну давай.

Его буквально окатило удушливой волной радости, пробившейся даже сквозь усиленный барьер блокатора. Герман поморщился и взял оружие, готовясь принять стойку. Берт разве что не подпрыгивал от предвкушения и походил на маленького щенка, которому показали сахарную косточку.

— Ну! Ну начнем же, — воскликнул Альберт и мгновенно выпрямился, перестав походить на непоседливое дитя.

— Эй, а вы не в курсе, что драки на территории училища запрещены?

Герман мысленно чертыхнулся. Напрасно надеяться, что Ролан с его прихвостнями когда-нибудь оставит его в покое. Их регулярные стычки начались чуть ли не с момента зачисления, и для Германа до сих пор оставалось секретом, чем же он так задел своего сокурсника. Ничего кроме серо-сизой дымки злой обиды в его эмоциях Герман почти не улавливал, а мысли читать, увы, не умел.

Ролан с неизменным Вуди за правым плечом и еще четырьмя друзьями вышли из-за главного корпуса с вполне определенными намерениями. Конфликта было не избежать, Герман это понял сразу, как только услышал знакомый голос, поэтому отбросил палку в сторону. Если кто-нибудь застанет их компанию в разгаре ссоры, виноватым окажется тот, у кого оружие. Или его хлипкое подобие.

Берт вылез вперед, разводя руками и расплываясь в улыбке.

— Да ладно вам! Ничего ж такого не случилось! Или... — Альберт встревоженно облизнул губы, словно его посетила какая-то новая догадка (бредовая догадка — мысленно уточнил Герман), и засветился так, что эмпат чуть не ослеп от вспышки чувств, греша на побочные эффекты обновленного кольца-блокатора. — Может, вы тоже хотите присоединиться?

Берт захлопал в ладоши, глупо улыбаясь. В рядах противника всколыхнулось сомнение, в первую очередь задев самых слабых. Двое замыкающих построение переглянулись. Они точно были уверены, что не хотят ввязываться в драку, а теперь еще глуповатый блондин казался им самым прелестным созданием на свете и в обаянии проигрывал только пышногрудой Люси Шерилд. Секретарша Кишмана уже давно успела покорить молодые сердца многих курсантов, и явно не своим блистательным умом.

— Остановись, — шикнул Герман, дергая друга за плечо. Одурачивающий запах вишни кружил голову, навязчиво, как и весь Альберт. — Тебе же хуже будет, дурак.

Голос Германа разрезал разлившееся в воздухе обманчивое очарование как нож масло. Лицо Ролана вмиг пошло пунцовыми пятнами.

— Уйми своего щенка! — выпалил он, чувствуя, как мысли приходят в беспорядок. Но он твердо помнил, зачем пришел. Никто не

смеет безнаказанно выставлять его идиотом. — Нашел, кого дрессировать?

— Уйди, Ролан, — пока еще спокойно, без тени угрозы попросил Герман, становясь рядом с Бертом. — Представим, что не видели друг друга.

Тошнотворно-сизая дымка обиды всколыхнулась, превращаясь в беспричинную злобу, и Герман отвел глаза, правда, видел он все равно не ими. Нет, Ролан не уйдет по-хорошему, он специально искал его, чтобы устроить скандал. Или даже что похуже.

— Да я б тебя век не видел, — прошипел Ролан, и его приятели смело сделали по шагу вперед. — Безродным сироткам вроде тебя в Визании не место. Катись обратно в свою деревню, к мамочке под юбку.

Герман стиснул кулаки. Кольцо на пальце ощутимо нагрелось, обжигая кожу. От злости все внутри клокотало, и кто знает, смог бы он сдержаться, но тут рядом потянуло морозной свежестью.

— Закрой свой рот и напряги мозги, прежде чем что-то ему говорить, — холодно процедил Альберт. — Бери своих прихлебателей, и чтобы духу вашего тут не было через три секунды. Или мне повторить попроще для особо одаренных?

В повисшей напряженной тишине что-то прошуршало, и Герман был готов поклясться, что это брови у противников покрылись инеем. У него самого мурашки поползли по коже от металлических интонаций в голосе Альберта, что уж говорить о других.

Двое замыкающих снова переглянулись и неуверенно подались назад.

Герман презрительно хмыкнул. Он знал всех присутствующих, по меньшей мере, по именам. Леон и Патрик попали под покровительство Ролана совершенно случайно, об этом говорило не только исходящее от них сомнение, но и выражение испуга на лицах. Они сбегут, как только предоставится такая возможность, нужно лишь немного надавить.

— Вы слышали, — как можно более мрачно поддержал он, намеренно напуская на лицо хмурую угрожающую мину. Прекрасно знал, каким тяжелым взглядом обладал, особенно если чуточку надавить на самых напуганных мысленно. — Пошли прочь.

Небольшой импульс, почти незаметный. Такой никто не распознает, просто теперь у Леона и Патрика добавилось еще пара поводов, чтобы сбежать. Альберт, сам того не зная, заставлял людей любить его, но по сути манипулировал ими точно так же, как и Герман. Он криво усмехнулся, и двое новых дружков Ролана все-таки дрогнули.

— И... извини, Ролан, — крайний, кажется, Леон, потянул приятеля за рукав. — Ну его... С таким связываться... Валим.

Они дунули со всех ног, только пятки засверкали.

— Для вас отдельное приглашение? — голос Германа звучал еще более угрожающе, чем секунду назад. Он передернул плечами, как перед хорошей дракой, и прикрыл глаза, пропуская через себя и отсеивая ничтожные остатки чужой решимости. Страх был похож на густой желто-зеленый туман и щекотал обоняние духом болотной тины. Он пропитывал одежду, обволакивая тело и утягивая в трясины безысходности. Достаточно было лишь на секунду отпустить невидимые щупальца...

Герман открыл глаза, выдернул из рук Берта палку, но не успел и шага сделать, как еще двоих сдуло в неизвестном направлении. Он глубоко вдохнул пропитанный морозцем воздух и усилил действие блокатора насколько хватило сил, лишь бы избавиться от мерзких ощущений.

— Чудовище! — взвизгнул Вуди.

Остался он и — Герман скользнул взглядом по качающимся на ветру цветочным кустам в отдалении — еще кто-то в засаде. Уловив его скачущие, как блохи, эмоции, Герман безошибочно ткнул в ту сторону пальцем.

— Он тебя использует. Но тебе же это не нужно... Рене.

Кусты затряслись, и оттуда вывалился рыжий парень с листьями в волосах. Он деловито поправил расстегнутую форму, будто не его застукали на месте преступления, отряхнул мусор и, виновато улыбнувшись, помахал рукой на прощание. Ролан дернулся было к нему, но вовремя остановился, ограничившись грозным рыком:

— Рене, ты предатель! Жалкий трус!

— Прости, но он, — рыжий кивнул на Германа, — меня пугает. Разбирайся с ним и его полоумным красавчиком сам.

С этими словами он припустил бегом и быстро скрылся с глаз.

— Теперь вы оставите нас в покое? — с безмятежной улыбкой спросил Берт.

Герман и думать забыл о Ролане — давящие на него чужие эмоции под действием кольца сплелись в один неразборчивый ком — но все равно чисто интуитивно сумел разгадать его желание. Ролан не стал больше размениваться на слова, дернулся в сторону Альберта, заноса кулак.

Герман резко вытянул руку в сторону, хватая друга за химок и дергая на себя. Голова Берта беспомощно качнулась, клацнули зубы. Кулак Ролана пронесся выше, парень коротко выругался и замахнулся левой.

— Не надо! — выпалил Берт и вырвался, но не рассчитал силы и едва не завалился на бок. Зато удар снова пришелся мимо. Ролан совсем рассвирепел и попер на Альберта тараном, будто забыв, с кем именно пришел разбираться. Герман не слишком волновался за друга — тот был вертким и подвижным и только больше раззадоривал противника, играючи уклоняясь от его могучих замахов.

Ролан сменил направление, и Герман едва успел пригнуться, пропуская кулак над головой. Скосил глаза на Альберта, но тот уже подскочил к растерявшему боевой задор Вуди, который на удивление долго боролся с искушением унести ноги.

Позволив своим способностям развернуться на полную, Герман “осмотрел” всю прилегающую территорию, но никого больше не обнаружил. Ролан остался один, потому как Вуди уже решил про себя, что пора спасаться бегством.

— Теперь мы один на один, — Герман опасно прищурился. — И я не знаю дуэльного кодекса. Я же деревенщина.

Активировал кольцо на полную защиту и без предупреждения ударил Ролана кулаком в лицо. Не ожидая ничего подобного, он прижал ладонь к разбитому носу — сквозь пальцы потекла кровь. Герман не мог больше чувствовать его эмоции, но для этого уже не нужно быть эмпатом. Ответный удар он блокировал, проведя подсечку, потом не слишком честно пнул под колени. Замер на секунду, наблюдая, как обескураженный противник корчится от боли, и завершил скоротечную драку, повалив Ролана на спину.

Возвышаясь над ним, Герман чувствовал лишь каплю удовлетворения. В остальном же его мысли были сумрачны и черны.

— Хватит, перестань, пожалуйста, — Берт тронул его за плечо, и тот словно очнулся. — Он уже получил свое.

Герман не хотел знать, что сейчас чувствует Ролан. Такие, как он, не испытывали раскаяния, и Герман почти наверняка знал, насколько густа сейчас дымка злобы и обиды. Но все же пересилил себя и вытащил из кармана тщательно отглаженный носовой платок.

— Утри кровь, — и бросил его поверженному врагу. — Форму перепачкаешь.

Хмурясь, Ролан приложил платок к разбитому носу и с трудом поднялся. Хотел что-то сказать, но Герман оборвал его на вдохе.

— Мне все равно, что ты не признал своего поражения в прошлый раз и не хочешь признавать сейчас. И мне безразлична причина, по которой ты таишь на меня злобу. Но я не собираюсь терпеть нападок на моих друзей.

И он смерил Ролана тяжелым холодным взглядом. Тот смял окровавленный платок и швырнул под ноги.

— Ты и правда чудовище.

— Ты просто никогда не встречал настоящих чудовищ, — слова унеслись Ролану в спину — парень не стал дожидаться новой отповеди и предпочел сбежать. Альберт, молча наблюдавший за последней сценой, поднял с земли деревянные мечи.

— Прости, я не думал, что может так получиться, — он неловко переступил с ноги на ногу. Странно, но его искреннее раскаяние и вина пробивались даже сквозь работающий на всю катушку блокатор. — Давай вернемся?

Блокирующая магия кольца, при всей своей мощи, буквально выпила из Германа последние силы. Он не мог понять, что произошло, зачем он позволил себе ввязаться в эту нелепую потасовку, и как потом оправдываться, если Ролан осмелится донести о случившемся.

Возможно, он слишком погорячился, слишком близко принял чужую злость, пропитался ей сам. И теперь казалось, будто за ним тянулся серо-сизый шлейф, который был ему так ненавистен.

Они поспешили покинуть площадку сразу после того, как Берт закопал тренировочные мечи обратно в песок.

— Ты это меня так защищал, да? — не выдержал он, когда они оба уже почти подходили к своей комнате. Испуганно щелкнула одна

из попавшихся по пути дверей — Герман запомнил, что именно за ней находилась комната Рене. Когда Ролан придет в себя, первым, кто попадет под раздачу, будет именно он, просто потому, что не относится к близким прихвостням Ролана и не имеет за спиной мощной поддержки. А злобу и обиду от поражения обязательно будет необходимо заглушить.

Герман даже посочувствовал рыжему, но всего лишь на секунду.

— Герма-а-ан!

— Отстань, — он вставил ключ в замочную скважину и удивленно приподнял брови. Дверь была не заперта. Резко дернул ее на себя, вваливаясь в комнату так, словно был намерен застать вора на месте преступления.

Но застал нечто иное.

— Ой, Герман, смотри! — Берт врезался ему в спину, и только после этого тот прислушался к своим ощущениям, ослабляя действие кольца.

Они были не одни. Герман резко вскинул голову, упираясь взглядом в замершую обнаженную спину, светлую, крепкую, вытесанную словно из камня, но определенно женскую. Ее обладательница обернулась и тоже застыла.

Это была невысокая девушка с двумя толстыми русыми косами, она стояла возле окна и прижимала к груди блузку, как щит. Взгляд ее не сулил ничего хорошего, и Герман сразу понял — им тут не рады.

— Проклятье, — не удержался он и выпихнул Берта обратно в коридор. Еще раз взглянул на табличку на двери. Все правильно, комната 313, никакой ошибки нет. Значит, у них появились новые соседи. Герман поджал губы и растерянно посмотрел на Берта, а тот еще не понимал всей трагедии, ведь пока еще не знал, что в УВМД практикуется не только совместное проживание обоих полов, но и общие душевые на этаж. Это якобы приближало к реальным армейским условиям и способствовало укреплению боевого духа и формированию воинского братства. А ведь Герман до последнего скрывал это от Альберта и надеялся, что участь жить с девочками их минует.

Герман занес руку и глубоко вздохнул.

Потом потряс головой и вздохнул еще раз.

Ну же! Раз, два, три...

И Герман постучал.

— Войдите.

Было немного непривычно заходить в собственную комнату с чьего-то разрешения. Строго говоря, именно из желания жить одному Герман и способствовал отселению всех своих бывших соседей. Он и не делал-то ничего такого, просто так получалось. И тут эти... девушки.

Это даже хуже, чем Берт. В два раза, как минимум.

— Вы кто такие? — девица с русыми косами уже успела одеться в безразмерную мужскую рубашку, доходящую ей едва ли не до колен, которые, как машинально отметил Герман, были вызывающе обнажены. Быть может, именно это и помешало ему ответить. Зато явно ничем не помешал Альберту.

— А мы тут живем, — он вынырнул из-за Германа и галантно раскланялся, сияя улыбкой. — Позвольте представиться, меня зовут Берт, а этой мой лучший друг, Герман.

Маленькие пухлые губы девушки нехотя разомкнулись:

— Стефания, — она кивнула в сторону своей молчаливой устрашающей подруги. — Ситри.

Блондинка сумрачно кивнула и скрестила сильные мускулистые руки на необъятной груди, точнее, где-то под ней.

Берт нервно облизнулся и бросил взгляд за спину. Герман по-прежнему хранил подозрительное молчание.

— Эммм... ну, — Альберт неловко развел руками. — Добро пожаловать. Что ли...

Неприветливый вид новых соседок сбивал с мысли, он не мог сосредоточиться, и от этого недоброжелательные взгляды девушек не спешили становиться теплее. А матушка всегда говорила, что настоящие девушки должны быть милыми, веселыми и кокетливыми.

Стефания и Ситри продолжили рушить его представления.

— Bölün*, — выплюнула Ситри и отвернулась. Стефания напоследок смирив парней снисходительно-презрительным взглядом и села на одну из кроватей, в противоположной от коек Германа и Берта стороне.

— Что она сказала? — шепотом спросил Альберт. — Она нас обругала, да?

И тут Герман словно отмер.

— Это моя комната, — твердо заявил он, с удивлением узнавая в своем голосе какие-то истеричные нотки. — Если планируете здесь жить, соблюдайте тишину, чистоту и... и... — он забежал глазами по комнате. — И раздевайтесь за ширмой!

В щели между шкафами и правда отыскалась одна такая, совсем девчачья — бежевая в розово-зеленый цветочек, и ее Герман гордо продемонстрировал девушкам.

Светлая бровь Ситри нервно дернулась.

— Если собираетесь жить с нами, — холодно отозвалась Стефания, — ничего не спрашивайте, не лезьте с разговорами и не пытайтесь флиртовать. Все ясно?

Герман поморщился, потер пальцами ноющий висок и отправился в свой угол. Берт проводил его взглядом, неуверенно помялся и подсел к новым соседкам.

— ... он гораздо лучше, чем кажется, — краем уха услышал Герман, но даже не смог пошевелиться, чтобы остановить бестолкового друга. — А вы дружите, да? Откуда побы... Ай! Ай-ай! Только не за волосы!

Герман накрыл голову подушкой и очень постарался представить, что он совершенно один и рядом с ним прямо сейчас никого не убивают.

И это у него на удивление быстро получилось.

*проклятие

Урок 5. Сколько теорию не учи — студентки все равно на преподавателей смотрят

Ночь в одной комнате с двумя подозрительными типами самым скверным образом сказалась на настроении Стефании, и на утренней зарядке она была неудержима, оставив большую часть скептически настроенных парней с открытыми ртами. Ситри беспокоилась, хотя кому, как не ей, знать, что Стефания по своим физическим показателям куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. А внешность, как известно, чаще всего обманчива.

Один из их новых соседей, Альберт, умудрился за пару часов вывести из себя даже суровую телохранительницу. Непрерывно болтал, что-то спрашивал, тут же перебивал и принимался рассказывать какую-то чепуху. Стефании было известно, что особенно безмозглые мужские особи таким образом пытаются произвести на девушек впечатление. Вот только какое именно впечатление хотел произвести на них этот назойливый блондин, он, видимо, и сам не знал.

Его друг, Герман, напротив, за целый вечер и двух слов не произнес, не вылезал из своего угла, но Стефания до сих пор краснела, припоминая их самую первую встречу. Пожалуй, этот парень был даже красив. Волосы теплого каштанового цвета мягко вились, закручиваясь в колечки на шее, тяжелый взгляд карих глаз светился умом и немного — тщательно скрываемой иронией. Кроме того, он высок и сложен, но не такой длинный и тощий, как Альберт. И умел не навязывать свое общество.

— Мы пришли, хо... Стефания, — пробасила Ситри и кашлянула. — О чем вы задумались?

— Не вы, а ты, — машинально поправила она и нахмурилась, злясь на себя. — Ни о чем. Пошли в класс.

Аудитория была довольно небольшой, светлой и — Стефания поморщилась — очень шумной. Курсанты гомонили, кружили по

кабинету беспорядочно, как сонные мухи, только что не сталкивались между собой. За время путешествия Стефания успела немного отвыкнуть от такой многолюдности. Она окинула бардак прищуренным взглядом и целенаправленно промаршировала к незанятому столику. Бросила на него сумку и чинно присела на стул. Определенно, сегодня ее все раздражало.

— Эй, детка! — к парте подкатил какой-то невнятный субъект в мятой форме, которая как бы мяться и не должна. — Как тебя зовут? Не припомню, чтобы мы раньше встречались. Ты хорошенькая.

Он был рыжим, наглым и неопрятным. Стефания решила никак не реагировать на его присутствие и продолжила смотреть прямо перед собой. Если дураков игнорировать, они отвяжутся, по крайней мере, обычно срабатывало.

— А я Рене, — не унимался парень. — Ты одна си...

Грозная тень упала на него сзади, оказавшись не менее грозной и тяжелой рукой Ситри. Она молча схватила Рене за волосы и с силой ткнула лицом в стол.

— Она со мной, — услышал он суровый голос, и парта еще сильнее вжалась ему в щеку. — Есть возражения?

У Рене не оказалось возражений, особенно после того, как мимо проплыла красавица Дзюн Мэй и одарила униженного парня ехидной улыбочкой. То есть это ему показалось, что ехидной, для остальных же в лице Дзюн вообще ничего не поменялось.

Когда Ситри уселась рядом, а курсанты стали обтекать их стол по широкой окружности, дверь снова распахнулась, и в кабинет вошли Герман и Альберт, причем последний сонно позевывал. Его мутный страдальческий взгляд нашел Стефанию.

— О! Смотри, это наши девочки!

Герман резко выпрямился, будто ему штырь в спину вставили. Казалось, после несдержанного возгласа Берта все усталились в их сторону. И не то чтобы он в этом предположении был так уж неправ.

— Что ты сказал? — Ситри начала подниматься с самыми угрожающими намерениями. — Я что-то не расслышала.

Стефания хмыкнула и скрестила руки на груди. Останавливать подругу она не собиралась. А предупредить, что Ситри не слишком жалуется, когда с ней обращаются, как с обычной девчонкой, они вчера как-то забыли. Ну, с кем не бывает.

— Ну... Наши, эээ... — заблеял Берт, и Герман отвесил ему стимулирующий подзатыльник. — Ничего. Я ничего не сказал. Да, Герман?

Огромные груди Ситри замерли в сантиметрах от его вскинутых ладоней. Осознав, что еще немного, и он бы за них схватился, Берт смертельно побледнел и отшатнулся, отдавив другу ногу. Форменные ботинки имели очень тяжелую подошву и металлические набойки, так что взвыл Герман неожиданно для него громко. Альберт принялся извиняться, буквально повиснув у него на плече, Ситри замерла напротив, грозно уперев руки в бока. И в итоге только Стефания заметила приход преподавателя.

— Это Эрно... — услышала она восторженный шепоток за спиной. — Тот самый Дамиан Эрно...

Чем же он так знаменит, Стефания уже не услышала. Прозвучал сигнал к началу урока, и учитель, чуть припадая на одну ногу, подошел к столу и, игнорируя кафедру, сел за него. Парта, облюбованная Стефанией, располагалась как раз напротив, третья в ряду, и она отлично видела жуткий рубец на лице учителя, начинающийся чуть ниже виска и белесой змейкой уходящий под ворот рубашки.

Берт и Герман поспешили занять места позади своих соседок. Последним ввалился Ролан и сел на самой галерке.

— Все заткнулись, — голос Эрно, хоть и был довольно тихий, легко перекрыл все волнения. — Замечательно. Говорить можно, когда я спрошу, выходить можно, когда я разрешу. Задавать вопросы можно — смотри пункт первый.

— Но как же отпрашиваться, если говорить первому нельзя? — удивился Вуди и озадаченно надул губы.

— Поэтому для идиотов я разделил это на два разных правила. Вопросы сразу отпали.

— В вашем расписании это занятие числится как базовые основы теории и практики магических потоков. Так вот, не верьте. Нет такого понятия — теория магии. Есть только практика. И не важно, как хорошо вы изучите эти самые базовые основы, — хрипловатый, точно простуженный, голос учителя изобразил нечто похожее на каркающий смехок, — вооруженные только ими, вы сдохните в первом же бою. Ах, да, мне же запрещено внушать курсантам такие мысли, как я мог забыть?

И снова этот зловещий смешок. Стефанию он пробирал до костей, как ледяной ветер, хотя к последнему она привыкла. Учитель Эрно выглядел молодым. Издалека. Но Стефания обладала достаточно хорошим зрением и интуицией, которую принято называть женской, чтобы разглядеть обожженную кожу запястий и тонкие белые шрамы на широких сильных кистях. А еще у Дамиана был очень взрослый взгляд, таким смотрят не на залитый ласковым солнечным светом кабинет, а на поле боя, выбирая момент для атаки. Определенно, первый урок Стефанию не разочаровал, пусть он и только начался. Сильных людей она привыкла уважать.

— Но сейчас уже давно никто не воюет, — подал голос кто-то с задних рядов. — И никто не собирается подыхать.

— Плохо усваиваете правила, молодой человек, — учитель сцепил пальцы и с хрустом их выгнул. — Это было первое предупреждение.

Второго Стефания получить бы не хотела, и незнакомый ей любитель глупых замечаний тоже.

— В учебниках, которые вы, надеюсь уже взяли в библиотеке, на первой же странице дана схематическая классификация магии. Мы будем рассматривать ее на протяжении ближайших десяти занятий, и если за это время вы ничего не поймете, то это не моя вина.

Чем дольше Стефания слушала, тем больше симпатизировала Эрно. В отличие от лучащегося лживым добродушием декана Кишмана, он был настоящим мужчиной, а не казался им. Ситри раздобыла все необходимое на первое время, в том числе и нужные учебники. Означенная таблица занимала весь разворот, и Берт, сидящий позади Ситри, испустил тоскливый вздох.

— Слабак, — пробормотала Стефания и взялась за ручку, приготовившись конспектировать. Взгляд Германа холодил затылок, впрочем, возможно ей это только мерещилось.

— То, что принято называть магией, не что иное как совокупность манипуляций, которые можно производить с энергией магических потоков, что исходят из Источника, — негромко вещал учитель, наблюдая за притихшими студентами. — Поясню. Источник находится в Визании, точнее Визания находится вокруг Источника, но об этом вам лучше расскажут на других уроках. Но если уж совсем интересно, то Источник в упрощенном виде — это огромный перепутанный

клубок, от которого нити магических потоков расходятся в разные стороны. Визания защищает Источник и распределяет магическую энергию между обитаемыми мирами в соответствии с тем, что считает справедливостью. А ее, как известно, в реальности не существует. Но это лирика. Итак, магические потоки как нити, из которых маги плетут нужные для активации того или иного действия узоры. Вы пока эти потоки видеть не можете, поэтому просто перейдем к сухой классификации.

Стефания наслаждалась звучанием низкого надтреснутого голоса, не забывая укладывать информацию на полочки в своей голове. В ее задачу не входило стать лучшей ученицей, но всегда будут те, кому рано или поздно захочется утереть нос. Поэтому она все слушала и все запоминала.

— Начнем с трех базовых категорий: неорганическая магия, органическая магия и артефактная магия. Каждая из трех категорий делится на ряд подкатегорий. Самой тяжелой в использовании, не затрагивая даже чисто морального аспекта, считается органическая. В нее входят все воздействия на тело и разум живого существа, как то менталистика, целительство, все виды работы с духовной энергией, в том числе некромантия, как работа с остаточной внутренней энергией. Если вдаваться в подробности, то можно продолжить перечень, но сейчас вам этого не надо.

Альберт сзади беспокойно завожился, и Герман строго шикнул на него, как на непослушного ребенка.

— В неорганической магии вас в первую очередь коснется ее созидательная ветвь, а именно стихийная магия. Стихий, как всем известно, четыре — Огонь. Вода, Земля, Воздух, однако реже, но все же встречается усиленная предрасположенность к какому-то конкретному сегменту Стихии. Так, в магии Земли часть ученых выделяет классификации с символическими названиями Дерево, Песок или Глина. Само собой, это лишь условное деление, и личные способности каждого человека под них не подстраиваются.

Он рассказывал так, будто просто делился своими наблюдениями, Ситри прилежно вела свой конспект, а Стефания скоро о нем забыла, воображая себе размах сил, которыми ей предстоит овладеть. Она непременно вернется домой гораздо более сильной, чем покинула его. Замечтавшись, она пропустила целый отрывок из лекции и отвлеклась

только после того, как кто-то поднял руку, и учитель Эрно милостиво кивнул.

— А почему ментальная магия считается самой тяжелой?

Брови Стефании против воли скакнули вверх. Оказывается, блондин с по-коровьи тупым взглядом способен на умные вопросы.

— Не только ментальная, но если вам интересно именно это, — Эрно чуть скривил тонкие губы, видимо, изображая вежливую улыбку. — Это потому, что люди в большинстве своем настолько глупы и эгоистичны, что влиять на их ограниченный мозг деликатно почти невозможно, а грубое вмешательство способно повредить эти самые мозги окончательно и бесповоротно. Но, само собой, официальная версия сходится на том, что психика разумных существ слишком тонкая и сложно организованная материя, чтобы легко в нее вторгаться.

Первый вариант показался Стефании больше похожим на правду, и она с удовольствием отметила, что пока их мнения с учителем сходились.

“Почему вы улыбаетесь?” — написала Ситри на полях ее тетради, Стефания вспыхнула, жирно заштриховала вопрос чернилами и сурово сдвинула брови. Не хватало, чтобы еще кто-то заметил.

— Понятно, — с сомнением протянул Альберт. — А зачем вообще лезть человеку в голову? Это же ужасно.

Класс, не стеснясь, грохнулся со смеху над горе-моралистом. Даже Дамиан улыбнулся более натурально, отчего шрам, задевающий щеку, некрасиво сморщился.

— Представьте, что вы вышли против превосходящего вас противника. Помощи ждать неоткуда, ваши физические данные несравнимы. Но у вас есть туз в рукаве, — он постучал пальцем по лбу. — И вы заставляете его обернуть собственный меч против себя же. Просто внушаете ему мысль о самоубийстве. Не скажу, что это легко, но возможно, если вы талантливый и опытный ментальный маг.

Студенты притихли, обдумывая ситуацию. Стефания украдкой скользнула взглядом направо, налево, отмечая изменения на лицах сокурсников. Кого-то подобная идея заинтересовала, как ее саму, кого-то оставила равнодушной, как забавная байка, но кое-кто пришел в священный ужас. Губы Стефании сложились в презрительную

ухмылку. Такие идеалисты никогда не станут настоящими воинами. А она станет.

— Если ментальные маги имеют настолько сокрушительную силу, почему бы не собрать из них элитное подразделение? — внезапно спросила она, и Эрно не стал ее одергивать. — Группа таких бойцов может заменить целую армию.

— Может, — кивнул он. — Но, к счастью, менталистов по пальцам пересчитать. Строго говоря, они рождаются всего в трех мирах из двухсот семидесяти обитаемых. Капля в море. И подумайте еще кое над чем. Они могут контролировать вас, а вы их? Едва ли.

Его болотно-зеленые, как речная тина, глаза немигающе уставились на Стефанию, и она прямо встретила этот взгляд.

— Могу и я задать вопрос? — Герман вскинул руку и, получив разрешение, спросил: — Если ментальные маги так опасны, почему их до сих пор не истребили?

— А вы жестоки, молодой человек, — Эрно одобрительно покачал головой. — Это бессмысленная акция. Менталистов настолько мало, что их сначала надо отыскать, а уж потом, как вы выразились, истреблять. К тому же они довольно замкнутые и эгоистичные личности, не склонные к работе в команде, проще говоря, они просто не смогут объединиться в таком количестве, чтобы представлять реальную угрозу. Они и по двое собираются лишь на этапе ученичества.

Германа ответ удовлетворил, по крайней мере, он снова замолчал. Стефания слышала возню за спиной и, чуть повернувшись, обнаружила, что Берт что-то увлеченно строчит на выдеранном из тетради листке.

Учитель вернулся к плану лекции, но через четверть часа его снова прервали, на сей раз это было вмешательство извне.

— Прошу прощения, что вынужден помешать вашему занятию, — в аудиторию ворвался декан и тут же принялся в своей манере громко извиняться. — Простите, простите!

— Чего тебе, Кишман? — Эрно медленно поднялся, незаметно под столом помогая себе рукой разогнуть больное колено. — Лекция еще не закончилась.

— Я потому и пришел, — Савелий с улыбкой развел в воздухе ладонями. — Вы уже объявили курсантам о начале практики?

Стефания заинтересованно подалась вперед, Ситри рядом, напротив, напряженно выпрямилась, загораживая Берту обзор. Учитель Дамиан раздраженно поморщился.

— Еще рано, к тому же это не твоя обязанность, а моя, коль уж ты осчастливил меня ведением теоретического курса.

Яд так и сочился из его голоса, но декан этого совершенно не замечал:

— На вчерашнем собрании практику для первого курса второго потока перенесли на неделю раньше. Вот я и забежал сказать, — он демонстративно посмотрел на часы. — До конца урока еще пятнадцать минут. Введите студентов в курс дела.

— Кишман, ты...

Стефания готова была поклясться, что с языка Эрно вот-вот сорвутся проклятия, но мужчина сдержался.

— К чему спешка?

Тут декан вспомнил, что они в кабинете не одни и, прищурившись, коротко ответил:

— КРАС.

Лицо Эрно потемнело, и Стефания решила, что слово, произнесенное деканом, ему знакомо. Более того, ей показалось, что и она сама его прежде слышала.

— Снова? Уверен?

Савелий кивнул, и напряжение, охватившее Дамиана и весь класс с ним заодно, немного развеялось, когда он качнул головой:

— Хорошо, я все сделаю.

— Вот и отлично, — и Сава выскочил вон так же резво, как недавно забежал.

Класс в едином порыве жадного любопытства уставился на Эрно. Учитель не спеша вернулся к столу, сел, вытянул ногу и только после всех этих манипуляций обратил внимание на учеников:

— В чем дело?

— Так что там с нашей практикой? — знакомый рыжий прилипала рискнул высказаться за всех. Дамиан посмотрел на него так, будто впервые про это услышал:

— А что непонятного? Со следующей недели у вас начинается практика, по результатам которой самых бездарных из общей

бездарной массы отчислят. Если этого мало, проведите расследование. Мне некогда нянчиться с вами.

После занятия Стефания кивнула Ситри, и та отловила Альберта, когда он уже почти выскользнул из аудитории. Его друг с философским видом остановился поодаль, и облокотился на крайнюю парту.

— Пусти! — взвизгнул Берт. — Что за произвол? Герма-а-ан!

Ситри ослабила хватку, и Берт дернулся, высвобождая ворот кителя из ее пальцев. Стефания выглянула в коридор и, вернувшись в класс, прикрыла дверь.

— Надеюсь, ни у кого из вас нет желания вылететь из училища? — она в первую очередь посмотрела на Германа и, получив отрицательный ответ, удовлетворенно кивнула. — Отлично. Тогда ты, — она ткнула пальцем в Альберта, — пойдешь в деканат и разузнаешь подробности.

— Почему я? — возмутился он, но Стефания уже все решила.

— Потому что ты кажешься самым безобидным и, как бы ни противно это признавать, умеешь нравиться людям. И не смотри на меня так! Я не то, что остальные, понял?

Герман тихо усмехнулся, и Стефания развернулась к нему:

— А ты пойдешь к старшекурсникам. Они должны поделиться опытом.

Герман перестал усмехаться и нахмурился:

— Почему я?

“Почему я”, “Почему я”. Все парни такие тугодумы? Стефанию это раздражало.

— Потому что ты выглядишь серьезнее своего дружка, и тебя могут принять за своего.

Герман какое-то время так пристально изучал ее, что Стефании показалось, что она как минимум забыла надеть юбку.

— Что?

— У меня есть встречное предложение, — лениво обронил он. — Ни один старшекурсник не устоит перед хорошенькой юной первокурсницей, я слышал, в том году был недобор по женской части. Тебе нужно будет просто улыбаться и хлопать ресницами.

Ситри насупилась, перехватила свою сумку на манер пращи и приготовилась атаковать наглеца, а сама Стефания вспыхнула до корней волос и, размахнувшись, влепила парню хлесткую пощечину.

Голова Германа мотнулась в сторону, и он едва устоял на месте, но в лице совершенно не поменялся, и этот факт страшно злил Стефанию. Никто не смеет так с ней обращаться. Она повторно вскинула руку, но ее кисть внезапно перехватил Альберт.

— Не надо, пожалуйста. Ты делаешь ему больно. Зачем?

Стефания дернула рукой, но Берт держал крепко. Ситри крутанула сумку за ручку, примериваясь, а потом с громким гэканием обрушила ее на парня. Учитывая силу и старание Ситри, ему не позавидуешь, однако он ловко увернулся от “снаряда” и удивленно воззрился на девушку:

— Вы что делаете? Разве так обращаются с друзьями? Скажи им, Герман.

Стефания опешила. Друзьями?

— Ты правда такой идиот?

Герман отклеился от парты и, пройдя к выходу мимо Берта, хлопнул его по плечу.

— Оставь их. Они тебя не понимают, — уже в дверях он остановился и, не оборачиваясь, сказал: — Мы все узнаем, но не потому, что ты так хочешь.

Стефания проводила ребят взглядом, чувствуя, что в своем плане упустила что-то важное. Понять бы только, что.

— Что не так, Ситри? — она повернулась к подруге. — Почему мне кажется, что они победили?

Телохранительница пожала плечами, ничуть не раздосадованная неудачей.

— Может, вам стоит быть немного проще? Эти люди совсем другие, ваши слова могут показаться им... резкими.

Стефания досадливо закусил губу. Она не привыкла, чтобы ее поучали, да и Ситри прежде никогда этого и не делала.

— Не знаю, — пробормотала она. — Может, ты и права.

Урок 6. Рискованные мероприятия лучше проводить с человеком, который бежит медленнее вас

Известие о предстоящей практике поставило на уши весь первый курс второго потока, особенно после того, как выяснилось, что первый поток в ней участия не принимает. То, что будущие офицеры в училище на особом счету, секретом не было, но с таким явным проявлением дискриминации новички сталкивались впервые. Старшекурсники отказались обсуждать подробности практики, поэтому план Стефании провалился, так толком и не начав претворяться в жизнь. Девушка моментально вышла из себя, и ребятам пришлось срочно бросить занятые позиции и устроиться возле так любимого Германом фонтанчика, чтобы переждать бурю.

Этим и воспользовался Берт, чтобы вывалить на друга свою “гениальную” идею.

После объявления о практике все оставшиеся до отбоя часы он вертелся вокруг Германа волчком, пробовал зайти к теме с разных сторон — от банального нытья до более тонких техник, к которым прибегнул интуитивно. Но и очаровательно улыбаться пришлось до судорог в челюстях. Берт умел быть настойчивым. Герману пришлось сдаться.

— Ты понимаешь, что если нас поймают, не поздоровится обоим? — Герман на удивление бесшумно шагнул по плитке, которая скрипела, кряхтела и звенела под ботинками Берта. Тот торопливо закивал:

— Да-да!

— Незаметно, — пробурчал Герман в ответ и вздохнул. Стефания уснула быстро, а вот ее пугающая подруга бдила до последнего. В итоге пришлось выйти много позже, чем планировалось.

Они шли в оружейную, где Берт надеялся “хоть одним глазком” посмотреть на “эту красавицу”. Само собой дело было рискованным и откровенно запрещенным правилами училища, Герман и сам не знал,

зачем согласился. Наверное, потому, что Берт все равно бы пошел, так лучше приглядеть за ним, чтобы снизить количество и вредное действие его глупостей. А без них точно не обойдется.

— Почему ты так вцепился в эту шпагу? — тихо поинтересовался Герман, и Берт одержимо захихикал:

— Она... Она идеальна. Баланс, заточка, сталь, — он мечтательно улыбнулся. — Мы созданы друг для друга. Представь, как она может пригодиться нам на практике.

— Мы ничего не знаем о практике, — начал Герман и сбился. — Тсс... Тихо!

Он вдруг схватил Берта за рукав футболки, увлекая в тень. Где-то позади раздалась и тут же стихли голоса. Хлопнула дверь, и все смолкло. Герман перевел дух, предусмотрительно не разжимая пальцев. Когда убедился, что в коридоре они остались вдвоем, задал еще один мучивший его вопрос:

— Откуда ты знаешь, как попасть в оружейную?

Берт загадочно блеснул лиловыми глазами.

— Одна девушка сказала. Понимаешь, ей тоже там кое-что нужно, вот мы и договорились, что поможем друг другу.

Все-таки, несмотря на очевидную наивность и доверчивость, иногда Альберт умудрялся проявлять чудеса сообразительности и изворотливости. Меньше чем за день составил план и нашел сообщника. И все из-за какой-то железяки. Хотя, вспоминая подробности того эпизода на тренировочной площадке, Герман приходил к выводу, что все-таки не ошибся. Это та самая шпага, которая раньше принадлежала Альберту. Отсюда проистекал самый важный вопрос, который пока было просто некому задать. Как так вышло, что Берт и его оружие оказались в УВМД по отдельности? Надо бы припереть декана к стенке, но чутье подсказывало Герману не торопиться с этим.

Герман вышел из тени и поманил друга за собой. Альберт перегнал его, скользя по плитке, как по льду, и первым спустился по узкой лестнице запасного выхода. Как он прознал про его существование, тоже оставалось загадкой.

Оружейная располагалась в отдельном здании в глубине парка. Небольшое одноэтажное строение скрывалось в тени деревьев и уходило краснокирпичными грубыми стенами в землю. Тропинка

петляла между кустами, иногда Герман терял из виду золотистую макушку уносящегося вперед Берта. Тому не терпелось поскорее добраться до вожаемой шпаги, и он беспокойно дергался, когда приходилось ждать Германа.

— Заперто, — уверенно сказал Герман, даже не подходя к двери. — Пошли обратно.

Глаза Берта влажно заблестели.

— Но Герман! Как же так? Ты испугался?

Вот это было совсем обидно. Герман собрался отчитать друга за глупые предположения, но тут почувствовал чужое присутствие. Ощущение было приятным, не то, что обычно, и Герман не сдержал улыбки.

— Выходи, Дзюн. Я знаю, ты где-то рядом.

Миниатюрная брюнетка выросла буквально из-под земли и смерила его равнодушным взглядом, для чего ей пришлось изрядно запрокинуть голову. Рядом же с Альбертом она и вовсе казалась ребенком.

— Э? — Берт растерянно моргнул. — Мы же договаривались...

— Он меня почувствовал, — уверенно заявила девушка. Продолжения не последовало, и Берт разочарованно вздохнул. А Герман с удивлением заметил, что испытывает что-то отдаленно похожее на ревность.

— Это и есть твоя соучастница? — с легким раздражением поинтересовался он, и Берт, подумав немного, кивнул. — В любом случае, это ничего не меняет.

Он крутанул кольцо на пальце, усиливая барьер между собой и окружающими, и эмоции Дзюн Мэй перестали ласкать сознание. Осталось только тянущая нота обиды Альберта, которая противно гудела над ухом.

Девушка развернулась и подошла к запертой двери, наклонилась к замочной скважине. Длинный хвост гладких черных волос стек с узкой спины на плечо. Берт стоял ближе и всю тянул шею, чтобы разглядеть манипуляции Дзюн. Что-то сухо щелкнуло, скрипнуло, и она толкнула дверь рукой. Створка бесшумно отворилась. Герман не стал высказываться по поводу методов Дзюн Мэй, чтобы не испортить с ней отношения (которых еще, в общем-то, и не было) и не расстраивать друга лишний раз, но взлом служебного помещения лишь

отягощал их коллективный проступок. Довольно серьезный, если говорить честно.

— Учи, вся ответственность ляжет на тебя, — предупредил Герман, хотя прекрасно осознавал, что серьезность ситуации благополучно минует мозг белокурого авантюриста.

Так и оказалось.

— Не будь таким занудой! — Берт едва не подпрыгивал на месте, довольно потирая руки. — Идем скорее, она ждет нас!

Дзюн же времени не теряла и, прижавшись к косяку, осторожно заглянула в вязкую темноту проема. Потом ее затянутая в черное фигурка скользнула внутрь... и растворилась.

— Ты ей доверяешь? — Герман, на что тонко чувствовал малейшие нюансы человеческих эмоций, в отношении интуиции привык доверять Берту. К тому же, стыдно признаться, ему нравилась Дзюн, и он отдавал себе отчет в том, что мог быть к ней пристрастен.

— Ну конечно, — без тени сомнения заверил Альберт. — А ты разве нет?

Герман без слов обогнул его и вперед него вошел в здание. Не хватало только, чтобы Берт решил, будто он влюбился. Еще чего....

На первый взгляд оружейный корпус мало отличался от уже виденных ребятами учебных, разве что коридоры были уже, а потолки ниже, да и двери встречались гораздо реже. Тень Дзюн Мэй мелькнула на противоположном конце, у лестницы, ведущей вниз. Берт вырвался вперед.

Узкие бетонные ступеньки вели в бодрящую прохладу полуподземного этажа. Альберт поежился, ловя взглядом дрожащие тени от мерцающих по стенам редких фонарей. Эту часть здания использовали под хранилище инвентаря, в том числе и, собственно, оружия. Поймав напряженный взгляд Германа, Берт ободряюще улыбнулся и поманил за собой. Дзюн уже возилась с очередной дверью и, когда та поддалась, неслышно скользнула внутрь. Берт же замер в шаге от порога.

— В чем дело? — тихо спросил Герман.

— А вдруг я все вспомню, и окажется, что я не тот человек, который будет тебе нравиться? Вообще кому-то нравиться, — вдруг сказал Берт и стиснул кулаки. Герману захотелось дать ему по башке, чтобы вправить мозги на место.

— Будь ты на самом деле дурным, наверняка, это и сейчас было бы заметно, — ответил Герман сдержанно. — Заходи уже.

Берт кивнул и скрылся внутри.

И будто попал в сырой подвал. Конечно, он был вовсе не сырой, но от грубо обработанных стен и впрямь немного тянуло специфическим запахом кирпича, из которого они были сложены. Всюду висело холодное оружие, половины из которых Альберт и знать не знал. Глаза его загорелись нехорошим азартом, что сразу отметил Герман.

— Ищи свою шпагу и сразу уходим, — он несильно толкнул друга в спину. — Живо.

А сам искоса посматривал на Дзюн Мэй, деловито копающуюся в шкафу с открытыми ячейками. В сумку, что она носила через плечо, отправился ремень с метательными ножами и что-то еще, столь же мелкое и столь же смертоносное.

— Дзюн, — Герман позвал ее, — это ведь твое, я прав?

Она кивнула. Молча.

— Кто у тебя забрал... это?

Девушка чуть склонила голову к плечу.

— Декан. Сказал, не положено по правилам. Я против.

Односложная манера говорить импонировала Герману, и он все больше проникался к Дзюн Мэй симпатией, что на него, в общем-то, было совершенно не похоже. И тут Берт издал приглушенный вопль.

— Да! — он победно вскинул руки, как ребенок, нашедший спрятанный от него гостинец.

Шпага была вставлена в специальный держатель на выкатной стойке, наподобие той, что была на тренировочной площадке. Только оружие в ней все было настоящим, а не деревянным. Шпага поблескивала позолоченной витой гардой, и Берту почудилось, что она действительно зовет его. Он, точно зачарованный, подошел ближе и взялся за рукоять. Она легла в ладонь как влитая, золоченая спираль любовно обвила кисть, защищая. Альберт вытащил шпагу, и сталь радостно загудела.

— Это она, Герман, — он счастливо захихикал, взвешивая клинок и делая пробный взмах. — Эспада.

— Как ты ее назвал?

— Эспада, — повторил Берт, наслаждаясь звучанием этого слова. — С двойной заточкой, чуть легче короткого меча, но почти такая же опасная. Смотри, как блестит. Ей можно наносить как рубящие, так и колющие удары, — он резко взмахнул шпагой, и острый кончик пронесся в сантиметре от носа Германа.

— Перестань, — проворчал он. — Ты как ребенок.

Альберта это не сильно волновало, он всюду примерялся к оружию, вполголоса нахваливая его возможности, и даже не замечал, что говорил вещи, которые ему нынешнему не должны быть знакомы.

— Ой, смотри, — он вдруг замер, поднося клинок к лицу. — Тут что-то... Буквы?

Герман подошел к нему, и в тот же миг почувствовал, как по коридору к ним кто-то приближается. Довольно возмущенно приближается, насколько эмпатия Германа позволяла определить.

— Дзюн... — он повернулся предупредить ее, но она и без него что-то поняла. Наклонила голову, точно прислушиваясь, и перетекла к двери, которая без промедления открылась. Черная смазанная тень промелькнула и скрылась в коридоре, чудесным образом разминувшись с Вальтером Гроттом. Герман только и успел, что открыть рот.

Учитель окинул помещение ледяным взглядом поверх очков и угрожающе заложил руки за спину.

— Объяснитесь, пожалуйста, — вкрадчиво велел он, и Альберт, бросив шпагу, зажал руками уши. Клинок со звоном ударился о плиты пола. Что бы не происходило, оно оказалось сильнее Берта. Он стиснул зубы и жалобно застонал. Герман растерянно глядел то на него, то на замершего в дверях учителя. Только сейчас до него дошло, что тот применяет на Берте свой мощный ментальный дар, а Германа защищает его артефакт-блокатор. И стоило ему только об этом подумать, как в мозг будто бы вонзили иглу. Герман со свистом втянул ртом воздух и осел на колени. Перед глазами поплыла мутная кровавая пелена.

— Соппротивление бесполезно, — услышали оба. — Повторю. Ваши объяснения, молодые люди.

Герман слышал его голос сквозь вату в ушах. Голова гудела и разрывалась на части, к этим жутким ощущениям прибавился стук где-то в затылке и жжение в глазах. Альберт сжался в комочек на полу и

крепко зажмурился. Яркие всполохи боли, отпечатывающиеся цветными разводами на внутренней стороне век, мешали разглядеть, что с ним творилось. Вот он подтянул колени к груди, вытянул руку, вырвав шпагу из пальцев Гротта, и случайно разрезал кожу на ладони.

Герман погладил друга по взмокшему лбу. Бедолага потерял сознание, хотя секунду назад показалось, что он потеряет жизнь и пару пальцев в придачу. Убедившись, что самое страшное миновало, он перебросил весь свой гнев на Гротта.

— Какого черта вы творите! Вы его чуть не угробили! — дыхание перехватило, Герман едва не закашлялся, но продолжил: — Я вас под инквизицию подведу, если перед этим не убью своими руками!..

Хотелось ругаться и осыпать учителя проклятиями, но Герман физически был к этому не способен. После того, как Альберт вдруг упал и начал дрожать в припадке, невидимый пресс отпустил самого Германа, но вмешательство Гротта было таким сильным, что голова до сих пор казалась совершенно пустой. Уровень не меньше третьего.

Вальтер выглядел удивленным, но не виноватым.

— Такого не должно было произойти. Твой друг всегда был настолько чувствителен к ментальной магии?

Герман нахмурился:

— Если не этого, то чего вы добивались? И зачем? По закону подобные манипуляции с человеческим сознанием запрещены.

— На глаз прикинул уровень? — хмыкнул Гротт, поднимаясь с колен и отряхивая руки. — Хотел заставить его бросить шпагу. Не более. Но вы так и не ответили, как оказались на запретной для учеников территории, да еще и в такое время?

— Собираетесь нас наказать? — Герману просто не хватало слов, чтобы описать свои чувства. Все пошло не по плану.

— Всех троих, — подтвердил Гротт. — Ведь с вами был третий? Третья? Что ж, и до нее очередь дойдет.

Он читал Германа как открытую книгу, и это было особенно обидно потому, что сам Герман оказался перед ним точно слепой котенок. В груди вскипала злость, но он уже мог достаточно ясно соображать, чтобы понять — тягаться с бывалым менталистом ему пока не под силу, угрожать законом — малоэффективно, а других вариантов он не видел. Разве что только попробовать договориться...

— Простите, — пробормотал Герман, убеждая себя, что идет на попятную только ради Дзюн и Берта. — Я могу все объяснить. Все дело в этой шпаге.

Он поднял глаза и увидел, что Вальтер кривит губы в недоброй ухмылке. Герману стоило большого труда не измениться в лице и продолжить изображать смирение.

Гротт пригладил замаявшийся камзол и оправил манжеты. Герман зацепился взглядом за тонкие бледные пальцы и поблескивающий на большом пальце тонкий ободок золотого кольца. Учитель в принципе был похож на человека, склонного к украшению себя любимого, но отчего-то в данном случае именно это скромное колечко завладело вниманием Германа, жаль, эту мысль, пока до конца не оформившуюся, пришлось отложить до лучших времен.

— И то, что в голове вашего друга неплохо покопались задолго до меня, вы тоже объясните? Хотели что-то скрыть? От кого-то или, — кивок в сторону бессознательного Берта, — от него?

Герман хотел ответить: “Не ваше дело”, но был не в том положении, чтобы дерзить. Раньше держать себя в руках было проще. Возможно, потому что кроме себя некого было защищать. И он просто промолчал.

Альберт застонал и попытался сесть. Из раны на ладони текла кровь, и на плитах оставались красные отпечатки.

— И все из-за какой-то шпаги? — Вальтер наклонился и подобрал оружие с пола. — Чем же она так важна?

Берт протер глаза, размазывая кровь по лицу. Мутные лиловые глаза на бело-красном фоне смотрелись дико.

— Герман? — позвал он растерянно. — Что случилось?

Герман почувствовал себя загнанным в ловушку. С одной стороны Гротт по-прежнему руководит ситуацией и ждет от Германа ответов, с другой — с Бертом произошло что-то непонятное и страшное и ему требуется помощь. Дзюн сбежала, но ее участие рано или поздно раскроется.

Все чего-то ждали от Германа, но он не знал, как правильнее будет поступить.

— Что за шум посреди ночи? — свет лампы из коридора преградила высокая мужская фигура. — Вальтер, опять ты работаешь до утра... О! Поймал воришек? И кто у нас тут?

Савелий Кишман, немного сонный, взлохмаченный и оттого выглядящий даже еще моложе, чем обычно, с усмешкой оглядел “поле боя”. Кровь на полу и на Альберте его, похоже, ничуть не смутила.

— Пустое любопытство, — внезапно ответил Гротт, изящно махнув кистью в сторону ребят. — Само собой, я их накажу, раз уж сам их обнаружил.

— Вообще-то, декан тут я, — напомнил Кишман, и Герман напрягся. — А эти двое уже успели не раз отличиться.

— Идите домой, декан, вас там жена заждалась, — ядовито процедил Вальтер, и между мужчинами будто искра пролетела. Альберт округлил и без того большие глаза, покосился на друга, но тот отрицательно покачал головой. Пытаться повлиять на магов такого уровня все равно, что подписать себе приговор, даже если дар Берта на первый взгляд совершенно безобидный и незаметный.

— Ладно, — сдался, наконец, Савелий. — Она и впрямь ждет. Тебе бы тоже пора жену завести, такую, как моя Алина.

Он подмигнул побледневшему Вальтеру и, насвистывая, направился прочь.

— Учитель Гротт... — рискнул Герман подать голос.

— Молчать! — рявкнул Вальтер и тут же сам себя одернул. — То есть, с вами мы поговорим о произошедшем позже. За час до подъема чтобы оба были в моем кабинете.

И он стремительно покинул оружейную, так и не вернув шпагу в стойку с оружием.

— Нас накажут, да? — пробормотал Берт, поднимаясь. — Прости, я, правда, не хотел, чтобы так вышло. Ты на меня обиделся?

Герман достал из кармана платок и молча замотал его ладонь. Его мысли уже витали далеко отсюда, подзадоренные мелкими, но весьма любопытными фактами, которым только предстояло найти объяснение.

А еще за мгновение до ухода Гротта, его ментальный барьер дал трещину, и под ним оказался холодный слой беспросветной тоски.

Урок 7. Последствия шалостей всегда прямо пропорциональны удовольствию от их свершения

— Герма-а-ан, ну прости! — Берт зудел над ухом, словно осенняя муха, и в такую рань, да еще после разговора с Вальтером и оглашения наказания, Германа это раздражало особенно сильно. Он на ходу потирал пальцами виски, морщился и пытался сбросить с себя хомут из противно-липких эмоций друга, но тот лишь сильнее ныл и канючил. Герман даже почти не различал, где заканчивается ментальное кислотно-розовое облако и начинается сам Берт. Тут даже кольцо-блокатор не помогало.

— Прекрати. Голова от тебя уже болит, — огрызнулся Герман, и тот тут же заткнулся, обиженно надув щеки. Герман тяжело вздохнул. Может, Берт и виноват в том, что им перед отбоем придется драить туалеты во всем общежитии, но все равно не стоило так грубо с ним разговаривать.

Уже поднимаясь по отбитым гранитным ступеням на свой этаж, Герман почувствовал неладное. Во время их допроса в кабинете Гротта он сумел сохранить причастность Дзюн Мэй к их неудачной вылазке в секрете, хоть и был уверен, что учитель и без его признания знал, кто успел улизнуть мимо него в открывшуюся дверь. Но не пойман — не вор, и ее участие еще надо доказать.

— Ну что же, — с пренебрежительным равнодушием усмехнулся Вальтер, поглядывая на упрямо молчащего Германа, — если не хотите говорить, придется просто обыскать каждого. Мы уже установили, что именно пропало из оружейной, дело за малым.

Невыспавшийся мозг на угрозу отреагировал только когда оба оказались на своем третьем этаже. Заспанные студенты, отказывающиеся понимать, почему их подняли за полчаса до побудки, топтались в коридоре и тихо переговаривались. Кто-то был в уютных домашних пижамах и тапочках, другие зябко ежились, стоя босиком и

в одних трусах. В конце, у двери крайней комнаты обнаружился Кишман и члены дисциплинарного совета.

— А ну быстро разошлись по своим комнатам! — гаркнул Савелий. — Встали у своих кроватей по стойке “смирно!” и ждете меня!

Герман поймал его насмешливый взгляд, на долю секунду отпустил барьер и тут же об этом пожалел. Добраться до декана ему не удалось, а поток негодования хлынул в голову с такой силой, что несчастный эмпат едва устоял на ногах. И именно в этот момент осознал — у Дзюн найдут метательные ножи.

— Берт, — он дернул друга за рукав. — Нужна твоя помощь.

Он торопливо закивал, будто проникся серьезностью ситуации, хотя такого подвига от него все-таки ждать не следовало. Герман убедился, что тот пошел в нужную сторону и с нужными намерениями, и незаметно скрылся.

Комната Дзюн Мэй находилась этажом выше, но с такой скоростью проверяющие доберутся до нее довольно быстро. Герман взбежал наверх и остановился, сверяясь с ощущениями. Густое варево из негодования, злости и раздражения осталась плескаться позади, изредка цепляя за край сознания, но Герман был предельно сосредоточен и искал нечто конкретное. Приятное, шелковистое, успокаивающее.

Хлопнула дверь, и его обдало этой вожаделенной прохладой. Дзюн выглянула в коридор и нахмурилась, обнаружив спешащего к ней Германа.

— В чем дело? — она опередила его буквально на секунду. — Рано.

Сонная и непричесанная, Дзюн показалась ему еще более привлекательной. Черные волосы оплетали узкие плечики свободной волной, короткий халат открывал тонкие ноги с острыми коленками и сильными подтянутыми лодыжками. Сообразив, что беззастенчиво рассматривает их, Герман мучительно покраснел, щеки запылали так, что даже больно стало. На какой-то момент собственные эмоции подскочили до такой степени, что затмили все остальные, но взгляд Дзюн остался равнодушно отстранен.

— В чем дело? — повторила она.

Герман собрался и куда более спокойным, чем сам от себя ожидал, голосом предупредил:

— Сейчас сюда придут с осмотром и найдут то, что ты украла из оружейной.

— Не найдут, — Дзюн не дрогнула. — Спасибо.

Она кивнула и закрыла дверь у него перед носом. Ее “спасибо” прозвучало вовсе не как благодарность, но на фоне невероятной сдержанности, Герману оно показалось вполне искренним, а лезть глубже в чувства девушки он не хотел.

Дзюн достойна того, чтобы узнавать ее постепенно.

Берт ждал его в комнате.

— Герман! — он подпрыгнул на стуле и, бросившись к нему, схватил за руки. — Они тут все перевернули! Ты только взгляни!

Герман осмотрелся и пришел к выводу, что пребывание в комнате такого соседа, как Альберт, приносило больше хаоса, чем могла бы устроить целая бригада досмотрщиков.

— Я все сделал правильно? — он с беспокойством заглянул Герману в глаза. — Я отвлек их, как ты и велел.

Половина, принадлежащая соседкам, пустовала, и при досмотре они не присутствовали. Ничего, потом сюрприз будет.

— Молодец, — Герман хлопнул друга по плечу и устало опустился на край своей кровати. Ему сильно хотелось спать, но, что самое важное, теперь он чувствовал себя куда лучше, чем полчаса назад. Неужели ледяное спокойствие Дзюн действовало на него так благотворно? Герман облизнул губы и покосился на часы.

— Э-э-э-э?! — Ситри застыла на входе с открытым то ли от удивления, то ли от возмущения ртом, взирая на царящий вокруг хаос, подруга выглянула из-за ее спины и недовольно цокнула языком. Обе были одеты в теплые махровые халаты, и если на маленькой Стефании он смотрелся органично, то на высокой и крупной Ситри пугающе стремился распахнуться. Девушка не спешила упаковывать свои объемные прелести поглубже в вырез, напротив, уперла руки в бока и угрожающе выпятила грудь. Берт затравленно отвел глаза, подскочил на ноги, тут же сел обратно и ненароком придвинулся ближе к Герману.

— Мы не виноваты! — на всякий случай выпалил он и приготовился к неминуемой расплате, но из-за спины подруги вышла

хмурая Стефания и процедила сквозь зубы:

— Идиот. Мы слышали про досмотр. Готова поклясться, что это вы вдвоем что-то наворочали.

Германа все больше раздражала ее язвительность и постоянные придирки, будто она тут королева, а они смеют дышать одним воздухом с ней. Он отпихнул Берта и с трудом подавил агрессию в голосе:

— Выводы, не основанные на конкретных фактах, чаще всего оказываются ошибочны.

Стефания набрала в грудь побольше воздуха, чтобы ответить в том же духе, но Ситри неожиданно деликатно кашлянула. Правда, Альберт все равно дернулся.

— Давайте собираться на завтрак, — она повела плечом, то ли угрожая, то ли пытаясь таким образом урезонить строптивый халат.

Герман догадался, что сейчас девушки начнут переодеваться в студенческую форму, и потянул друга к двери. Ширме он пока не очень доверял. В этот момент коридор наполнился противным жуужанием, и голос, звучащий из пустоты, громко оповестил:

— Вновь поступивших курсантов второго потока после завтрака просим собраться в медицинском крыле для прохождения обязательного медицинского осмотра. Предупреждение от студсовета — выживут не все...

Берт закрутил головой, стремясь углядеть говорившего, а когда понял, что без непонятной ему магии не обошлось, разочарованно выдохнул:

— Не хочу на медосмотр, — и добавил чуть смущенно: — Я уколов боюсь.

— Это ты, значит, помнишь? — ухватился Герман за последнюю фразу. Берт передернул угловатыми плечами:

— Наверное. Но ведь это же нормально — бояться уколов?

Из соседних дверей стали показываться недовольные лица, еще больше раздосадованные тем, что в их комнатах царил тот же хаос, что и в комнате Берта и Германа.

— Хорош нагнетать, — буркнул рыжий Рене и поежился. — С детства их не переносу.

— Уколы? — обрадовался Альберт единомышленнику, но Рене раздраженно отмахнулся:

— Медиков, чтоб их. Ни стыда, ни совести, ни жалости. Чуть что, сразу шприц в жо... ну вы поняли.

Альберт предположил, что медиком был кто-то из его родственников, на что получил исчерпывающий ответ:

— Неа. Бывшая девушка.

Пока происходил этот обмен любезностями, Герман рискнул постучать в дверь своей комнаты. Девушки уже успели привести себя в порядок, и Ситри доплетала короткие косы. А вот Стефания сидела на краю постели спиной ко входу и выглядела какой-то потерянной. В ровный фон ее эмоций, заглядывать в которые Герман не спешил, опасаясь, в фигуральном смысле, обморозиться, вмешалось какое-то новое чувство.

— Что с ней? — рискнул спросить он у Ситри, мрачно продиравшейся сквозь свои плохо причесанные волосы. Блондинка подняла на него глаза:

— Не лезь, парень. Сами разберемся.

Герман совершенно не обиделся. Из уст Ситри даже отборные ругательства воспринимались как само собой разумеющееся. Скажи что-то подобное, да еще и таким же тоном ее подруга — тогда другое дело. Некоторым людям грубость даже к лицу.

Сзади навалился Альберт и горячо (и недостаточно тихо) прошептал:

— Она тоже уколов боится.

— Не будь идиотом! — синхронно воскликнули Стефания и Герман, правда, последний — мысленно, а вот девушка ничуть не постеснялась: — Ничего я не боюсь. Я же не маленькая. А ты, — она круто развернулась, хлестнув тяжелыми влажными прядями по спине, — избалованный мальчишка, которому лень даже изобразить взрослого. Присосался к дружку и в ус не дуешь. Ненавижу таких!

Руки, сжимавшие плечи Германа, расслабились, соскользнули вниз. Защита на комнате и блок кольца-артефакта даже вместе не справились со взрывом чужих эмоций. Горячая волна гнева и бессилия шла от Стефании, а Берт искрился обидой, похожей на блестящие слезы. Впрочем, и до них очередь дошла.

Он всхлипнул, шмыгнув носом и вылетел в коридор. По плитке быстро прогрохотали тяжелые подошвы.

Стефания тут же отвернулась и села в прежнюю позу. С волос стекали дорожки влаги, пропитывая форменный китель. Ситри, кажется, с неодобрением покосилась на подружку, и продолжила бороться со своими волосами. Герман сжал кулаки, но смолчал, не желая вступать в бессмысленную дискуссию. Без толку объяснять, что указывать Берту на его недостатки может только он, Герман. У других такого права нет и никогда не будет.

Он отправился искать друга и обнаружил его довольно скоро, потому как у того хватило фантазии только на то, чтобы добраться до туалета и закрыться в одной из кабинок. Узнать ее было несложно по характерным жалобным звукам, доносящимся изнутри.

— Берт, — позвал Герман и легонько стукнул в дверцу костяшками пальцев. — Хватит. Она же несерьезно.

— Серьезно! — хлюпнул он носом. — Ты же слышал. Она во всем права, правда ведь? Я инфантильный дурак, к тому же еще и без памяти. От меня одни неприятности!

Он снова всхлипнул, и Герман сунул в щель между дверцей и полом свой носовой платок. Берт с благодарностью его принял и тут же использовал по назначению.

— Ты правда дурак, Берт, — согласился Герман. — Обижаешься на девчонку. Вылезай, завтрак уже начался.

Ему казалось, что туалет до краев, как чашка, переполнился Альбертом, его виной, жалостью к себе, сожалением и горечью. Горечи было больше всего, и от нее першило в горле.

— Иди без меня...

Герман проигнорировал его слова, сел на корточки и, скрепя сердце, облокотился спиной о металлическую перегородку.

Какое-то время жалостливые вздохи и всхлипы не прекращались, потом накал страстей упал, и надтреснутый голос Альберта тихо поинтересовался:

— Ты тут?

Герман, хоть и ждал этого, все равно невольно дернулся и, поскользнувшись, приземлился на пятую точку. Отряхнувшись и поглядев на свои ладони, решил, что не иначе как сама судьба дала ему шанс с ведром и тряпкой изменить это место к лучшему...

После завтрака, на который парни не успели благодаря Альберту, второй поток, разбившись на группки, направился в сторону медицинского крыла. Девочки сразу отделились, взволнованно перешептываясь, среди них затесалась Дзюн Мэй. Объявление по громкой связи закончилось довольно угрожающим предупреждением, так что никто не знал, чего ждать от сегодняшнего дня.

Стефания с отвращением прислушивалась к щебетанию сокурсниц.

— ... если будут взвешивать, то лучше сразу умереть. Я так поправилась!

— А правда, что после медкомиссии кого-то сразу отчислят?

— ... но вдруг придется раздеваться? А если врач — мужчина?

— Ужас!

Обычная девчачья болтовня надоела до зубовного скрежета. И что, все эти пустоголовые курицы метят в армейских магов? С их уровнем интеллекта самостоятельно можно только губы накрасить и то не с первого раза. Стефания закрыла глаза и принялась считать до десяти. На тридцать третьем счете она услышала рядом незнакомый голос:

— Следи за лицом, — маленькая брюнетка с раскосыми черными глазами равнодушно изучала ее, ничуть не смущаясь этого. — Если хочешь сохранить свои мысли в секрете.

Она отошла и смешалась с остальными девушками, только длинный хвост гладких волос мелькнул и исчез.

— Она права, хозяйка, — Ситри заботливо поправила ей воротник кителя и смахнула с плеча только ей видимые пылинки. — Мы же не хотим привлекать внимания. Вы сами говорили.

— Ты первая его и привлекаешь, — вяло огрызнулась Стефания. Слова той узкоглазой девицы прочно отложились в голове и не давали покоя. Она имела в виду, что ей нужно с кем-нибудь подружиться? Быть приветливой и милой?

Она посмотрела на Ситри, но та уже отвернулась, и, проследив за ее взглядом, Стефания обнаружила бредущих позади парней. Спелись два неудачника, место в арьергарде им подходит. Окопы копать — большего Стефания им бы не доверила. И будто почувствовав ее взгляд, Герман поднял голову, а Берт рассеянно улыбнулся и помахал рукой. Оба выглядели помято, что только еще больше уронило их в ее

глазах. Фыркнув, она отвернулась и решительно направилась к остальным девушкам, знакомиться.

Герман потянул Альберта за собой, чтобы друг не потерялся, потому что после стычки с соседками он совсем сник. Даже перспектива уколов его уже не пугала.

— Наша очередь, — он первым вошел в кабинет. До этого они успели пройти все круги ада: их обмеряли и взвешивали, брали анализы, просвечивали непонятными устройствами и задавали бесконечные вопросы, вроде перенесенных заболеваний и аллергических реакций. Последний кабинет уже едва ли мог их удивить.

Но все же смог.

— Последние? — к ним подскочил молоденький парнишка не старше самого Германа. Русые волосы растрепаны, несколько неровных прядок торчали вверх, как рога какой-нибудь мифической зверушки. Глаза неопределенно серо-сине-голубого цвета беспокойно бегали за тонкими стеклышками очков-половинок, сидящих на самом кончике тронутого веснушками носа. Рот у паренька казался чуть великоватым, но добродушная улыбка скрадывала этот недостаток.

— Вроде того, — ответил Герман и протянул медицинскую карточку. — Что нам нужно делать?

— Раздеваться.

— Что, опять? — Берт тоскливо взвыл и потянулся к не застегнутому еще с прошлого кабинета пиджаку. Герман принялся за пуговицы, как вдруг дверь резко открылась и внутрь влетел Рене.

— Фух! Успел? Я уж думал, все, почти уже ушел, — он на ходу скинул китель. — О, да я, оказывается, не последний.

Герман максимально отключился от окружающего эмоционального фона и спокойно продолжил раздеваться. Юный врач тем временем возбужденно наворачивал вокруг круги, то и дело потирая ладони. Берт бросил одежду на стул и на всякий случай перебрался поближе к Герману.

— Здесь нет никакой аппаратуры, — шепнул он. — Что с нами будут делать?

— Не знаю.

— Мне уже холодно, — он переступил босыми ногами и потерял рукой голое плечо. — И неудобно.

— Готовы? — врач подлетел к Герману, выбрав его своей первой жертвой. — Встаньте вот так, спиной ко мне. Остальные могут пока присесть на кушетку.

Можно было и не уточнять — другой мебели, кроме кушетки, стула и стола в кабинете не наблюдалось.

Герман послушно встал лицом к двери и выпрямился.

— Слушайте, доктор, — Рене поправил свои чудные очки на лбу и закинул ногу на ногу. — Что-то лицо мне ваше знакомо. Как вас там по имени?

Врач как-то странно замялся:

— Марк Хатти. Я... я проверю целостность ваших энергетических каналов. Если они повреждены, больше риск подвергнуться нежелательным магическим излучениям. Это тема моего научного исследования.

Рене почесал затылок. А потом вскрикнул и ткнул в Марка пальцем:

— Ясно! Никакой ты не врач, ты чертов студент! Первокурсник, чтоб тебя!

Берт переглянулся с Германом, но эмпат не выказал беспокойства, и Альберт тоже расслабился. Марк же, напротив, занервничал.

— Я поступил в прошлом году на специальные курсы, у меня есть разрешение ректора на участие в медицинской комиссии первого курса второго потока!

— Чтоб меня лечил какой-то зеленый ботаник? — подскочил Рене, потрясая кулаком. — Да ни за что!

Герман вздохнул. Крики его утомляли, этот рыжий Рене — тоже. Хотелось поскорее закончить и вернуться в свою комнату. Он обернулся к Марку:

— Я готов, давайте приступим к осмотру.

Спор сразу затих. Марк сдержанно поблагодарил и начал. Герман вздрогнул, когда холодные руки легли ему на плечи, слегка помассировали, описав круг, и замерли где-то в районе напряженных лопаток.

— У каждого человека узел энергетических каналов находится в разных местах, его нужно просто нащупать, фигурально выражаясь, — пояснил Марк и надавил. — Ну, почти фигурально.

Герман вытянулся в струнку, неосознанно стремясь разорвать контакт, который был ему неприятен. Закусил губу, чувствуя, как через прикосновение к нему медленно перетекают струйки чужих эмоций, пока еще слабо различимых, но уже причиняющих дискомфорт.

— Еще немного, тут какой-то разрыв... Нет, кажется, просто надлом, — бормотал за спиной Марк. — Работы всего на пару минут... Не то что у... О-о-о, тут такой занятный случай попался, полный разрыв всех каналов!

Герман устоял на дверь, кусая губы и пытаясь абстрагироваться от назойливой болтовни. Так старался, что поздно заметил, что та приоткрылась и в кабинет вошла Стефания. Ее взгляд скользнул по обнаженному торсу, напряженным плечам и втянутому на вдохе животу, добрался до резинки трусов и замер. Глаза испуганно расширились, будто бы даже став еще голубей, чем были до этого. Стефания прижала ладонь ко рту и пулей выскочила в коридор.

— Готово, — Марк ничего не заметил, увлеченный любимым делом. — Все поправил. Эй, с вами все в порядке?

Герман заторможено кивнул, представив, каких собак на него спустит соседка вечером. Накинул рубашку и осторожно выглянул за дверь. Стефании видно не было, зато после нее остался отчетливый кисло-сладкий запах страха.

Урок 8. Неудачная компания — не приговор, а диагноз

Жить в постоянном напряжении оказалось куда сложнее, чем того подозревала Стефания, и мириться со своим положением было бы чуточку проще, если бы не их с Ситри соседи. Беззаботность и инфантильность блондина в буквальном смысле сводили с ума, на фоне ее собственных трудностей он выглядел особенно раздражающе. Стефания не могла понять, как можно так себя вести, когда по уши в проблемах. Герман же казался на порядок, а то и на два, серьезней, а оттого привлекательней своего дружка, но при ближайшем рассмотрении оказался таким же не обремененным заботами. Ко всему он относился поверхностно, и там, где Стефания пришла бы в бешенство, он лишь пожимал плечами.

А еще он был чертовски хорош собой. И это тоже было проблемой.

Практики она ждала с замиранием сердца. Где-то внутри теплилась надежда, что эти двое получают по заслугам и вылетят из набора до инициации. Тогда комната будет принадлежать им двоим с Ситри, и можно будет не шушукаться по углам.

Но больше всего она боялась неизвестности.

Сразу после завтрака их собрали на тренировочной площадке перед казармой и попросили разделиться на команды по пять человек. Парни начали толпиться, как стадо баранов, так и не осознав, что это первая и не самая простая часть проверки. Стефания тут же взяла на себя командование, и поздно поняла, насколько просчиталась — недавние бараны довольно быстро разбились на группки, игнорируя ее.

— Будете с нами в одной команде? — сегодня Берт казался не таким раскованным, как прежде, видимо, последняя стычка со Стефанией оставила свой след. Парень ковырнул песок носком ботинка и исподлобья покосился на подруг.

Стефания фыркнула:

— Еще чего! С таким слабаком, как ты, мы вылетим еще до получения задания.

Тут она кривила душой — ей довелось мельком слышать, что блондин неплохо владел шпагой. Ситри ткнула подругу локтем в бок и кивнула в сторону Германа.

Он проявил к заданию полное равнодушие. Скрестив руки на груди он прогуливался по периметру лениво, как бы вскользь осматривая каждого курсанта. Но ни Ситри, ни Стефанию обмануть не удалось — его цепкий, расчетливый взгляд словно проникал под кожу. Ситри за спиной хозяйки томно вздохнула:

— Может, возьмем?

— Даже не думай об этом.

Герман нравился Ситри. Это стало понятно почти сразу — телохранительница во всем, что не касалось охраны Стефании, была пряма как палка.

Взгляд Германа скользнул по Стефании, она поежилась и демонстративно повернулась к соседу спиной.

В конце концов, их обеих с подачи наблюдающих кураторов зачислили в команду Ролана. Главный заводила училища так долго выбирал себе свиту, что почти никого не осталось. Герману с Бертом достались те, кто на построении всегда оказывались в самом конце.

— Построились! — рявкнул главный куратор практики, Дамиан Эрно, и оглядел подтянувшихся в относительную шеренгу первокурсников. — Долго возитесь, противник не будет ждать, пока вы перегруппируетесь и решите, кто из соратников вам больше нравится.

Берт с неудовольствием отметил вполголоса, что все высказывания учителя Эрно рано или поздно скатывались к войне, что неизменно расстраивало чуткого и миролюбивого юношу.

— Он ведь это несерьезно? — шепотом поинтересовался он у Германа, но тот лишь передернул плечами.

— Выстраиваемся группами в очередь к двум рабочим телепортам. Вы узнаете их по стоящим рядом с ними учителям Гротту и Кишману. Они же выдадут вам письменные инструкции. Все, поехали.

Дамиан развернулся и поковылял прочь, заметно прихрамывая. Ученики загомонили, начали спрашивать друг у друга, кто что понял. Стефания фыркнула и первой направилась в сторону

административного корпуса, позади которого, на плацу, еще вчера заметила какие-то загадочные приготовления. Как оказалось, устанавливали переносные телепорты.

Возле двух одинаковых овальных рам, блестящих на солнце хромированными боками, стояли означенные учителя и переговаривались между собой. При появлении курсантов они вернулись на свои места и приготовились выдавать инструкции и отправлять группы на задания. Герман стоял в самом конце очереди и напряженно вглядывался в овал телепорта, который выглядел довольно незамысловато — широкая металлическая пластина в основании плотно упиралась в землю, и от нее отходили едва заметные ниточки проводов, исчезающие внутри хромированной рамы. Изредка пространство внутри нее вспыхивало фейерверком сиреневых искорок, отчего казалось, что телепорт сейчас взорвется.

Но вот первая группа получила стопку бумаг и по одному шагнула в искрящуюся неизвестность. Со стороны посмотреть — человек перешагивает препятствие и исчезает, буквально растворяется в воздухе, будто погружаясь в прозрачную жидкость, разъедающую плоть вместе с костями. От такого зрелища даже внешне равнодушного Германа передернуло, а Берт внезапно обнаружил в себе склонность к нездоровым фантазиям. Однако постепенно очередь редела, и Герман первым из своей команды оказался перед Вальтером Гроттом. После объявления наказания им больше не доводилось разговаривать, и сейчас Герман в полной мере ощутил внезапное желание довериться этому человеку. Иного выбора не оставалось — с каждой их встречей Гротт узнавал все больше и мог начать делать неверные выводы. К тому, как ни мерзко это признавать, ситуация с памятью Альберта требовала посторонней помощи.

— Прочтете по прибытии, — учитель протянул инструкцию и, не позволив Герману ее коснуться, добавил. — Я оставил подарок. Найдешь его и вернешь после. Удачи.

Герман схватил листовки и кивнул.

Перемещение было точно таким, каким он ожидал. Тугой комок тошноты, подкативший к горлу и камнем ухнувший обратно в желудок, цветная бело-сиреневая вспышка перед глазами, и вот уже земля больно бьет по груди. Хорошо еще, что, ожидая подобного, он выставил перед собой руки и тем самым спас лицо. Нос защекотала

сухая травинка, Герман, не сдержавшись, громко чихнул, вскочил и торопливо огляделся.

Его выкинуло на крошечную полянку, поросшую густой травой, местами доходящей до колен. Одурающе пахло свежестью подступавшего со всех сторон леса, уши в первые секунды заложило от звонкого птичьего чирикания, от нагретой за день земли исходило приятное тепло.

Герман взялся за кольцо, приготовившись сканировать пространство, и в тот же миг из ближайших кустов выскочил человек и радостно завопил:

— Аааа! Я спасен, я спасен!

Герман уклонился от объятий, просто уйдя чуть вправо, и крикун по инерции пролетел вперед, рухнув в траву и подняв стайку мелких голубых бабочек. Одна из них приняла взлохмаченные рыжие волосы за диковинный цветок и присела отдохнуть.

— Рене? — припомнил Герман и задумчиво прикусил губу. — А где Берт?

— Мне почем знать? — рыжий поднялся, раздраженно смахнул бабочку и принялся неловко отряхиваться. — Я только-только вывалился, чуть концы не отдал. Хреновые у них артефакторы, папаня говорил, при перемещении так колбасить не должно.

Герман постарался пропустить тираду мимо ушей — манера речи сокурсника его коробила.

— Где Берт? Он разве не шел прямо перед тобой?

— Мы поменялись, — Рене выплюнул попавшую в рот травинку. — Испугался наш красавчик.

Это он мог, но Герман не собирался признавать этого вслух. Повернувшись спиной, он нырнул в кусты.

Почти мертвую, звенящую сверчками, тишину нарушил хлюпающий звук. Подошва некогда чистых армейский ботинок мгновенно погрузилась в зеленую жижу.

— Буэ, — высказал свое недовольство Ролан, со смачным чавканьем отрывая от земли ногу, и ему тут же ответила зычная лягушка.

— Кажется, она с тобой не согласна, — хохотнула Ситри и подхватила под руку хозяйку. А вот Стефании было не до шуток —

резкий кисловатый запах ударил в нос, вкупе с телепортацией вызывая желудочные спазмы. Сил хватило лишь на то, чтобы отскочить к ближайшему дереву и согнуться пополам, избавляясь от не очень-то и вкусного завтрака.

— Ну почему-у-у-у? — простонала Стефания, с трудом удерживаясь о ствол голой, покрытой мхом сосны. Мало того, что она ощущала себя вывернутой наизнанку, так им еще и повезло оказаться посреди болот. Мерзких, мокрых, зловонных болот.

Ситри погладила ее по спине, сорвав хриплый всхлип, и осмотрелась. “Дверь” телепорта вывела их напрямик в ароматную лужу на опушке редкого, с проплешинами, хвойного леса. В другую сторону тянулось покрытое мхом и кочками поле, пройти по которому девушка бы не решилась ни за какие коврижки.

Мальчишки бочком оттеснились в другую сторону, разворачивая инструкции. Стефания сумела перебороть рефлекс, а может в ней просто ничего не осталось, и тоже развернула листок. Ей безумно хотелось сесть, но в сложившейся ситуации не везде было безопасно даже стоять, поэтому она решилашний раз не перемещаться. Хотя бы до тех пор, пока не сможет составить план дальнейших действий.

А план был настолько прост, что даже не смешно. Все необходимое для поиска неприятностей было бережно собрано в рюкзаки за их плечами. Местонахождение оружия отмечено на карте синим крестом, красным, чуть ли не в самом центре топи, рябила в глазах контрольная точка.

— Так! — Стефания выпрямилась и попыталась привлечь внимание остальных. — Слушаем меня. Сейчас мы все собираемся и идем за оружием, доходим до координат...

— Эй, а кто сказал, что мы будем тебя слушать? — отозвался Ролан, убирая листок с инструкциями в нагрудный карман кителя. Он вышел вперед и возвысился над Стефанией минимум на голову.

— Да чтобы нами девка какая-то командовала? Еще чего, — поддакнул из-за спины Вуди, всегда готовый поддержать своего старшего товарища.

Стефания даже опешила. До сего момента она ни на секунду не сомневалась, что является в их наскоро сколоченной команде главной, и никак не ждала сопротивления.

— Совсем идиоты? — она даже не нашла ничего объективней, чем покрутить пальцем у виска. — Мы должны действовать сообща.

— А мы и будем действовать сообща. Только командовать буду я, усекла? — парень ударил себя кулаком в грудь и круто развернулся, увязая каблуками в мягкой земле. — Так, салаги, построились и за мной шагом марш.

И уверенно двинулся куда-то вглубь леса. Ситри сверилась с картой, ее, все еще ошарашенная подруга, покосилась на компас.

— Э-эй, Ролан, ты картой хоть пользоваться умеешь?

Парень на ходу оглянулся, хотел резко ответить, но даже в его дурную голову не пришло дерзить Ситри. Вместо этого он многозначительно хмыкнул и повел свой отряд дальше. Когда их спины скрылись за ближайшими деревьями, Стефания зло пнула спасительную сосну ногой.

— Идиоты! Тупые идиоты!

— Да, хозяйка, — Ситри внимательно читала инструкцию и качала головой в такт злобным излияниям. Вокруг девицы роились тучи кровососущей мошкеры, но та их словно не замечала, даже не пыталась отмахнуться. Стефания, напротив, после первого же весьма болезненного укуса грязно выругалась. Ситри удивленно покосилась на хозяйку, но никак ее манеры не прокомментировала.

— Что там? — Стефания выдернула из ее рук листы. — Големы, значит. Папа про них рассказывал. Хм, каменные? — она хмыкнула. — Да их за версту видно будет. Кто придумывал условия практики?

Продолжая бормотать в том же духе, она быстро пробежалась по пунктам инструкции, раскладывая по полочкам нужную информацию.

Големы — существа, магическим образом созданные из неживой материи, глины, камня, песка, даже грязи. Управляющая формула наносится на любой подходящий носитель и вкладывается в тело голема, в данном случае — в живот. Контролировать существо можно на расстоянии путем манипулирования связывающими магическими потоками.

На этом месте Стефания остановилась. Поскольку инициация ей только предстояла, разорвать связывающие потоки она не могла, поэтому необходимо было оружие, чтобы физически уничтожить носитель управляющей формулы. И отсюда вытекала главная проблема.

— Надо спешить, — она торопливо закинула рюкзак за спину. — Если мы придем к тайнику с оружием первыми, сможем диктовать свои условия. А если нет...

Ситри вовремя схватила ее за локоть, удерживая почти на весу. Земля на том месте, куда та едва не наступила, вздулась пузырем, лопнула, и в воздух поднялось тошнотворно-желтое облачко вонючего газа.

— ... а если нет, — Стефания выровняла дыхание и продолжила как ни в чем ни бывало, — то диктовать условия будут они.

— Не будут, — Ситри забрала у нее рюкзак и закинула на плечо. — Мы придем первыми.

Стефания не стала возражать и предусмотрительно позволила телохранительнице пойти вперед. Ситри соорудила из ствола ближайшей тоненькой сосенки подобие посоха и смело поскакала с кочки на кочку, только две криво заплетенные косички подпрыгивали на могучих плечах. Стефания последовала за ней след в след.

В картах они обе разбирались куда лучше Ролана, но местность будто специально ополчилась против нарушительниц загнивающего болотного покоя. На первый взгляд веселая зеленая лужайка вдруг вздыбливалась, кочки, казавшиеся незыблемыми островками суши, уходили под воду, грязь заползала в ботинки, оседала слоем дурно пахнущей влаги на одежду и волосы, тут же впитывающие затхлую вонь. А мошкара и комары вообще стали сущим наказанием! Нежная белая кожа Стефании покраснела и покрылась волдырями, лицо распухло даже по ощущениям, а невыносимый зуд сводил с ума. Казалось, встретить она сейчас хоть всех големов сразу, разобрала бы на кусочки голыми руками. Где-то жалобно надрывалась невидимая птица, и со всех сторон ей отвечал целый хор горластых лягушек.

Стефания лягушек не любила.

— Что там с пунктом назначения? — хмуро бросила она в спину Ситри. Телохранительница сверилась с картой и компасом.

— Полчаса пешего пути, если ничего не случится.

— Ничего не случится, — отрезала Стефания, за спиной украдкой скрещивая пальцы.

Помогло не очень.

Точка, отмеченная синим, неуклонно приближалась. Девушки ускорились, не забывая об осторожности, но, когда Стефания увидела

земляной холм посреди унылого монотонного пейзажа, не сдержала радостного возгласа. Она сделала лишь один шаг в сторону, и этого хватило.

— Bölvun! — Ситри схватила ее за химок, но та увязла в трясине уже по колено. — Я велела идти по моим следам! Что было непонятного?!

Обычно она не позволяла себе вольностей в присутствии хозяйки, а особенно вольностей по отношению к ней. Но Ситри очень, очень разозлилась, а еще больше испугалась, но личной телохранительнице, связанной клятвой крови и собственным желанием, не пристало признаваться в своем страхе.

— Я вас вытащу, — Ситри напряглась, и литые мускулы заходили под курткой. — Как только окажетесь в безопасности, не вставайте. Ползите дальше. Ясно? — Стефания молчала, тяжело дыша. — Ясно, я спрашиваю?

— Да.

Ситри вдохнула и резко выдохнула, с глухим хэканьем вышвыривая хозяйку из трясины на узкую тропку между кочками. Ее собственные ноги моментально погрузились в жидкую грязь, которая даже не колыхнулась, принимая новую жертву. Вес тела и легкого, но все же металлического доспеха потянул ее на дно.

Стефания приземлилась на четвереньки и, не поднимаясь, оглянулась назад. Ситри уже погрузилась по пояс.

— Ситри! — Стефания попыталась подняться, но руки и ноги не слушались, и она повалилась лицом в грязь, отплевываясь и глотая слезы. — Ситри, я сейчас...

— Не смей, — спокойно возразила телохранительница, приложила руку к груди, и от этого движения болото издало жадный вздох и втянуло жертву в себя еще на ладонь. — Я верно служила вам и вашей семье. Моя смерть достойна моей жизни. Делайте как я велела. Живо!

Стефания всхлипнула и поползла прочь. Толстые косы полоскались в вонючей жиже, руки жгло от укусов и еще какой-то ядовитой дряни, которой, казалось, было пропитано все вокруг. Она остановилась, обессиленно рухнув на ставшую сухой землю, и услышала издевательский голос:

— Опаздываешь, дорогуша.

Стефания села и снизу вверх, сквозь нависшую на глаза сырую слипшуюся челку, посмотрела на ухмыляющегося Ролана. Позади него с охапкой оружия стояли его дружки.

— Подружка тебя бросила?

В голове у Стефании щелкнуло. Она тяжело встала на колени, пока не уверенная, что подняться на ноги хватит сил, и заговорила:

— Она застряла в трясине. Помогите вытащить ее и можете выдвигать свои условия.

Стоять перед этим ублюдком на коленях было унижительно, и Стефания мысленно представляла, как разделается с ним позже. Сама. Так, как ее учили дома.

— Что ты можешь мне предложить? — Ролан присел на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо. Протянул руку и пальцем размазал грязь по ее щеке. — Полное подчинение? Ты признаешь мое лидерство?

— Да! — Стефания едва поборола желание зажмуриться от омерзения и, не глядя, сломать ему руку минимум в трех местах. И она знала, что легко смогла бы это сделать. Но позже, сейчас нельзя. — Спасите мою подругу.

— Вы, бабы, такие жалкие, — Ролан кивнул товарищам, и те двинулись в сторону, откуда приползла Стефания.

Стефания же не нашла в себе сил пойти с ними, боялась увидеть на месте, где оставила Ситри, пузырьки выходящего на поверхность кислорода.

Спустя примерно четверть часа, она поднялась на негнущиеся ноги и пошла туда. На полпути ее перехватила Ситри, грязная, воняющая тинной, насквозь сырая, но живая и невредимая.

— Что вы им обещали? — кивком указав на мнущихся позади нее парней, она схватила Стефанию за грудки и встряхнула так, что зубы клацнули.

— Что мы будем их слушаться, пока не вернемся в училище, — прямо ответила Стефания, и Ролан гнусно хихикнул.

— Глупо, — Ситри поставила хозяйку на место. — Мне нужно мое оружие.

Она забрала у одного из ребят свой меч, а Стефании сунула в руки облегченную секиру с посеребренным полумесяцем лезвия.

— Эй, я не разрешал! — Ролан сделал шаг вперед, но меч Ситри преградил ему путь.

— Полегче, — она заслонила собой хозяйку. — Мы дали слово, мы его не нарушим.

Ролан справился с собой и с достоинством, как ему казалось, кивнул.

— Ладно, но приказы буду отдавать я.

Почувствовав привычную и приятную тяжесть оружия, Стефания любовно провела ногтем по идеальной заточке и улыбнулась. На покрытом коричневой коркой с разводами слез лице улыбка выглядела жутковато.

— Благодарю. Это то, что нужно.

Урок 9. Командовать может любой, но только лидер способен отвечать за последствия своих приказов

Герман знал, что это называется джунглями, хотя своими глазами видел впервые — иллюстрации в книгах не в счет.

Когда он прошел сквозь кусты и попал во влажную шумную духоту леса с его голыми высокими стволами, переплетениями лиан и огромными яркими, несомненно, ядовитыми цветами, он удивился, причем удивился настолько сильно, что это оказалось заметно по выражению его лица, что бывало крайне редко. Рене не пожелал оставаться в одиночестве и, сопя и ругаясь, поспешил следом за ним. Вспугнутые птицы с громким чириканьем вспорхнули в воздух.

Джунгли были живыми, Герман чувствовал. В переплетенных макушках высоченных деревьев перекликались птицы, отовсюду слышались крики, визги, уханье, что-то, очень похожее на обезумевшее эхо — невероятная в своей гармоничности какофония. В мешанину звуков вплетались то детский плач, то надрывный стон, то сумасшедшее жуткое хихиканье. Лес не смолкал ни на секунду и обнимал вмиг взопревшее тело влажными горячими объятиями, от которых становилось тяжело дышать. В густом подлеске, цепляющемся за ботинки, шуршали мелкие зверьки или даже что похуже — не разглядеть.

— Где твоя инструкция? — Герман вернул себе былое спокойствие и развернул полученный от учителя листок. — Сверим их.

Ребята быстро изучили короткий столбик пунктов.

— Одинаковые, — Герман остался доволен результатом. Осталось только отыскать заблудшего Альберта. — Значит, забираем наши вещи, потом дожидаемся появления големов в контрольной точке, уничтожаем их любым доступным нам способом и ждем эвакуации. Все четко и просто.

— Ты монстр, — проникновенно поделился Рене и сунул свою инструкцию в карман. Герман отстранено подумал, что уже не впервые

слышит в свой адрес подобное и всякий раз с новой интонацией.

— Я знаю, — кивнул он и холодно улыбнулся.

Берт нашелся быстро и по счастливому стечению обстоятельств — рядом с их вещами, состоящими из пяти походных рюкзаков. Они были чуть сырыми от конденсата, зато в них обнаружился сухпак, вода и некоторая необходимая мелочь вроде аптечки. И ничего, что помогло бы решить, как поступать дальше.

Уже втроем без приключений добрались до тайника с оружием и обнаружили его нетронутым. Выходило, что другие двое участников их команды сюда еще не добрались.

— Ждать не будем, — распорядился Герман и сверился с часами. — Пять минут на проверку обмундирования и выдвигаемся.

Альберт и Рене переглянулись, синхронно пожали плечами и подчинились.

Шли весь день, который закончился куда раньше, чем ожидалось, будто душная темнота, как огромный язык, слизнула весь свет, и джунгли погрузились во мрак. Поначалу он казался непроглядным, но скоро расцветился фосфорным сиянием мшистых стволов, стайки светлячков порхали в быстро остывающем воздухе, оставляя за собой размазанные пестрые следы. Пугающие звуки стали громче и тревожнее. Берт жался к Герману, стискивая влажной ладонью рукоять своей эспады. Шпага была среди горы оружия — обещанный подарок от Вальтера Гротта. Пару раз по пути юноше приходилось выхватывать клинок, и казалось, разрезая густой как топленое сливочное масло воздух, он мягко мерцал, радовался руке хозяина.

Контрольная точка, отмеченная на карте красным крестом, оказалась весьма примечательным местом.

— Берт будет дежурить первым, — раздавал указания Герман, пока два члена его маленького отряда располагались на ночлег среди заросших травой и молодыми побегами развалин. Что бы не стояло на этом месте раньше — деревня или город — от него давно ничего не осталось, только разбросанные по земле камни и торчащие из буйной растительности обглоданные остовы стен, увитые лианами и ползучими цветами. Герман выбрал угол между двумя относительно уцелевшими стенами. Рухнуть в ближайшее время они вроде не должны, зато и нападения по меньшей мере с двух сторон ожидать не приходилось.

— Ага, — уныло пробормотал Берт, но послушно сел в отдалении и положил на колени шпагу, любовно поглаживая клинок пальцами, как хозяйка гладит любимого кота.

— Если что, действуем по плану, — в этом месте Герман серьезно посмотрел на Рене, и рыжий замахал руками:

— Так точно, мой генерал! — воскликнул он шутливо, и Герман поморщился:

— Что в плане говорилось по поводу воплей?

— Никаких воплей... — Рене сел обратно и, привалившись к каменной кладке, принялся перебирать свои пистолеты, с которыми прибыл в Визанию, но был вынужден сдать в оружейную. У самого Германа собственного оружия не было, поэтому он выбрал стандартный короткий меч, с которым умел неплохо обращаться.

В джунглях окончательно и безраздельно воцарилась ночь. Вскрикнула невидимая в темноте птица, пронзительно и тревожно. Берт вскинул голову, обвивая пальцами рукоять шпаги, Рене выругался сквозь зубы и приготовился к утомительному, выматывающему полусну-полудреме. А Герман вытянулся на тонком одеяле и уставился в почти полностью скрытое кронами чернильно-черное небо. В нем, как на дне колодца, плавали звезды.

Сбившись на тридцать третьей, он погрузился в сон.

Из Ролана вышел никудышный лидер, строго говоря, вообще никакой.

Стефания мысленно убила его уже раз десять, пока они наворачивали круги по болоту под чутким руководством этого болвана. Попробовал бы он таскать на себе пол центнера железа, рискуя угодить в трясины. Вуди тоже выглядел недовольным, но не спешил выражать свое мнение, если оно у него вообще имелось. Третий парень, кажется, Свен, шел молча, поминутно спотыкаясь и глядя себе под ноги. В нем, даже не в Вуди, Стефания видела слабое звено.

— Присматривай за ним, — шепотом велела она Ситри. — В случае опасности на него надежды не будет.

Ситри молча кивнула. Потом все же не выдержала:

— Они все слабаки. Может, лучше их... — она многозначительно подвигала светлыми бровями, но Стефания покачала головой:

— Не вариант. Это могут засчитать за нарушение и дисквалифицировать обеих. Я не собираюсь рисковать местом в училище. Ты же знаешь, надежнее места не найти.

Ситри безразлично пожала плечами. Ее беспокоила неприятная компания, но не настолько, чтобы опасаться кого-то из них или даже всех сразу. Строго говоря, она продолжала придерживаться мысли, что убрать с дороги досадное недоразумение в их лице — самое разумное решение. Каждому хватило бы по одному удару, чтобы пробыть в беспамятстве до конца испытания. Сразу станет тише, спокойнее и продуктивнее. Стефания с ней мысленно соглашалась, и все же рисковать нельзя, на кону нечто большее, чем просто диплом военного мага.

— О, это невыносимо! — внезапно взвыл Вуди, картинно вскидывая руку и прижимая ладонь к взопревшему лбу. Его пухлощекая физиономия от комариных укусов стала еще более круглой и заметно покраснела. Теперь он напоминал не купидончика, а перезрелый помидор. — Еще немного и я умру! Точно умру!

— И всем станет легче, — пробормотала Стефания, сбавляя шаг. Как ни странно, местность немного поменялась, то есть какой-то сдвиг в сторону контрольной точки все же произошел. Ситри деловито сверилась с компасом и благосклонно покачала головой.

— О, ужас! — надрывался Вуди. — Какие муки, какие му...

Он потянулся к Ролану, видимо, желая опереться о надежное плечо друга, но тот раздраженно дернулся, и Вуди едва не рухнул в воду. Тропинка вела сквозь озеро жидкой грязи, иначе эту маслянистую зеленовато-бурую субстанцию и не назовешь. То тут то там на ее поверхности надувались и лопались пузырьки газа. Едва уловимо пахло метаном и резко — гнилью.

— Немедленно заткнись, иначе... — начал Ролан, и Стефания отвернулась. Слушать бред спесивого кретина не хотелось. Она принялась лениво изучать болото, пользуясь минутной передышкой.

— ... и намотаю на ближайшую сосну, ты меня понял?

Стефания покосилась на подругу, и Ситри наморщила нос, выражая свое презрение. И в этот момент что-то вокруг поменялось.

По матовой поверхности топи прошла рябь, будто на дне проснулось что-то очень большое, зашевелились ближайшие к тропе кочки, медленно воспаряя над водой. И совершенно бесшумно из нее

поднялись три огромных голема с горящими красным огнем глазами — у каждого по одному. По грубо собранным уродливым телам стекала жидкая грязь, отваливались прилипшие к сырому камню водоросли. С тихим всплеском они падали обратно в воду, и только этот тихий звук вывел Стефанию из ступора.

— Опасность! — выпалила она и скинула с плеча секиру. Ситри встала за спиной, как всегда готовая к хорошей битве, и вытащила из заплочных ножен меч. — К оружию!

Ролан растерялся. В панике забегал глазами по сторонам:

— Но как? Как? Мы же еще не дошли...

Но никто не стал его слушать. Болото всколыхнулось, и первый голем обрушил удар тяжеленного кулака на тропинку. Земля разлетелась влажными комьями, и образовавшуюся яму быстро заполнила вода. Девушки оказались отрезанными от парней.

— Его нужно завалить! — выдал очевидную мысль Ролан и торопливо, не слишком ловко, обнажил меч. — Вуди, Свен, окружайте его! Чего встали!

Голем вновь замахнулся, и Вуди едва успел уйти в сторону, вереща как свинья на убое. Свен оказался менее ловок, и рухнул на спину, выронив палаш, и тяжелый клинок ушел под воду.

— Что делать? — Ситри видела, как голем заносит над парнем кулак. — Спасать?

Стефания замешкалась, и в этот момент второй голем полностью вышел из болота и нацелился на них.

— Этот твой, — решила она и покрутила в руках древко секиры, примериваясь. — Перекинь меня на ту сторону.

Ситри без вопросов подставила руки и подкинула подругу в воздух. Стефания выбросила вперед руку, и тяжесть секиры добавила ускорения. Приземлившись в лужу, она перегруппировалась и замахнулась. Острое лезвие вошло в камень и раскрошило руку существа на осколки.

— Беги, придурок! — рывкнула она на испуганного Свена и снова бросилась в атаку. Ситри кружила вокруг голема, высекая из него куски своим полуторником и, кажется, откровенно забавлялась. Стефания отвлеклась, чтобы приказать:

— Цельтесь в ноги! Их нужно повалить на спину и проткнуть живот!

— Не командуй тут, стерва, — Ролан вынырнул из-за ее спины и отпихнул в сторону. — Был уговор.

— Ты совсем тупой что ли? — прорычала Стефания. Над ними завис каменный монстр, а он выясняет, кто из них круче. — Сражайся, болван!

Как ни странно, их обоих спас Вуди. Испугавшись, он взвизгнул и ломанулся бежать, куда глаза глядят, но увяз в грязи и упал. Голем отреагировал на быстрое движение, и пока управляющая формула в его теле перестраивала алгоритм поведения, Стефания поднырнула под замершую руку и оказалась возле ног. При этом сама провалилась в болото почти по пояс.

— Помоги мне, — она отвела секиру для удара. — Одна я не успею.

Ролан не тронулся с места. Его глаза похолодели, и Стефания с ужасом поняла, что тот не станет ей помогать. Мысленно он уже пожертвовал ею.

— Ролан! — воскликнула она и, отвернувшись, отчаянно размахнулась. Секира высекла внушительный кусок каменной плоти, но этого было слишком мало. Голем перенастроился и отмахнулся от Стефании, как от назойливого комара. Внутри что-то треснуло, она отлетела на несколько метров и проехала спиной по жидкой земле. На губах выступила кровь, и вместо дыхания из груди вырвался болезненный хрип.

— Хозяйка!

Стефания видела, как рухнул голем Ситри, и сама телохранительница по нему, как по мосту, перебежала через яму.

— Все... нормально, — прохрипела Стефания, приподнялась, сплюнула кровь и утерла губы. Ролан и чудом отыскавший свой палаш Свен вдвоем пытались одолеть разбушевавшуюся махину, внезапно приняв план Стефании. Наконец, у них стало получаться. Стефания с помощью подруги поднялась на ноги.

— Что сломано? — сразу определила Ситри и насупилась. Стефания неохотно созналась:

— Ребро. Два.

— Я убью его, — просто сказала Ситри. — Ролана. Лучше не держите меня.

Стефания подумала, что это было бы просто чудесно, но на словах ответила совсем другое:

— Нет. Я же сказала, никаких нарушений.

Ситри упрямо стиснула зубы, скулы ее покрылись гневными пятнами. И тут их обеих накрыло волной болотной воды. Второй голем рухнул, и ему на смену пришел третий.

— Помоги им, — Стефания положила ладонь на грудь, борясь с болью. — Иначе все тут поляжем.

Ситри подчинилась, и бой продолжился. Бестолковый, беспорядочный, лишенный четкого плана. Стефанию воротило от этой мышинной суеты, но в любом случае махать секирой со сломанными ребрами едва ли удалось бы даже ей. Вот тебе и практика, задание для первокурсников. Герману с таким не справиться, раз уж даже у нее не получилось...

Тошнота вернулась с удвоенной силой, может, от боли, может, немного от пережитого стресса, и Стефания глубоко вдохнула и закашлялась. Легкие работали вполсилы, дышать было больно, воздух, казалось, застревал в груди и царапал изнутри металлической стружкой. Хотелось ругаться на всех известных языках, но легче бы все равно не стало. Когда был повержен последний голем, она даже облегчения не испытала. Только усталость.

— Хо... Стефания! — Ситри на бегу закинула меч в ножны и отпихнула с дороги зазевавшегося Вуди. — Мы закончили. Нужно возвращаться.

Ролан тоже подошел к ней и без предупреждения схватил за грудки, вздергивая в воздух:

— Ты сказала, что я главный! — заорал он ей в лицо. — Какого черта тогда раскомандовалась?!

Ситри взяла его за шею и оттащила от хозяйки. В глазах загорелся мрачный огонь:

— Я все-таки его убью.

Берт ликовал, потрясая в воздухе шпагой:

— Ага! Как мы их, да, Герман?

Он поставил ногу на валун и горделиво вскинул голову:

— Это было несложно, да, Герман? Герма...

За спиной зашуршали приходящие в движение камни, на светловолосую макушку упала тень. Альберт вдруг ощутил затылком мерзкий холодок, будто ледяную монетку приложили. Юноша медленно поднял голову, а там...

— Берт! — Герман рванулся вперед, одновременно с этим могучая ручища махнула кулаком, волна воздуха пригнула густую траву на том месте, где секунду назад праздновал легкую победу Альберт. Камни продолжали шевелиться, затягивая отверстие в животе монстра. Герман прижал друга к земле, огромные фиалковые глаза лихорадочно блестели в сантиметрах от его лица. Представив, что на месте этой бестолковой златокудрой головы сегодня могло оказаться кровавое месиво, Герман почувствовал дурноту. Это неправильная практика. Что-то с ней не так.

— Ребят? — Рене шустро отскочил за невысокую стену. — Живые? Что за ерунда творится? Этого не было в инструкции, чтоб ее!

Голем уже полностью восстановился и вращал головой, выискивая шустрых маленьких противников. То есть вел себя вполне разумно, каким ему быть вовсе не полагалось.

— Гер... — Берт разомкнул побелевшие губы, но Герман уже торопливо поднялся

— План Б! — крикнул он и силком поставил Альберта на ноги. — Соберись, живо. Без твоей шпаги мы отсюда не выберемся. Понимаешь?

Юноша заторможено кивнул. Поначалу казалось, что слова не дошли до его сознания, но потом в глазах появилось понимание. Берт кивнул и поудобнее перехватил эспаду. Герман быстро сжал его плечо и выскочил из укрытия прямо перед големом. Каменная машина уставилась на него пустым лицом с единственным пылающим глазом, голова перестала судорожно мотаться из стороны в сторону — цель была обнаружена.

— Эй, каменный придурок! — Герман сознательно копировал манеру Рене, чтобы быть более назойливым и раздражающим. — На меня смотри, я тут! Эй!

Он помахал мечом, одновременно делая знак рыжему.

“План Б”.

Альберт выскочил следом и метнулся в противоположную сторону и оттуда принялся отвлекать внимание на себя. Если он желает

быть полезным, лучшего шанса может не предвидится.

Каменная ножища взмыла вверх, над головой пригнувшегося Германа промелькнула тяжелая ступня. Этот голем был самым крупным из трех и против всех мыслимых и немыслимых правил магии остался “жив” после уничтожения управляющего свитка. Острие шпаги пронзило его насквозь, зачарованная бумага сгорела, даже пепла не осталось, однако голем продолжал двигаться и стал проворнее и хитрее, чем до этого.

— Рене! — Герман проследил за тем, как Берт ловко запрыгнул на руку монстра, оттолкнулся от нее ногами и, приземлившись, откатился в сторону. Кулак пробил стену, посыпалась каменная крошка. Юноша уже успел подняться и бросился в атаку, бессмысленную, если не знать расположение управляющего свитка, но неплохо отвлекающую истукана. Редкие, несильные удары Германа тоже вносили свою лепту. Ребята как два досадных насекомых кружили вокруг каменной махины и жалили ее.

Рыжий выглянул из-за чудом уцелевшего угла и нацепил на глаза свои нелепые очки. Замер, приглядываясь. Пальцы легли на спусковые крючки пистолетов.

— Берт, ты левее, — велел он. — Дай ему повернуться ко мне спиной. Нет, не выходит. Герман, лучше ты.

Голем грузно развернулся, и Рене воскликнул:

— Нашел! Свиток в задней части шеи! В загривке!

Друзья переглянулись. Герман кивнул в дальнюю часть заброшенного города, и Берт рванул туда. Герман подобрал с земли большой кирпич и, размахнувшись как следует, швырнул его в голема.

— Ты, урод! Иди за нами! — крикнул он, до сих пор не уверенный, что тот его понимает, но голем отлично распознавал звуки.

Рене успел к арке первым. Ее ребята заприметили накануне — шаткая и ненадежная, она держалась в воздухе чудом, казалось, даже сильный порыв ветра мог ее обрушить. Рене дождался, когда монстр доберется до ловушки, и разрядил оба магазина звуковых патронов в опоры арки. Волны невероятно низкого вибрирующего звука высекли каменную пыль. Герман почувствовал, как заложило уши, и постарался скорее отбежать подальше. То же сделал и Берт. В это время трещины раскололи арку, и на голема, замершего ровно под ней, обрушился дождь из обломков. Грохот камнепада заполнил собой ночь.

Альберт не стал дожидаться и, лавируя между камнями, устремился к голему, вскарабкался по спине и, оказавшись на загривке, безошибочно вонзил шпагу в нужное место. Клинок вошел по самую крестовину.

— Погас... — Рене опустил пистолеты и устало плюхнулся на кучу битого камня.

Урок 10. Если не исполнять угрозы, можно лишиться не только уважения, но и пары зубов

Курсанты выходили из телепортов по одному, одинаково измученные и уставшие. Преподаватели встречали их и в случае необходимости передавали в руки дежуривших врачей и медмагов. А помощь в разной степени требовалась всем.

Герман стойко выдержал перевязку, хотя глубокая царапина на плече скорее досаждала, чем причиняла сильную боль. Берт, когда увидел залитый кровью порванный рукав друга, позеленел до оттенка свежей листвы и запричитал, захлебываясь горячими слезами. Впрочем, сегодня чрезмерную эмоциональность Герман готов был ему простить. Они все немного на взводе, даже Рене притих, настороженно косясь по сторонам, будто выискивал кого-то. Тем же занимался и Герман.

Рыжий заметил свою цель первым. Выдохнул облегченно, растянул губы в улыбке и без слов рухнул лицом вниз — волосы на затылке оказались слипшимися от крови. Никто и не заметил, что недавнего соратника ранило при обвале. В закрутившейся суеде Герман продолжил всматриваться в лица вновь прибывающих, и почти сразу ему улыбнулась удача. В той же стороне, куда смотрел перед обмороком Рене, проходила беглый осмотр Дзюн Мей. На вид она казалась вполне невредимой, только мокрой насквозь. Гладкие черные пряди липли к лицу, сырая одежда обтекала стройную фигурку как вторая кожа. Герман поспешно отвернулся и случайно поймал вопросительный взгляд Вальтера, но к счастью, учителя тут же отвлекли. Объясняться с ним пока не входило в планы Германа.

— А где наши девочки? — Альберт по-прежнему стоял рядом и, похоже, на самом деле переживал за их раздражающих соседок. — А вдруг они не справились? А вдруг с ними что-то случилось? Ты не думаешь, что...

— Тебе какое дело? — грубовато оборвал его Герман. — Ты хочешь учиться в УВМД? Тогда заботься в первую очередь о себе.

— Я не хочу, — Берт доверчиво заглянул ему в глаза и с осторожностью прикоснулся к раненой руке. — Не хочу заботиться о себе. Разве люди не должны думать о других? О тех, кого они любят?

Можно было бы передернуть его слова, высмеять, но Герман только упрямо поджал губы. Как легко было здесь до появления Берта. Или, может, Герман лишь внушал себе эту успокаивающую мысль, а на самом деле ждал, когда кто-то заставит его перестать притворяться?

— Ты такой... наивный, — проронил он, отворачиваясь, хотя давящие — такие искренние! — эмоции друга обнимали его со всех сторон.

— Спасательный отряд возвращается! — крикнул кто-то, и все в едином порыве обернулись к последнему из работающих телепортов. Спасательный? Герман переглянулся с Бертом, но тот пожал плечами.

Сноп сиреневых искр возвестил о скором перебросе. Овал телепорта озарился вспышкой, и во двор училища шагнула Стефания.

Девушка с видимым наслаждением втянула носом воздух, но тут же надсадно закашлялась, схватила за грудь и согнулась пополам. Появившаяся следом Ситри поддержала подругу за плечи и что-то шепнула. Следом за ними вывалились Ролан с Вуди, оба грязные как свиньи, а Ролан еще и злой, почти как всегда. А вот последними двое спасателей вынесли накрытые курткой носилки. Кисть с коркой засохшей грязи безжизненно свисала вниз.

Берт вцепился в Германа, будто забыв, что боялся причинить боль.

Герман попытался нащупать эмоции человека на носилках, но... их просто не было.

— Он без сознания? — Берт сильнее стиснул пальцы на локте друга. — Как Рене, да?

Герман покачал головой.

— Прости. Он мертв.

— Его звали Свен, — двое бывших приятелей Ролана из команды Германа подошли к ним. — Мы провалили задание, но хотя бы живы, а он...

Медики обступили Стефанию, но она яростно отмахивалась от помощи. Ребра ныли, и все же она уже поняла, что перелома не было. Трещина, не больше. От такого не умирают, по крайней мере, не сразу.

— Прочь! — она вырвалась и проковыляла к скамейке. Внутри была зияющая пустота — она выиграла, она победила. Но почему нет радости? Потому что ее не приняли как лидера? Ее, кто учился руководить с пленок?

— Bölvun! — смачно выругалась она излюбленным словечком Ситри. Облегчения это не принесло. — Bölvun, bölvun, bölvun!

— Стефания? — Берт заслонил собой свет и, наклонившись, протянул руку. — У тебя лицо в крови.

Она отшатнулась, избегая прикосновения. Омерзение от вида этой смазливой мордашки, этой милой улыбки, огромных, лучащихся сочувствием глаз скрутило внутренности в узел.

— Чего тебе надо? — прошипела она. — Убирайся.

— Но Фанни...

— Какая к демонам Фанни?! — она вскочила, едва не задохнувшись от боли, но не дернула ни мускулом. — Ты, бесхребетный червяк! Иди, поплачь на плече у своего самоуверенного друга! Видеть вас всех не желаю!

Она размахнулась и влепила ему звонкую пощечину.

Альберт потер щеку, грустно улыбнулся — да чтоб он подавился своей улыбочкой! — и потрепал Стефанию по голове. От такого обращения она даже растерялась. Не успела ударить уходящего нахала как следует. Вместо этого заплакала сама, от жалости к себе, к своей судьбе, от обиды и гнева. И совсем немного — от жалости к Свену. Он, в общем-то, был неплохим парнем. Точнее, Стефания его просто не замечала прежде. Был он или не был, сейчас он мертв, а его смерть еще аукнется всему отряду. И от этого Стефания пуще прежнего заливалась злыми отчаянными слезами.

В таком виде ее и нашли врачи и забрали в медицинское крыло. Стефания больше не сопротивлялась.

Берт видел, как ее увели. Погладил щеку, все еще горящую от не по-девичьи сильного удара, проводил девушку печальным взглядом. Вот дурочка, и когда только поймет, что не нужно защищаться от друзей?

— Идем, — к нему подошел Герман и положил руку на плечо. Заглянул в глаза и сразу все понял. — За что тебя ударили?

— Ты даже не спросишь, кто? — замялся Берт. В теории он понимал, что надо как-то ограничивать свои эмоции, чтобы не мучить

эмпата, они с Германом как-то обсуждали тему его способностей. Напрямую это не прозвучало, но Берт уверился, что его несдержанность иногда ранит Германа. Но одно дело хотеть сдержаться, а другое — суметь.

— Если бы тебя ударила Ситри, мы бы с тобой встретились в больничном крыле, — усмехнулся Герман. — Стефания — птица не нашего полета. Лучше просто не лезь к ней, переделать все равно не получится. Да и не к чему.

Берт был с ним категорически не согласен, но по привычке не стал озвучивать свое мнение вслух. Иногда мысленно он вел с другом пространные споры, но ни разу не решился сделать этого в действительности, все равно Герман для него был слишком умен.

— Да, Герман, — уныло согласился он и отвел глаза.

Измученные курсанты полагали, что теперь им дадут заслуженный отдых, но как бы не так! Спустя час, после всех необходимых проверок и медицинских процедур явился сам куратор практики, Дамиан Эрно. Он критическим взглядом окинул грязную, потную, местами окровавленную толпу, скривился и негромко выдал:

— В помывочную. Всех. Срочно.

Берт как обычно ничего не понял, но заранее испытал ужас перед этим загадочным местом, а Герман устало приложил ладонь к лицу и покачал головой. Специально он не старался, но от учителя исходило тщательно подавляемое беспокойство, источник которого, увы, юный эмпат различить не мог. То ли в силу неопытности, то ли это в принципе было невозможно. Герман попытался ненавязчиво просканировать Эрно, неловко обходя прилипчивые эмоции собравшихся, что уже само по себе сложно. Но тут рядом с куратором возник учитель Гротт, и Германа отрезало так резко, что он пошатнулся и удержался на ногах только благодаря отирающемуся поблизости Альберту.

— Что случилось? — Берт как-то странно дернулся в его сторону, и Герману показалось, что тот всерьез планирует подхватить его на руки. Пришлось срочно отпрыгнуть в сторону, наплевав на головокружение.

— Ничего, — он вернул себе былое самообладание. — Слышал приказ? Идем мыться.

По дороге заскочили в комнату за чистыми вещами. К счастью, никто не гнал их в купальню строем, хотя время на гигиенические процедуры регламентировали — полчаса. Берт тогда еще возмутился: “Да кто успеет помыться за полчаса?! Да тут же народу не перечесть!” Тут он был не совсем прав, однако в предбаннике собрался весь первый курс второго потока. То есть абсолютно весь.

— Я что-то не поняла? — послышался в сконфуженной тишине громоподобный голос Ситри. — Мы что, с парнями в одном тазу сидеть будем?

Кажется, никто не планировал сидеть в одном тазу конкретно с ней, поэтому и ответа она не дождалась. Рене плотоядно облизнулся — уже подлатанный врачами и медмагами — и выдал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Коль уж проживание у нас смежное, то чего теперь стесняться-то? Раздевайтесь, девочки.

В рыжего нахала полетело чье-то полотенце, потом еще одно, пока не начался форменный курятник. Девушек хоть и было меньше, шум они издавали несоразмерный количеству. И только две из них никак не участвовали в скандале.

Герман специально встал поближе к выходу, там потасовка его не задевала. Он видел, как Дзюн Мэй повернулась ко всем спиной, скинула халат по пояс и ловко завернулась в огромное белое полотенце. Халат упал к ногам, и где-то в груди у Германа болезненно екнуло, непривычное чувство, но, кажется, приятное. Дзюн накрутила волосы на шпильку, заколола на макушке и вошла в купальню.

Ситри тоже плюнула на внезапно разгоревшуюся “войну полов”, закрыла подругу от посторонних глаз и помогла раздеться. Время меж тем шло, полчаса истекали.

— Давай, Берт, — голос Германа не дрогнул, в отличие от предательски заколотившегося сердца. — Раздевайся. Иначе можем не успеть.

Щеки юноши смущенно заалели, как и уши, выглядывающие из-под беспорядочно скелотых невидимками завитков. Прежде, не без помощи Германа, будившего его на полчаса раньше, ему удавалось избегать таких вот совместных купаний. Но когда-нибудь суровая реальность добралась бы и до него. Бегло оглядевшись, Берт стянул кофту, расстегнул ремень брюк, потом вспомнил про ботинки —

разулся. Будто оттягивая момент, принялся выпутывать из волос заколки, зачем-то вынул из ушей все сережки — целая горсть получилась. И не заметил, что Герман уже направился в купальню.

— Подожди! — взмолился Берт, путаясь в штанах, и буквально ввалился в дверь следом за другом.

Первыми они заметили густые клубы пара. Очертания в них сразу терялись, так что хоть голышом бегай, едва ли это сильно бросится в глаза. Герман помахал рукой перед лицом, но помогло не сильно. И тут откуда-то сбоку накатили тугие струи горячей воды, почти сбивая с ног. Пытка длилась всего ничего, но за эти секунды показалось, что вместе с грязью с них смыло кожу.

— Берт, Герман! — сзади налетел встрепанный Рене и обхватил парней за плечи. — Вот же гадость, я чуть не захлебнулся от неожиданности!

Герман аккуратно потеснил слишком сильно прижавшегося товарища локтем:

— Не будешь рот открывать, когда не надо, — он уже отошел от шока, в отличие от друзей. — Нам направо.

— А почему не налево? — отчего-то расстроился рыжий. — И откуда ты вообще это взял?

Но Герман не собирался отвечать. Просто справа шел отчетливый поток эмоций, окрашенных чисто мужскими тонами.

Кто-то проходил мимо, слышался плеск воды, слева сквозь пар пробивался негромкий женский смех.

— А ты прислушайся, — нашелся Герман и, взяв растерянного Берта за локоть, потянул за собой.

Огромный бассейн с горячей водой был ровно посередине разделен плотной ширмой, к величайшему огорчению Рене. От воды шло тепло, а вот пара было меньше, возможно, его каким-то образом специально отгоняли подальше. Герман с наслаждением опустил в воду по самую шею, с головой окунаться не решился, побрезговал, как сразу решил Рене, не удержавшийся от комментария. Волосы от горячего конденсата стали завиваться в мелкие колечки. Герман блаженно вытянул ноги, правда, тут же ударившись об острые коленки Альберта. С другого бока примостился не затыкающийся ни на минуту Рене.

— ... сплошной обман! Девчонки рядом, руку протяни, а толку ноль. Вот тебе, Гера, кто-нибудь нра...

Рене забулькал, припечатанный сверху ладонью Германа. Вынырнул, отплевался, но так и не понял, что сказал не так:

— Ну Гера!

Отправленный под воду вторично, он начал догадываться, в чем причина.

Альберт тихо хихикал, орудуя намыленной мочалкой, потом набрал пены в ладонь и дунул на Германа, похоже, ничуть не боясь расправы.

— Ты монстр! — решительно выдал Рене и снял с головы шапку пены, напущенной Бертом.

— Как угодно, только никаких дурацких сокращений.

— Хорошо, Гера.

От наказания его спас громкий вскрик.

Герман оказался ближе остальных к выходу, первым же нырнул в душную взвесь, на бегу обвязывая полотенце вокруг бедер. И едва не споткнулся о Ролана, скрючившегося на полу и стонущего, как умирающий на поле боя.

— Мелкая... мелкая дрянь! — подвывал он, прижимая к груди вывернутую под неестественным углом руку. — Я тебя придушу! Что встали? Позовите врачей! Декана! На меня напали!

Он перестал кататься по полу и разглядел, наконец, кто поспешил ему на выручку. При виде Германа лицо Ролана стало еще более кислым, чем было. А Герман смотрел на Стефанию.

— Что? — она откинула с лица сырые пряди и гордо подтянула полотенце на груди. — Не пялься так, это неприлично.

— Зачем ты это сделала? — Герман проигнорировал ее попытку замять проблему.

— Он шел и поскользнулся на пене. Упал. Вывихнул руку, — отчеканила Стефания и, приблизившись, подняла голову и заглянула в глаза. — Ты ничего не видел, никто ничего не видел. Это наказание свыше. В твоём мире верят в богов?

Герман спокойно выдержал и ее тяжелый взгляд и почти упирающуюся в него мягкую грудь. Девушка была настроена решительно, и, если подумать, Ролан заслужил. Однако Герман был против насилия:

— Если бы могла, ты бы убила его?

Ролан, кажется, даже дышать перестал, как будто сейчас решалась его судьба. Стефания глубоко вздохнула — Герман почувствовал это вполне ощутимо — и отстранилась:

— Да. Если бы от этого зависела моя жизнь, то да.

К ним подтянулись Рене с Бертом, со стороны девочек тоже появились любопытствующие, да и полчаса практические истекли. Пострадавшего незаметно увели, игнорируя сердитое шипение и проклятия в адрес всех, кто попадался Ролану на глаза. Инцидент быстро забылся, погребенный радостью от долгожданного отдыха. Довольные, распаренные и чистые молодые люди начали расходиться по комнатам, только Герман растерял все свое благодущие после общения со Стефанией. От нее несло кровью, не в буквальном смысле, конечно, а еще презрением и холодной яростью. Она жестокая. Пожалуй, такой человек действительно мог убить.

После водных процедур учебный процесс вошел в норму, и после пары лекций и одного семинара по так нелюбимой Бертом межмировой истории и геополитике наступило долгожданное свободное время, и Герману эти занятия показались тяжелее минувшей практики. Случай в помывочной изрядно подпортил ему настроение, а холодные, как горные ледники, эмоции Стефании не получилось изжить из памяти даже необычно вкусным и сытным ужином. В итоге Герман нашел способ успокоиться — спрятался в библиотеке. Местный библиотекарь, Сорамару, оказался интереснейшим человеком, и Герман отдыхал, просто находясь в его молчаливом обществе.

Но самое приятное поджидало его позже, по дороге в казарму.

Пульсацию трогательно взволнованных чувств он ощутил заранее, замедлил шаг, “прислушиваясь”, и быстро определил источник. Который, а, точнее, которая никак не решалась его окликнуть.

Герман остановился в фойе административного корпуса, возле композиции из живых растений, и оглянулся. Люси поняла, что замечена, и смущенно зарделась, и ее смущение было теплым, как плюшевый плед, в него хотелось закутаться с головой.

— Здравствуйте, мисс Шерилд, — Герман склонил голову. Волосы после экстремального купания беспорядочно кудрявились, почти как у Альберта, и щекотали лицо. Герман невольно наморщил нос и с удивлением заметил, что девушка улыбнулась. При этом на ее круглых розовых щеках заиграли премилые ямочки.

— Здравствуйте, — она прекратила терзать рукава розовой кофточки и вдруг стремительно приблизилась. Подняла голову, обеспокоенно заглядывая в лицо. — Вы сегодня вернулись с практики. Я слышала, кто-то умер... И я...

Герман, сам не понимая, отчего, затаил дыхание.

— Да?

— И я переживала за вас! — выпалила Люси и покраснела до корней кучерявых каштановых волос. — Просто понимаете, прецедентов еще не было. Это ужасно, весь преподавательский состав в шоке, — тут она поняла, что говорит лишнее. — Простите за дерзость.

Таких искренних эмоций не было ни у кого, кроме Берта.

— Мне очень приятно ваше беспокойство, — Герман улыбнулся, не без удовольствия отмечая робкую ответную улыбку. — Я в полном порядке, как видите.

Люси глубоко вздохнула, качнув пышной грудью, обтянутой преступно тонкой тканью:

— Хорошо. Наверное, мне не стоит вас задерживать, поздно уже.

Она протянула руки к нему и заботливо поправила воротник рубашки, помятый жесткой горловиной расстегнутого кителя. Герман замер, боясь пошевелиться, пока ловкие белые пальчики порхали возле его шеи. Приятное тепло разлилось по телу.

Внезапно из-за угла вылетела Стефания и не затормозила, даже поймав на себе испуганный взгляд Люси, тут же отпрянувшей от Германа. От Стефании буквально разлило беспричинной злостью, почти яростью.

— Герман, — она уперла в него испытующий взгляд. — Нам необходимо поговорить. Обсудить тот случай, понимаешь, о чем я.

Он прищурился. — Нет повода для обсуждения.

— Есть! — Стефания совсем разгорячилась, покраснела. Герман не понимал ее, и это его настораживало. — Хочу быть уверена, что ты будешь благоразумен.

Люси робко прикоснулась к локтю Германа:

— Я пойду, не буду мешать.

Однако Герман задержал ее:

— Подождите, мисс Шерилд. Уже темно, вам не стоит идти одной. Я провожу, — он бросил на Стефанию равнодушный взгляд. — Повторю, обсуждать нечего. Приятного вечера.

И он предложил Люси локоть, как настоящий джентльмен.

— Если разговор настолько важный, обсудим все в комнате после отбоя. Увидимся.

Стефания осталась стоять на месте, когда Герман открыл перед Люси дверь. Возможно, не стоило вести себя так намеренно жестоко, но, признаться, Стефания на это нарывалась, причем с самого начала.

Стефанию затопила обида, такая сильная и болезненная, что на глазах выступили слезы. Чтобы какой-то деревенщина так с ней... Да кем он себя возомнил?! Она зло утерла мокрый нос кулаком и бросилась к выходу. В темных зарослях вдоль тропинки ей мерещилось кокетливое хихиканье вульгарной девицы и волнующий бархатный шепот Германа. Ненавидя себя за слабость, Стефания добежала до общежития в рекордный срок.

Герман еще не вернулся в комнату, зато за столом сидели Альберт и Ситри и о чем-то негромко разговаривали. Ситри болтала с этой белобрысой бестолочью как со старым знакомым! Не иначе вся Визания ополчилась против Стефании.

— О, а вот и ты, — Берт увидел ее и приветливо улыбнулся. — Мы уже собирались тебя искать. Все хорошо?

Стефания поморгала удивленно:

— Я же тебя ударила сегодня.

— Ну да.

— И обозвала бесхребетным червяком, — напомнила она.

— И такое было, — юноша продолжал излучать дружелюбие. То ли правда был таким добрым, то ли просто мозгов не хватало, чтобы оскорбиться. В любом случае, это было даже неплохо. Стефания выдавила из себя улыбку, просто постаралась максимально достоверно скопировать то, что видела:

— Извини меня, Берт, — она подошла к нему и прислонилась рядом к столу. — Я вовсе не хотела тебя обидеть. Честное слово.

Второй раз милая улыбка далась легче, и похоже, Альберт на нее купился. Быть приветливой девочкой оказалось не так уж и сложно

— Теперь мы будем друзьями? — спросил он с надеждой.

— Конечно, будем, — девушка проследила взглядом за вошедшим в комнату Германом. — Я бы очень хотела стать твоим другом.

Урок 11. Внезапная похвала от учителя — верный признак грядущих неприятностей

Стефания поменяла тактику. Для Германа это не стало неожиданностью, строго говоря, он ждал, что она предпримет, оказавшись застигнутой “на горячем”. Герман даже позволил себе мысленно усмехнуться неловким потугам девушки усмирить свою гордыню. Ну и посочувствовал немного, потому что сам бы так не смог. Альберт, конечно, все принимал за чистую монету, а может и нет. В его голове частенько абсолютная наивность смешивалась с почти циничной проницательностью. Впрочем, довольно редко.

— Вниманию курсантов второго потока, вернувшихся с практики. Всем, кто еще способен передвигаться, через тридцать минут собраться в актовом зале № 2 для подведения итогов. Те, кто передвигаться не может, ползите. Предупреждение от студсовета — как бы вы не справились с практикой, вы неудачники.

Герман отставил утюг и вздохнул. Тупые шуточки неизвестных юмористов из студсовета совершенно не казались ему смешными. К тому же он специально встал пораньше, привести китель в порядок, и вот снова приходится спешить.

— За что-о-о?! — возопил Берт из-под одеяла.

— Заткнись! — шикнула на него Стефания, забывшись, хотя буквально вчера заверяла его в вечной дружбе. Спустила ноги с койки и яростно взъерошила длинные спутанные волосы. — Найду этих придурков, пришибу.

И только Ситри спокойно спустилась со второго яруса и, проигнорировав ширму, повернулась спиной и скинула ночную рубашку. Герман дернулся, подхватил падающий утюг и столкнулся взглядом с Альбертом. Щеки вспыхнули, и он ничего не мог с этим поделать. Должно пройти время, чтобы он привык жить с девчонками. Кто знал, что это настолько сложно?

Вот Берт вообще без капли стеснения встал, потянулся, сверкая голым торсом, взял полотенце и пошлепал умыться. А недавно в помывочной строил из себя недотрогу, вот и верь ему. Ситри ушла вслед за ним, и Герман остался со Стефанией наедине.

Девушка скрылась за ширмой.

— Надеюсь, мисс Шерилд, добралась вчера до общежития без приключений?

Герман подавил желание обернуться на голос и с удвоенным усилием завозил утюгом по кителю. Взгляд Стефании буравил спину.

— Без приключений, — пришлось ответить ему. — Ты тоже?

— К чему этот вопрос?

— Из вежливости, — Герман не намерен был изображать добродушие, на это у него был Альберт. — Можешь не отвечать.

Судя по шороху, Стефания вышла из-за ширмы и подошла ближе. Можно было уже обернуться, но Герман не захотел.

— Твое слово еще в силе? Ты не доложишь на меня в деканат?

Герман оскорбленно выпрямился и все-таки обернулся:

— Я не нарушаю обещаний.

Стефания будто бы расслабилась, опустила напряженные плечи, легкая складочка между нахмуренными бровями разгладилась:

— Верю.

Возможно и правда верила, по крайней мере, Герман не почувствовал исходящего от нее запаха лжи. На его счастье, от дальнейшего диалога его спасло появление Рене.

— Тут еще? А я не помню, где этот дурацкий актовый зал. Можно с вами пойти? Хм, — он быстро обшарил комнату беспардонным взглядом. — А где красавчик?

— Герма-а-н! Горячую воду дали... — Альберт так спешил сообщить радостную новость, что налетел на рыжего, и они вдвоем вкатились внутрь, цепляясь друг за друга для равновесия.

— Я счастлив, — только и смог сказать Герман и накинул идеально отглаженный, наконец, пиджак.

Актовый зал № 2 оказался не очень-то и залом, скорее довольно просторной аудиторией с рядами мягких кресел, выполненной в торжественных бордово-бежевых тонах. За аккуратными, по мнению Германа, и уныло-педантичными, по мнению Рене, складками

тяжелого занавеса скрывалась полукруглая сцена. В общем, ничего выдающегося.

Курсанты собрались вовремя, без опозданий, и сидели тихие и сонные. Предупреждение студсовета, похоже, взволновало всех, и они ожидали жестокого разноса. Герман предпочел место в одном из задних рядов, Берт с готовностью уселся рядом, и уже мимо них обоих, оттаптывая ноги и шумно извиняясь, пролез Рене, чтобы плюхнуться по левую руку от Германа. Избавился ли он от страха перед его мрачным образом или нет, но зачем он постоянно лез к ним, угадать было несложно. Рене, кроме прочих своих талантов, отлично видел перспективы для себя, и находиться сейчас рядом с Германом ему казалось наиболее выгодным вариантом. И нельзя его в этом винить.

— Простите, я случайно, — еще раз извинился он и расползся по креслу. — Фух, что-то душно-вато тут, да? Атмосфера сгущается...

Он задрал очки повыше, сминая неровную рыжую челку. Нахальные бледно-зеленые глаза с прищуром косились на Германа. Тот пожал плечами с деланным равнодушием:

— Возможно. Но нам совершенно нечего опасаться. Мы сторона пострадавшая.

— К слову об этом, — Рене оперся на подлокотник и приблизил свое лицо к лицу Германа. Дохнуло тяжелым запахом масла и металла. — Если *там* с нами произошла случайность, нас пожалеют, а если нет...

Альберт заинтересованно перекинулся через колени Германа, прислушиваясь.

— А если нет, то что?

Рене приготовился выдать мрачный прогноз, но его прервал сигнал о начале собрания. Герман стряхнул друга с колен и приготовился слушать, параллельно обдумывая сказанное Рене. Разумеется, произошедшее с восставшим големом не случайность, в такое мог поверить разве что Берт. Сидящая впереди Стефания обернулась и смерила его странно задумчивым взглядом, Герману даже на секунду показалось, что она думала о том же, о чем и он. Хотя едва ли это возможно.

Бестелесный голос громко объявил:

— Дамиан Эрн, куратор практики второго потока первого курса.

Учитель Эрно появился вовсе не оттуда, откуда его ждали. Пока все смотрели на сцену, он неслышно возник прямо перед ней и выдал безучастно:

— Точно бездари.

Его хрипловатый, чуть надтреснутый голос действовал на курсантов безоговорочно, буквально замораживая шепчущуюся беспокойную толпу. Герман поежился, отгоняя наваждение. В его случае дело было не столько в голосе, сколько в исходящей от учителя подавляющей волне. Уверенность, сила, властность. Герман прикрыл глаза, пытаясь “увидеть” больше. Но стоило только подобраться ко второму ментальному слою, как Рене случайно ткнул его локтем, сбивая всю концентрацию.

— ... неутешительны, — оказывается все это время Эрно говорил. — Я бы сказал, что более слабых и бестолковых курсантов я не видел, но это было бы ложью. Потому что каждый год одно и то же. Утешьтесь тем, что ваш идиотизм повторяется из года в год, и вы переняли его как полковое знамя.

Стефания склонилась к плечу Ситри и что-то прошептала. Герман удивился тому, что среди мешанины окружающих его эмоций, силой блокатора сведенных к минимуму, ее поток выделяется. Обычно так бывало лишь с близкими или хорошо знакомыми людьми. Ни к тем, ни к другим девушка не относилась.

Эрно прошелся вдоль сцены, чуть прихрамывая, и остановился у левого края рядов:

— Мы просмотрели материалы практики. Ни один отряд не справился с элементарным заданием так, как надо. Так что назвать могу лишь лучших из худших. И это не повод гордиться, как вы, я вижу, уже собрались. Курсант Герман!

По собравшимся прошла легкая рябь. Герман поморщился, ощущая, как мысли и взгляды сходятся на нем. Пришлось нехотя подняться.

— Так стоят настоящие солдаты?

Герман вытянулся, выпрямил спину и прижал руки:

— Я!

Тревоги он не чувствовал, но быть в центре внимания... Пожалуй, это одно из того, чего он всячески стремился избегать. Зато Берт заискрился гордостью, а Рене — совсем немного — завистью.

— Курсант Герман проявил лидерские качества, присущие потенциальному офицеру, — заметил учитель, обращаясь уже к залу. — Из доставшихся ему балбесов он сколотил подобие команды, и их действия можно назвать успешными. Исключительно на фоне других. Команда Германа спасена от исключения.

Герман сел на место и тут же угодил в липкие объятия обоюдной радости своих эмоциональных товарищей. Сладкая вата — Альберт, расплавленный мед — Рене. Сразу захотелось холодной воды.

Однако Дамиан не закончил. Собрание, более походившее на язвительный и колкий монолог учителя, длилось уже довольно долго. Досталось всем и весьма крепко. А потом дошла очередь и до знакомых имен.

— За отсутствием формального лидера, за грехи команды будет отвечать, — его цепкий взгляд прошел сквозь ряды, как нож сквозь масло, — Стефания Дидрик. Ответьте нам, курсант Дидрик, как так вышло, что ваш товарищ погиб?

Идеально ровная спина девушки дрогнула, будто непосильный вес заданного вопроса лег ей на плечи. За все время их короткого (и, скорее всего, взаимно неприятного) знакомства Герману впервые стало ее искренне жаль.

— Ваш подчиненный погиб, находясь под вашим командованием, — продолжил безжалостно давить Эрн. Его холодные глаза вовсе не были злыми, да и не ощущал Герман угрозы, несмотря на суровый тон учителя. Однако Стефания всего этого не знала и, вытянувшись в струнку, пыталась найти в себе силы ответить. — В реальной жизни гауптвахта — меньшее, на что стоило бы рассчитывать. Оправдания?

— Это моя вина, — с вызовом произнесла Стефания, и зал дружно охнул. — Как лидер я не справилась с задачей и не обеспечила безопасность своего личного состава. Я готова к наказанию.

Дамиан удовлетворенно кивнул.

— Наказание. Хорошо. Мне придется исключить из списка учащихся всю вашу команду.

Альберт вцепился в подлокотники, больно впиваясь в лежащую на одном из них руку Германа, Рене выдал не слишком приличную фразу — одним словом все были крайне изумлены, каждый по-своему.

Ситри попыталась встать, но Стефания жестом остановила подругу.

— Отвечать должен лидер, — твердо заявила она. — Я.

— Как интересно, — без особо интереса в голосе протянул Эрно. — Курсант Дидрик, солдат не имеет права диктовать условия непосредственному командованию.

— Вина только моя.

— Кто был вашим лидером?

— Я, — Стефания не собиралась сдаваться, и Герман поймал себя на мысли, что переживает за соседку.

Учитель нехорошо прищурился:

— Ложь.

Герман согласно кивнул, хотя никто этого, конечно, не заметил.

— Исключению подлежит курсант Ролан Грэм, как самоназначенный глава группы, — припечатал Эрно и поковылял куда-то за сцену.

— Но как же так?! — Стефания подалась вперед и схватилась за спинку сиденья. — А я? А тот голем, который...

Учитель обернулся и полоснул по рискнувшей заговорить без разрешения студентке взглядом:

— Все свободны. Пока.

— Но... Как же...

Германа обдало паникой и необычайной, почти отчаянной решимостью. Стефания дернулась в сторону выхода. Ее намерения были ясны и без ментальных способностей, вот только кроме как глупостью их никак не назовешь.

— Не сейчас, — Герман перегнулся через передний ряд и успел схватить девушку за локоть, но его голос потонул в разочарованно-облегченном гуле толпы. Студенческая масса колыхнулась и потекла к выходу, не обращая на них никакого внимания.

От прикосновения Германа как током ударило, резко, до мерцающих звездочек в глазах. Невозможно было понять, чего в этой мешанине эмоций больше — страха, отчаяния или желания добиться справедливости. Он резко отдернул руку, стискивая виски, и рухнул обратно в кресло. Насколько сильно стремление Стефании, если он получил откат такой невероятной силы?

Когда Герман сумел, наконец, открыть глаза, актовый зал почти опустел. По крайней мере, ему так казалось из-за почти прозрачной атмосферы. Рядом, прямо на пыльном полу, с испуганным взглядом на коленях сидел Альберт.

— Ну и ну, — присвистнул с другого бока Рене, и его голос словно пробился сквозь толстый слой ваты.

— Ты! Ты! Это все из-за тебя! — накинулась на Германа Стефания. Он едва успел отскочить, но разъяренную девицу уже подхватила Ситри.

— Не прикасайся ко мне, — прошипел он. В голове еще звенело. — Хочешь, чтобы и тебя отчислили вместе с Роланом?

— Ге-е-ерман! — громко взвыл на полу Альберт, и все удивленно уставились на него. — Давайте не будем ругаться? Мы же все друзья.

И растянул губы в широкой улыбке, хотя глаза были на мокром месте.

Ситри громко фыркнула и выпустила успокоившуюся подругу из крепкого захвата, та деловито отряхнулась и скрестила руки на груди:

— Плевать я хотела на этого неудачника!

— Просто у нас големы из строя вышли, — пояснила Ситри, игнорируя сердитые взгляды Стефании.

— Вот, а я вам о чем говорил! — возликовал Рене.

Герман с Альбертом удивленно переглянулись.

— Идем в комнату, есть разговор.

В блоке все собрались вокруг центрального стола, даже Стефания, которая по пути высказала свое презрение как к Герману, так и к его действиям, тоже пристроилась с краю и почти повисла на плече у Берта.

— Я еще специально у ребят по комнате спрашивал, — Рене плюхнулся прямо поверх чьих-то конспектов, отчего столешница под ними надсадно скрипнула, — у них все было в порядке. Свитки в животе, достал, полоснул и — гуляй, солдат, собирай шишки.

Герман спихнул рыжего со стола и потер переносицу. После возвращения он тоже прислушивался к разговорам курсантов. Сперва напуганные, а после довольные первой в жизни боевой практикой, они демонстрировали друг другу следы боевых ранений и пересказывали изрядно приукрашенные подвиги. Сначала Герман думал, что “сбой” произошел только у его команды.

— Кому-нибудь еще рассказывали об этом?

Девушки отрицательно покачали головой.

— Разве что Ролан со своим белокурый дружкой растрепали, но и то вряд ли, — встряла Ситри. Она казалась спокойной, в отличие от своей подруги.

— Учитель Эрно в курсе всего, что происходило, — уверенно заявил Герман спустя минуту напряженного молчания. — Иначе откуда он мог знать о самоназначении Ролана и об остальных деталях практики? И раз он молчит, значит, на это есть какие-то причины.

— Проверка? — предположил Рене.

— Возможно.

— Но это подло, — возмутился Альберт. — Почему для кого-то практика должна проходить по инструкции, а у кого-то нет? И зачем нас проверять?

— Если это не проверка, нам лучше молчать. В ближайшее время нас, скорей всего, по одному, вызовут в деканат. До того, как мы натворим дел, — последние слова Герман адресовал Стефании. Девушка исподтишка показала язык и сжала руку Берта так, что тот не сдержал вскрика.

— Просто вы неудачники, — ядовито заявила она, и Рене покрутил пальцем у виска:

— Совсем дура? Вы, выходит, тоже неудачники, да?

Стефания резко побледнела, дернулась к обидчику, но Альберт вдруг проявил твердость и силой усадил девушку себе на колени. Причем, судя по ошарашенному лицу, добивался он чего-то другого.

Совещание стремительно превращалось в балаган.

— Нужно решить, что мы будем говорить в случае допроса, — повысил голос Герман, без особой надежды взывая к здравому смыслу товарищей. Но слышала его, похоже, только Ситри.

— Герман, срочно в медчасть.

Дверь приоткрылась и снова закрылась. Спорщики замерли и в едином порыве уставились на Германа.

— Ты заболел? — испугался Берт и выпустил-таки Стефанию. Схлопотал увесистую оплеуху и охнул от боли.

Герман обреченно вздохнул и молча вышел в коридор. Посыльный уже умчался, разумеется, ничего не объяснив, но тревоги Герман не чувствовал. Пока ничего вразумительного от шумной компании друзей

по несчастью все равно не добиться, и по дороге в медицинское крыло он переключился на новую проблему — попробовал угадать причину вызова, но ничего толкового в голову так и не пришло. Зато сильно напрягали взгляды, которыми его провожали встреченные по пути курсанты — после утреннего собрания и заявления учителя Эрно Герман быстро сделался знаменитостью, не прошло и нескольких часов. Подобное внимание же ему не просто не льстило, но и откровенно раздражало. Прибавив шагу, он почти влетел в приемный покой медчасти. Дежурная — судя по всему, стажерка с последнего курса — даже вздрогнула от звука хлопнувшей двери.

— Курсант Герман, — коротко представился парень. — Вызывали?

Девушка справилась с удивлением и быстро зашуршала бумагами: — Да, шестой кабинет, это по правой...

— Я знаю, — не слишком вежливо перебил Герман, и дежурная обиженно поджала губки. Пришлось выдавить из себя улыбку и извиниться. Ощущения подсказали, что он прощен, хотя взгляд из-под пушистых ресниц оставался настороженно-сердитым.

Нехорошо было наживать недоброжелателей среди медиков, они народ крайне полезный, и Герман сделал мысленную пометку — вернуться сюда, найти обидчивую дежурную и сделать какой-нибудь приятный, но не слишком личный подарок.

А шестой кабинет ему и впрямь хорошо знаком, по комиссии перед практикой. Тогда он показался ему странным, и память сработала без огрехов, фиксируя заинтересовавший объект. Герман постучал и, дождавшись разрешения, вошел.

— Курсант Герман по вашему... — слово “приказ” он поспешно проглотил, потому как с образом взъерошенного первокурсника с очками-половинками оно не вязалось, — прибыл.

— А, Герман! — Марк отшатнулся от стола, будто его застигли за чем-то неприличным. — Чудно! Присаживайся, вот сюда, на кушетку.

Мебели в прошлого раза не прибавилось, так что кроме кушетки все равно сесть было некуда. Под пытливым взглядом юного медмага Герман сел и положил ладони на колени.

— Я так хотел тебя увидеть, — поделился Марк, ничуть не смущаясь, и, оттолкнувшись, подкатился на кресле поближе. — Мне не терпится тебя осмотреть. Раздевайся скорее!

Ему все-таки удалось заставить Германа растеряться.

— Меня вызвали, чтобы... осмотреть?

Марк огорченно выдохнул и чуть отодвинулся. Герман украдкой перевел дух — тот был слишком близко и разве что не заглядывал в лицо с жадным любопытством. Это кого угодно заставит нервничать.

— Вообще, нет. Но так хочется...

Он еще раз вздохнул, запустил руку в карман и достал платок. Целую минуту ожесточенно тер стеклышки очков, будто забыв о посетителе. А потом резко вскинулся:

— Все-таки я тебя осмотрю. Раздевайся!

— Да не буду я раздеваться! — неожиданно для себя вспылил Герман. Так завелся, что даже не попытался просканировать Марка. Иметь дело с людьми, поведение которых невозможно просчитать, он не любил, это выбивало из колеи. Герман сделал еще одну пометочку — поработать над этим на досуге.

— Почему?

— Потому... — Герман не нашел убедительного аргумента. — Потому что не хочу.

Марк неожиданно тоже растерялся:

— А... ну... Тогда ладно.

Герману ни с того ни с сего стало весело. Представив их диалог со стороны, он увидел, каким нелогичным он был, и как нелогично вел себя сам Герман.

— Может, в другой раз, — пообещал он. — Зачем я понадобился?

Марк перестал елозить на стуле и водрузил очки на их законное место на переносице:

— Спешу сообщить, что с этого дня ты моя дипломная работа.

Герман открыл рот. Закрыв. Собрался с мыслями и все-таки спросил:

— Что это значит? Как человек может быть дипломной работой? И почему я?

Марк ответил не сразу:

— Мне предложили. Я согласился. Знаешь, такие предложения делают не каждый день. Такие сложные переплетения энергетических каналов, невероятная чувствительность, я уж молчу про ментальные возможности! — Он снова оседлал любимого конька. — Ты мой первый менталист, я даже немного волнуюсь.

Об этом кроме Берта, декана и нескольких преподавателей никто не знал. Если информация просочится в массы, от Германа не просто будут интуитивно шарахаться, как сейчас, но вообще возненавидят. Люди всегда ненавидят тех, кто понимает их лучше их самих.

— Кто? — перебил Герман. — Кто предложил? Кишман?

Медмаг вошел в раж и сдал своего благодетеля с потрохами.

Герман вернулся в казарму, но не пошел сразу в свою комнату. В конце коридора было окно, и он сел на подоконник, а спустя минут десять к нему присоединился Альберт.

— Расскажи, — попросил он и положил теплые ладони ему на колени. Это успокаивающее тепло коснулось не только тела, но и тех самых сенсоров, которыми так восторгался недавно Марк. Герман убедился, что никто их не услышит и сказал:

— Гротт что-то задумал.

Урок 12. Все можно оправдать необходимостью, правда, девушки этого не всегда понимают

Доводы Германа показались Стефании настолько убедительными, что она тут же решила им не доверять. Что ей руководило — упрямство или здравый смысл, она не задумывалась, а потому выскочила из комнаты следом за парнем и отправилась искать учителя Эрно.

— Стефания Дидрик? — в голосе, который вызывал у нее благоговейные мурашки, не слышалось и капли удивления. Стефания догадалась, что ее ждали.

Уверенность мгновенно улетучилась, и Стефания помялась у двери, прежде чем войти. В кабинете помимо Эрно присутствовали учителя Кишман и Гротт, и если первый излучал показное добродушие, второй был хмур как небо в сезон дождей.

— Задерживаетесь, юная леди, — укорил ее Савелий.

— Вы меня ждали? — Стефания изобразила удивление, но лишь для того, чтобы скрыть нахлынувшее раздражение. Герман оказался прав настолько, что стало противно и обидно. Как он смел быть таким... проницательным? Слово “умный” она не позволила произнести себе даже мысленно, не заслужил пока.

— Учитель Эрно сказал нам, что вы придете, но не уточнил, что придется ждать так долго.

— Ну извините, — процедила Стефания. Ах, как ее бесила эта кучка лощеных педагогов! Думают, что все о ней знают, смотрят как на очередную капризную студенточку. Особенно Кишман, он ей не нравился, и плевать, что с его попустительства их с Ситри зачислили после официального окончания приема документов.

Эрно, наблюдавший все это время молча, не выдержал:

— Не тяните время. Вы пришли поговорить о големах, так начинайте. Как вы уже поняли, инцидент произошел лишь в вашей команде, — куратор прищурился, внимательно изучая Стефанию, и до

нее не сразу дошло, что это проверка. Ну уж нет, ее так просто не возьмешь.

— Если вы в курсе, почему не вмешались? Вы ведь могли нам помочь. Вы могли спасти Свена! — кажется, еще минуту назад она собиралась сказать совершенно другое, да и парня если и было жаль, то лишь отчасти. Его судьба волновала мало, в отличие от своей собственной, и учитель почти сразу озвучил ее настоящие мысли.

— Здесь военное училище, — отрезал Дамиан, — а не детский сад. На войне никто не будет следить за соблюдением правил. Для вас для всех случившееся должно послужить хорошим уроком, и если желаете стать солдатом, ведите себя соответствующе. А нет — до инициации еще есть время, чтобы забрать документы.

Стефания замерла с открытым ртом.

— Ну, что же вы, учитель Эрно, так давите на девушку, — промурлыкал Кишман. Дамиан дернулся, обжигая того гневным взглядом, не иначе желал испепелить и прах смыть в самом грязном общественном туалете — мужском. — Она всего лишь студентка, к тому же смотрите, какая хорошенькая. Она напугана, а вы...

— Я не напугана! — возразила Стефания. Хотела продолжить, но ее оборвал Гротт, все это время хранивший скорбное молчание:

— Курсант Дидрик, — от его голоса у нее мурашки по спине поползли. — По поводу случившегося инцидента проводится внутреннее расследование. Если это спланированная акция, виновный будет наказан в соответствии с межмировыми законами и внутренними правилами училища. И вы должны понимать, что для удачного ведения этого дела, от вас требуется помалкивать. Не стоит распространяться об этом и тем более вмешиваться в ход расследования. Вы меня поняли?

— Поняла.

— Кхем, — грозно покосился в ее сторону Дамиан, и Стефания невольно выпрямилась:

— Так точно!

— Свободны, курсант Дидрик, — смиловился бывший вояка.

— И дружков своих предупредите, — крикнул ей вслед Савелий, а Стефания, оказавшись за дверью раздраженно выдохнула:

— Клоуны.

И словно в подтверждение ее слов из-за двери послышался хмурый голос Гротта:

— Ну и цирк вы здесь устроили. Ладно Сава, у него со студенческой скамьи ветер свищет, но вы?!

— Девушка здесь не при чем. Уверен, что и остальные студенты тоже всего лишь жертвы, — Дамиан проигнорировал выпад Вальтера, и Стефания снова мысленно заплодировала.

— Думаете, КРАС?

Стефания с трудом поборолла низкий порыв припасть к двери ухом, но пока в этом не было необходимости. Впрочем, после этого вопроса учителя сбавили громкость.

— ... твои бредни, — Кишман подрастерял изрядную долю своего благодушия. — Если я узнаю, что ты...

— Перестаньте оба! — внезапно рявкнул Гротт, и Стефания едва не отшатнулась от двери. — Нельзя игнорировать угрозу просто потому, что так удобнее. Сава, не будь идиотом, тебе это не идет.

Дальше сложно было разобрать хоть что-то, и Стефания с досадой подумала, что преподаватели ведут себя хуже, чем мальчишки из ее комнаты. У тех хотя бы разговоры конструктивнее.

— Хватит, — перебил всех Эрно. — Я понял. Сам разберусь.

Стефания сообразила, что пора уходить, если не хочет попасть кому-нибудь из них на глаза. Завернув за угол коридора, она услышала, как громко хлопнула дверь.

Стефания выбежала из административного корпуса и только на свежем воздухе поняла, какой важной информацией теперь обладает. С ней она может доказать, что ее недооценивают. Если никто из учителей не желает говорить правду, Стефания найдет ее сама, а для этого нужны союзники. Как ни прискорбно это признавать, но Герман и его банда подходили на эту роль лучше всего.

Она как обычно вошла без стука, даже не притормозила перед дверью, хотя звуки, доносившиеся изнутри, должны были бы ее насторожить.

— Сиди смирно или я тебе руку оторву, — ласково уговаривала Ситри, так же ласково заламывая Герману локоть за спину. Парень нагнулся вперед и терпел издевательства над собой со смиренным видом. Пиджак лежал рядом на соседнем стуле, рубашка расстегнута и спущена с одного плеча. Берт подскочил и выдавил Ситри на ладонь

мазь из тюбика, и девица смачно размазала прозрачный гель по смуглой коже. Герман слабо дернулся, закусил губу и тут увидел Стефанию.

И заявил без капли стыда:

— Где ты была?

Стефания прикрыла глаза, явственно представляя, как впивается пальцами в его каштановые кудри. И головой о колени...

— Хо... Стефания, нельзя исчезать, никого не предупредив, — укорила ее Ситри и по простецки вытерла руки о штаны. — Мы волновались.

— Да? — она стиснула кулаки и ядовито процедила. — А мне кажется, вы прекрасно проводили время без меня. М?

Герман выпрямился, накинул рубашку на плечи и принялся неторопливо, обстоятельно застегивать на все пуговицы.

— Повторю вопрос. Куда ты ходила?

Нет, головой о колени — не выход. Лицом о шкаф, только так. И неоднократно.

— Не твое дело. Ты мне не... — она вдруг запнулась, так внезапно, что сама испугалась, — не муж.

— Посмотри на себя, — парировал Герман, справившись с рубашкой и накидывая китель. — Ты что-то натворила. Что?

Он тебе нужен, уговаривала себя Стефания. Его мозги, если быть точной, они лучшее, что есть в этом самодовольном задаваке. Так что лицом о шкаф не пойдет — ценный ресурс может быть поврежден. Его бы пяткой секиры да в солнечное сплетение...

— Не твое дело, я же сказала, — через силу оставаясь спокойной, ответила она. — Не буду отвлекать.

Круто развернулась, хотела гордо удалиться, но ее остановил Берт.

— Ну ты чего в самом деле? У Германа плечо разнылось после ранения на практике, вот Ситри и поделилась каким-то своим чудодейственным снадобьем, — с умильной улыбкой объяснил он.

— Да, — авторитетно подтвердила Ситри.

Стефания ожгла предательницу гневным взглядом, стряхнула руку Альберта и все-таки выскочила в коридор. Не так гордо, как собиралась. Сердце бешено колотилось, но от чего, она понять не могла. С ней вообще в последнее время происходили странные вещи, с

момента, как она вошла в ворота УВМД. Но у них же не было иного выбора! Или это училище или...

— Ты хотела со мной поговорить?

Стефания вздрогнула и с искренним удивлением обернулась на голос.

— Ты?

Герман скрестил руки на груди и тряхнул головой, будто торопил с ответом. Только что ногой не притоптывал. Стефания нацепила на лицо деловое выражение. Проигрывать, так с музыкой.

— Хотела. Мне нужна была помощь, но я поняла, что искала ее не в том месте. И не у того человека.

— Ты такая глупая, — вдруг заявил Герман.

— Глу... глупая?

Стефания открыла рот, чтобы возмутиться, но на ум не пришло ни одного подходящего ругательства. Герман поднес ладонь к лицу и вздохнул:

— Глупая-глупая. Как поймешь, в чем ошибаешься, мы вернемся к этому разговору.

Стефания проводила взглядом его прямую спину и все-таки не выдержала:

— Болван! Терпеть тебя не могу! Вскочка, деревенщина!

Герман на ходу махнул рукой в воздухе — то ли согласился, то ли посмеялся над ней.

— Ненавижу! — выкрикнула Стефания напоследок, но дверь в их общую комнату уже закрылась. — Ненавижу...

Она пнула стенку тяжелым армейским ботинком, представляя на ее месте зад одного самодовольного дерзкого мальчишки.

Поведение Стефании ставило Германа в тупик. Ее чувства и ее слова настолько разнились порой, что голова начинала трещать. Как эмпат он замечал такое за многими представительницами прекрасного пола, но случай со Стефанией — особенный. Совсем недавнего она на весь коридор кричала о ненависти, а чувствовала отчаяние и горечь. Нестыковка. Ее эмоции все сильнее били по чувствительным сенсорам, и только в своей комнате Герман был в относительной безопасности. И тогда, когда рядом оказывался Берт, свой яркой энергетикой легко перебивающий все остальное. Вальтер Гротт

советовал периодически “чистить” блокатор и даже был настолько любезен, чтобы предложить свою помощь. Поначалу Герман решил с ним не связываться без лишней необходимости, но с такими соседями эта необходимость грозила вот-вот наступить.

— Эй, чего мух ловишь? — громко перебил его мысли Рене и хлопнул по плечу. — Слышал, к тебе того ботаника приставили? Как там его...

— Марк Хатти.

— Да, точно, — рыжий гаденько хихикнул. — Он маньяк-извращенец, ты берегись. Так с честью раньше времени расстанешься.

И откровенно заржал на весь коридор. Шуточки его были плоскими и даже немного обидными. То есть могли бы быть обидными, если бы Герман имел обыкновение обижаться на всякий вздор. Однако вместо глупых препирательств он продолжил путь в учебный класс, где скоро должно было начаться занятие по основам медмагии.

К некоторому его удивлению, класс оказался довольно небольшим светлым помещением, стерильно чистым и белым, как обычно бывают больницы, и, судя по количеству парт, весь поток сюда просто не поместится. Похоже, их поделили на группы.

— Не стой на проходе, — мимо протиснулась Стефания, весьма ощутимо ткнув локтем под ребра. Подруги сели в самый центр, и Герман ощутил исходящую от Стефании обиду. На него? Но разве не она сама виновата?

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил он у Альберта, но тот все равно не понял вопроса и, пожав плечами, прошел к облюбованной парте.

С сигналом о начале занятия открылась дверь и в кабинет неуверенно заглянула лохматая русоволосая голова:

— Можно? — Марк оглядел курсантов, робко поморгал и просочился внутрь. Его встретила гробовая тишина. — Ну... Я ваш учитель на сегодня. А может... может, и навсегда.

Тишина стала какой-то тяжелой. А потом Рене резко откинулся на спинку стула и выдал без стеснения:

— Разводной ключ мне в...

Дзюн с задней парты с суровым лицом огрела его по голове планшеткой.

— Ай! За что?!

Марк стушевался, нашел глазами Германа. На губах заиграла смущенная улыбка, которой Герман совсем не обрадовался.

— Декан просил провести сегодня занятие по традиционной медицине, — он странной подпрыгивающей походкой прошел к доске и развел руками. — Меня зовут... в общем, можете называть меня — стажер Марк. И мы сегодня...

— Стажер Марк, — одна из девушек, с которой Герману не приходилось близко пересекаться, нагло встряла, — а у вас подружка есть?

По бледной коже медмага разлилась краска:

— Что... К чему этот...

И стоило только проявить слабинку, как смущающие вопросы и откровенные подтрунивая полетели со всех сторон. Урок был окончательно и бесповоротно сорван. Герман отвернулся к окну, гадая, какой идиот догадался поставить преподавателем их ровесника? Это... это даже не смешно. Очередная шутка Кишмана или деталь загадочного плана Гротта?

Альберт узнал о новом статусе Германа первым, потом пришлось рассказать остальным, но лишь Берт был в курсе подозрений по поводу Вальтера. Учитель Гротт был тем человеком, который предложил стажеру Марку “ценный образец” для исследований. Рене тоже мог о чем-то догадываться, все-таки он больше притворялся болваном, чем был им. Герман так глубоко ушел в себя, что Альберту пришлось сильно толкнуть его, чтобы привлечь внимание.

— Надо ему помочь, — горячо зашептал тот. — Это же просто ужасно.

Марк как раз пытался взять дисциплину под контроль, но его буквально подняли на смех. Все-таки люди — жестокие существа.

И Берт поднял руку:

— Простите, стажер Марк, — он тепло улыбнулся, разливая вокруг присущую ему навязчиво-благожелательную атмосферу. — Какая будет тема занятия?

Берт старался изо всех сил, может, даже не осознавая этого. Сначала успокоились ближайšie к их столу курсанты, перестали смеяться и дразниться. Берт стиснул в пальцах ручку. Герман

почувствовал на лице ласкающие прикосновения теплого ветерка. От запаха вишни во рту скапливалась слюна.

— Перестань, — велел он, попытался отобрать у друга ручку, но Берт его будто не услышал, слишком сконцентрировался на управлении толпой.

— Что здесь происходит? Стажер Марк? Объяснитесь немедленно, почему ваш первый урок похож на курятник?

Герман вздрогнул, решил на секунду, что это Вальтер Гротт, но мужчина в белом форменном халате был на него вовсе не похож. Высокий, пожалуй, даже выше Альберта, широкий в плечах, крепкий. Внешность воина, но глаза умные, взгляд цепкий, анализирующий. Герман бы назвал его взглядом хирурга, только что-то в нем еще немного смущало. Жилистые руки, выглядывающие из-под закатанных рукавов, выдавали силу, однако кисти ухоженные, пальцы длинные, про такие говорят — музыкальные. Точно хирург или другой практикующий медик. Все это Герман подметил про себя в течение нескольких секунд, что незнакомец стоял в дверном проеме. Уже только после всего этого обратил внимание на такие детали, как угольно-черные, зачесанные назад волосы и резкие черты лица с массивным подбородком. Впрочем, женщинам такой тип мужчин обычно казался привлекательным.

— Я, — затравленный взгляд Марка забежал по кабинету, — знакомился с ребятами.

— И поэтому они ржали на весь этаж, как сытые полковые лошади?

— Мастер Гош...

— Стыдно, стажер Марк, — названный мастером Гошем взял со стола тетрадку, свернул в рулон и наотмашь врезал ему по затылку. Дернулся даже Герман, что уж говорить про беднягу Марка.

— Мастер Гош!

Герман опомнился и постарался прощупать этого медика. Защиты на первый взгляд никакой, но Гош, будто что-то почувствовал, обернулся и оглядел замерших студентов:

— Так. Второй поток. Наслышан-наслышан, — он сунул Марку в руки тетрадку. — Чтобы ни одного лишнего звука, стажер. Или будет, как в прошлый раз.

Рука Марка метнулась куда-то за спину, но парень заставил себя вытянуться по струнке:

— Есть, мастер Гош! — правда, вместо ладони козырнул тетрадкой, но, к счастью, Гош оплошности не заметил. Проходя мимо Германа, он задержал на нем взгляд, ненадолго, но достаточно, чтобы это не сошло за случайность.

— Жуууть, — простонал Берт, роняя голову на сложенные руки. — Он такой страшный!

В этом Герман был с ним согласен, но, разумеется, ничего не сказал. Марк решился-таки начать занятие, голос его постепенно окреп, юный медмаг перестал суетливо дергаться и постоянно озираться на дверь. Студенты тоже пришли в норму, только негромко перешептывались и хихикали в кулачки. Но стоило лишь озвучить тему практической части, как все понеслось по новой.

— Декан остался разочарован уровнем общемедицинской подготовки, так что мы сейчас разобьемся по парам и быстренько закрепим основы. Начнем с искусственного дыхания. Очень часто среди боевых групп не оказывается медмага или хотя бы простого врача, так что это вы все обязаны уметь.

Герман не дрогнул, зато Берт рядом судорожно сглотнул. Заглянул в конспект друга и побледнел.

— Приподнимите подбородок пострадавшего, в смысле вашего партнера, одной рукой и запрокиньте его голову назад, — продолжал инструктировать Марк, не обращая внимание на оживание класса. — Зажмите нос партнеру, сделайте глубокий вдох и обхватите ртом его рот. Сделайте два сильных выдоха. С кого начнем? Вы, идите-ка сюда.

Рене вальяжно прошепствовал к выдвинутой на середину кушетке и подмигнул ближайшей девушке. И пока он раздавал авансы, Марк вызвал его партнера.

— Я не буду с ним целоваться! — после секундной паузы, спровоцированной не иначе как шоком, выпалил рыжий. Альберт виновато улыбнулся и вытянулся на кушетке во весь свой рост. Даже зажмурился от усердия и губы трубочкой вытянул. Под дружный хохот Рене натянул на глаза очки и, втянув от всей души побольше воздуха, припал ко рту юноши. Берт только ногой конвульсивно дернул.

— Отлично! — похвалил отдувающихся и фыркающих ребят Марк. — Давайте следующие.

Вуди вышел к кушетке и затравленно заозирался. Марк придиричиво окинул учеников близоруким взглядом:

— И вы, пожалуйста. И не бойтесь, это вам же на пользу.

Стефания поднялась, и Вуди вдруг всплеснул руками и заголосил:

— Ой! Может, не надо, а? Может, не надо?

Но девушка уже подошла и легла на кушетку. Герман чуть приподнял брови, удивляясь ее покорности. Вот Стефания устроилась и замерла. Вуди склонился над ней...

— Нет! — он вновь отпрянул и запричитал визгливо. — Я не могу так! Она... она на меня смотрит. Пусть она глаза закроет! Закройте ей кто-нибудь глаза!

Марк перевел взгляд с него на нее и обратно:

— Ну вы что, в самом деле. Это же не сложно.

Стефания резко села, сгребла Вуди за воротник и прошипела:

— А ну живо перестал верещать и взялся за дело.

Вуди мигом побледнел, схватился за грудь и захрипел. Пришлось срочно искать ему замену. Герман почти не удивился, когда вызвали его.

Стефания и правда глядела очень и очень нехорошо, будто обещая отомстить за унижение где-нибудь в темном коридоре. И она могла. Особенно ему.

Герман вдохнул и наклонился. Девушка продолжила смотреть ему в глаза, и он только сейчас разглядел, какие они голубые. Почти как зимнее небо.

— Спасать будешь или нет? — одними губами прошептала она, и Герман осторожно припал к ним. Сделал все по инструкции, внимательно и вдумчиво. В конце концов, это же не настоящий поцелуй, просто практикум, за который начислят баллы. Не обращая внимания больше ни на что, он вернулся на свое место.

После окончания занятия, девушки ушли первыми, а вот Герман специально задержался. Поймал за локоть Рене и оттащил в сторону.

— Повезло тебе, — сразу захныкал рыжий. — С девчонкой целовался, а я с твоим красавчиком. Ну почему мне Дзюн не досталась...

Герман поморщился:

— Не будь идиотом, это просто урок.

— Побольше бы таких уроков, я бы...

— Ты сделал, что я просил?

Рене посерьезнел и, наклонившись, тихо ответил:

— Да. Только дело тут темное, скажу тебе.

Мимо прошла пара курсантов, и Герман вынуждено предложил:

— Приходи вечером. Тогда и расскажешь.

Урок 13. Распутывать интриги почти то же самое, что плести их, только наоборот

По Герману никто бы и ни за что не догадался, что он зол. Но он был чертовски зол, практически в ярости.

Это было несложно проследить по его конспектам — в таком настроении он писал особенно аккуратно и убористо и с очень сильным нажимом. Берт сразу заметил, потому как списывать стало ну совершенно неудобно.

— Что случилось-то? — капризно протянул он, и Герман прикрыл глаза. Что ж, расспросов все равно не избежать, после занятия с Марком только ленивый бы не мусолил их со Стефанией “поцелуй”. Еще бы, такая пара — чудовище без родословной и недотрога с секирой. Будто созданы друг для друга.

— Ничего.

Берт разразился целым цунами из жалости и любопытства, редкостная смесь.

— Хочешь, я с ней поговорю? Надо же вас мирить как-то.

Под взглядом учителя он смолк и пригнулся к парте, будто это могло его спасти. Учитель, даром что женщина, внушала почтение даже таким отчаянным любителям поболтать на уроках, как Рене, который, кстати, занимался тем, что опять строил кому-то глазки. Герман уловил отголосок ответной заинтересованности и благосклонности, похоже, сегодня соблазнителью, наконец, улыбнулась удача.

До конца занятия Альберт вел себя тихо, а после сигнала сцапал Германа за рукав и так посмотрел, что дрогнуло бы и сердце Стефании. Хорошо, что и для него у Германа нашлось подходящее задание.

Разделавшись с невольными подельниками, Герман, наконец, почувствовал себя свободным. Необходимость целый день вертеться в толпе и, фигурально выражаясь, хлебать отвратительное месиво из не

самых порой приятных эмоций отпала. Можно просто посидеть где-нибудь в тишине и подумать, как быть дальше. Герман отделился от общего потока и обошел здание вокруг. С задней стороны прятался вход в библиотеку, точнее, в целый библиотечный комплекс, укомплектованный в одну из дальних частей учебного корпуса “Д”. Само собой такая странная удаленность нисколько не смутила Германа, и он еще в первые несколько дней пребывания в училище отыскал нужную дорожку.

На первый взгляд — обычная библиотека, в ближайшем от родной деревни городе была такая, Герман брал там рыцарские баллады и заучивал наизусть. Маме говорил, что тренирует память, но на самом деле просто их очень любил. Тут тоже стояла конторка с чуть скрипящим стулом библиотекаря, стопка формуляров и вечно не пишущая ручка. Справа дверь в читальный зал, мрачноватый, с рядами столов и стульев и воздухом, пропитанным книжной пылью. Днем в читальном зале обретались в основном старшекурсники с первого потока и медмаги со второго, хотя у последних была и своя библиотека, поменьше, в медицинском крыле. А еще дальше, за следующей дверью, скрывалось то, с чем Герман пока при всей своей смекалке справиться не мог.

— Со... — он не обнаружил библиотекаря ни на рабочем месте, ни там, где тот любил сидеть, наплевав на приличия. Хотел позвать, но знакомый красный наряд обнаружился у дальней стены на фоне окна. И библиотекарь был не один.

Холод достиг Германа в считанные секунды. Его источник что-то яростно доказывала своему молчаливому собеседнику, тыкая пальцем почти в самую его грудь. Герман привалился к косяку, не пытаясь прислушаться, но с любопытством впитывая отголоски эмоций. Вот Стефания разразилась гневной волной, ей в ответ полилось прохладное, отдающее весенней свежестью спокойствие. Стефания прицельно выстрелила ядовито-острым чувством превосходства. В ответ все то же спокойствие. Герман восхищенно покачал головой — вот это выдержка.

Девушка гордо выпрямилась, вскинула голову и, не прощаясь, строевым шагом направилась прочь. Проходя мимо Германа, она даже не удостоила его взглядом, только обожгла ледяной яростью.

— Что случилось? — Герман подошел к окну и кивнул на хлопнувшую дверь.

— Кто поймет настроение женщины, тот постигнет всю мудрость мира, — философски ответил библиотекарь и пожал узкими плечиками.

Герман с ним был совершенно согласен.

— Мне нужна твоя помощь, Сорамару, — сказал он. — Эта девушка — моя соседка и однокурсница, и она может влезть в большие неприятности.

Сорамару меланхолично накрутил хвост гладких черных волос на палец, опустил ресницы:

— Помощь врагу лишь добавляет воину благородства в глазах друзей, — туманно выдал он и опустил руку. Хвост рассыпался по красному шелку. — Что ты хочешь знать?

В читальный зал зашла группа старшекурсников. Сорамару отвлекся, церемонно поклонившись им. Хитрый остроносый профиль потонул под тяжестью длинной гладкой челки.

Герман ответил на порядок тише:

— Что она у тебя спрашивала и почему ты ей отказал?

Удивительное дело, но всегда безупречно вежливый и, по мнению других, совершенно безэмоциональный, Герман быстро нашел со странным библиотекарем общий язык и даже почти подружился. От него всегда приятно пахло свежей листвой и ночными фиалками.

— Идем, — Сорамару загадочно улыбнулся и потянул его за собой в следующую дверь.

Несколько широких ступенек вели в ярко освещенный магическим светом зальчик. Герман с восторженным трепетом окинул взглядом открытые кабинки с блестящими стеклянными панелями, сейчас потухшими и мерцающими красными и зелеными огоньками. Хранилище цифровых данных, центр подключения к межмировой информационной сети — вершина прогресса артефактной магии. Доступ — только после инициации.

— Она рвалась сюда, — библиотекарь неопределенно махнул широким рукавом. — Я объяснил правила.

Герман снова удивился:

— А я?

— Най* Герман имеет право, — Сорамару хитро улыбнулся и склонил голову. — Сильному подчиняется слабый, а умному — целый мир.

Он не льстил, говорил что думал, именно поэтому обычно был так немногословен — предпочитал недоговаривать, а не лгать. Герману такая тактика поведения импонировала.

— Так что же она хотела узнать? Она сказала?

Сорамару схватился за его пиджак, приподнялся на носочках, дотягиваясь до лица, и шепнул одно слово:

— КРАС.

То ли от самого библиотекаря, то ли от произнесенного им таинственного слова, но Герман поежился. Перешагивая через себя, взял Сорамару за запястье, удерживая:

— И что это значит? Что это такое?

Узкая прохладная кисть легко выскользнула из захвата.

— Кто знает, о чем плачет ива над быстрой водой. Даже ветру неведомо то, а он везде дует.

Прошелестело шелковое платье, и библиотекарь бесшумно покинул информационное хранилище.

Герман сделал вывод, что и он ничего полезного не узнает, даже имея расположение Сорамару, по крайней мере, до тех пор, пока не станет магом. А до этого еще предстояло дожить. Учитывая последние события, эта фраза могла иметь вовсе даже не фигуральное значение.

Уходя, он оставил на подоконнике традиционный “подарок” — сегодня пришлось обойтись куском яблочного пирога, других сладостей в столовой в ближайшие дни не сыщешь. Библиотекарь благосклонно кивнул, спрятал кисти в широких рукавах и повернулся к следующим посетителям.

После окончания учебного дня Герман убедился, что соседки ушли куда-то по своим делам, и позвал Рене. Втроем они устроились в их с Бертом комнате.

— Начнем собрание, — объявил Герман и сел на выдвинутый в центр стул. Роль лидера сама липла к нему, хотя он о ней не мечтал. Просто ни на кого из его товарищей такую миссию не ввалишь — один самого себя не помнит, другой успешно притворяется легкомысленным идиотом. Настолько успешно, что сам почти в это поверил. Герман вздохнул, “отключил” блокатор и кивнул Рене:

— Давай. Ты первый.

Рыжий надулся от важности, да так что едва не свалился с верхней полки, которую прочно закрепил за собой с первого посещения. Лег на живот, проявляя чудеса гибкости, свесил вниз руки и начал:

— Задание ты мне дал не бей лежащего. Я сразу знакомых подключил, с другими знакомыми познакомился, в общем, добрался до человечка, который в инженерно-техническом отделе подвизается. И все чистенько так, концов не найти. Короче, провел он меня туда, а я уж не растерялся. Подхожу, значит...

— А если короче?

— Ге-е-е-ра! — рыжий дернул ногами от возмущения, и почти сразу ему ответили раздраженным стуком из соседнего блока.

Герман молча приподнял бровь, и Рене показал ему язык:

— Зануда. Такой рассказ испортил. Ну ладно, в общем, для обслуживания учебных големов была создана небольшая команда, дело это не сложное, но хлопотное и требует внимания. Начальник той команды уверяет, что на контрольном тестировании управляющий свиток везде насчитывался в единственном экземпляре и никаких неожиданностей не планировалось. Потом всю партию сдали под ответственность учителя Эрно и его помощников. Обратный путь големов был короче — их сразу направили к техномагам, а те поступили по инструкции и, хм, останки разместили на хранение в специальном изоляторе. Изолятор, как видно из названия, — Рене со значением подвигал бровями, — на то и изолятор, что защищен от внешнего магического влияния. Ну и доступ к нему, само собой, ограничен. И что же вы думаете? Приходят в изолятор, исследования проводить, а ячейки-то уже пустые.

— Големов украли?! — изумился Альберт, слушавший отчет Рене как ребенок интересную, но страшноватую сказку.

— Де нет же, не гони лошадей. Изолятор устроен так, что магия изнутри ячейки проникнуть не может, а что она там внутри бродить начнет, на это как-то не рассчитывали. Мне так намекнули, что самоуничтожились големы, причем именно те два, которые порченые были. Навроде, могла в них быть программа заложена, а там может и еще что посложнее. Такие вот пироги.

Герман удовлетворенно кивнул. Произошедшее вполне логично — попади останки поврежденных образцов в руки опытных магов, по остаточным магическим следам можно отследить мага, проводившего над ними манипуляции. Предусмотрительно и очень умно, поставить программу на самоуничтожение.

— Но ведь эту программу нужно было запустить. Если я ничего не путаю, — Герман был не уверен в своих предположениях, но что-то скреблось в мозгу, какая-то тревога.

Рене поднял вверх большой палец в жесте, смысл которого Герману пока знаком не был:

— Круто! Гера, я тебя обожаю. Такие программы иногда ставят на бытовых артефактах одноразового использования. Мне сестра рассказывала. И если все так, то среди нас завелась крыса.

— Кто? — Берт заинтересованно подался вперед.

— Предатель, — охотно пояснил рыжий. — Сначала хотел нас грохнуть, а потом явился в инженерно-техническое, чтобы следы замести.

Герман отвернулся к окну. Пока парни отвлеклись, он попытался увязать новые данные в свою теорию. Вроде ничего не выбивалось.

— Герман.

— А? — он обернулся к Берту. — Что?

Ожидал увидеть прежнее детское любопытство, но друг был непривычно серьезен:

— А что если убить хотели меня?

— Что за вздор? — возразил Герман, но голос едва не дрогнул. — Не говори ерунды.

— А это не ерунда, мистер Умник, — подключился сверху Рене. — Вокруг ведь тоже не идиоты, знаешь ли. Что с красавчиком что-то не так, я давно заметил. Ничего не хочешь нам рассказать?

Все пошло не по плану. Этого разговора пока не должно было произойти. Герман попытался придумать достойный, но не слишком информативный ответ, как вдруг со стороны Берта повело той самой опасной прохладой, что он источал однажды, во время стычки с Роланом и его дружками.

— Я потерял память. Совсем ничего не помню, ни имени, ни кто я, ни откуда. Воспоминания начинаются с ночлежки, где меня ждала незнакомая одежда и папка с документами на поступление. Я просто

пришел по указанному адресу и отдал их в приемную комиссию. Декан поговорил со мной и самолично подписал приказ о зачислении. Он же отвел меня к Герману. Так что я могу оказаться кем угодно.

Повисла напряженная пауза. Альберт сел обратно на стул, с которого поднялся, чтобы произнести свою короткую речь, Герман приготовился обороняться, а Рене...

— О...еть можно, — совершенно неприлично выдал он, и Герман с Бертом одновременно поморщились. — Обожаю такие истории. Не удивлюсь, если наш красавчик окажется запрограммированным шпионом и именно он уничтожил големов, чтобы прикрыть своего хозяина. Я такое в книжках читал. Ну что?!

— Не те ты книжки читал, — вздохнул Герман. — Это совершенно невозможно, я могу поручиться.

Берт честно пытался остаться спокойным, но от Германа, разумеется, не укрылась острая нотка отчаянной тоски в его настроении. Пришлось сделать вид, что он ничего не заметил.

— Однако я вот что еще не сказал, — продолжил Рене. — Данные о перемещениях со стационарных телепортов фиксируются в специальный журнал. И кто-то несанкционированно телепортировался практически следом за курсантами.

Вот оно! Круг сужается.

— Для этого нужно быть инициированным магом и иметь доступ в инженерно-технический отдел, — пробормотал Герман. — Для активации телепорта необходимо иметь особое разрешение и магический уровень выше среднего. Таким образом, сокурсники исключаются. Старшекурсники или учителя. В первом случае второй поток менее вероятен, чем первый.

— А мне тоже есть, что рассказать, — встрял вдруг Альберт. — Как ты и просил, я сходил в учебный отдел, якобы за новым расписанием, и потом мы долго пили чай...

— А красавчика, значит, к бабам заслал?! — завопил обиженный в лучших чувствах Рене. — Чем он лучше меня-то?

— Продолжай, Берт.

— Мы долго пили чай с конфетками...

— Интересно, где они их берут? — снова перебил Рене, и Герман угрожающе схватился за лежащую на столе линейку. Угроза, как ни странно, подействовала.

— И мы долго пили чай с конфетками и такими ма-а-аленькими цветными кексиками, — как ни в чем не бывало продолжил Берт, и в перерыве было прекрасно слышно, как кто-то сглотнул голодную слюну. — В учебном отделе очень милые дамы работают, и они все про всех знают. Например, что учитель Гротт и декан Кишман раньше учились вместе, до того, как декан поступил в Высший Университет магико-исторических наук. И очень дружили, почти как мы с Германом. И с ними в одной команде числились учитель Эрно и мастер Гош. Только потом, это уже по большому секрету, учитель Гротт и учитель Кишман поругались и вроде даже бились на дуэли. Руководство училища приложило много сил, чтобы замять конфликт.

— Значит, эти двое не ладят? — информация пока не казалась особенно важной, но Герман заинтересовался. В общем-то, некий холодок в их отношениях был замечен невооруженным взглядом. — И что это нам дает?

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки. Выходило, что ровным счетом ничего.

— Из-за чего они поссорились?

Берт пожал плечами:

— Не знаю. Наверное, правда, большой секрет.

Рене перевесился через низенький бортик верхней полки:

— Знамо дело из-за чего, из-за девчонки небось. Молодо-зелено, кровь кипит и все такое.

— Молодец, Берт, — сдержанно похвалил Герман. — Еще что-нибудь?

Чувствовалось, что он еще не все выложил. И правда.

— На столе у Энни, которая ответственный секретарь, лежал приказ об отчислении Ролана. Только не подписанный еще.

— Выходит, все уже решили, допрашивать нас не будут? — Рене посмотрел на Германа. — А если будут, я тут попросить хотел. Вы про меня не говорите, хорошо? Ну, в чем моя роль заключалась, а то решат, что это мухлеж, и накажут.

Им троим ни разу не удалось сесть и обсудить практику в деталях. Тогда-то все происходило быстро и четко, болтать было некогда. И Герман решил воспользоваться ситуацией и утолить естественное любопытство.

— Откуда у тебя этот артефакт, Рене?

— Гогглы? — он стянул с головы очки и заботливо протер темные стекла. — Ну это самоделка в каком-то роде. Мы с братьями развлекались, тырили батины тетради с рабочими записями. Артефакторы они у меня, оружейник и бытовик. Да у нас вся семейка артефакторы, что говорить. Так вот, я взял старые защитные очки и проапргей... в смысле улучшил. Вложил в них готовую формулу, которая помогает видеть энергетические потоки, то есть мы как бы научимся этому после инициации, а я с помощью них магию уже сейчас вижу. По-любому мухлеж получается. Да и батяня узнает, прибьет...

Герман что-то такое и предполагал, поэтому больше ничего спрашивать не стал, зато Альберт вдруг засиял надеждой. Она была похожа на солнечных зайчиков, и Герман едва не зажмурился, будто это на самом деле.

— Рене, ты можешь взглянуть на одну вещь? — Берт шагнул к тайнику, но оглянулся на друга, прося разрешения. Получив, достал из-под половицы замотанную в тряпку шпагу. — Посмотри, нет ли на ней чего... магического.

Рыжий спустился с верхотуры и взял клинок в руки.

— Ты с ней на практике был? Хм, красивая штука, мне сразу понравилась, хотя я с острыми предметами не очень дружу.

Он положил шпагу на стол и натянул на глаза очки. Минут пять напряженно сопел.

— Ну? — поторопил Альберт, и Герман его поддержал. Было даже немного стыдно, что ему самому такая идея в голову не пришла, а вот Берт сообразил.

— Ну... Есть что-то. Ребят, вы поймите, я видеть-то вижу, но разобрать все равно не смогу, потому что не понимаю ни черта. Вон, рисунок сложный, витиеватый, через все лезвие идет и куда-то под гарду ныряет. Но что за магия, не скажу. Не моего пока уровня.

Герман не успел его предупредить о приближающихся визитерах. За дверью раздались шаги, и в комнату ворвалась Стефания. Рене дернулся и едва не порезался об острую кромку.

— Ты лезешь не в свое дело, Герман! — девушка обличающе ткнула в него пальцем. — Я видела, как ты любезничал с библиотекарем. Интересовался, зачем я приходила? Ну же, попробуй мне возразить.

Из-за ее спины угрожающе выступила Ситри и как-то очень опасно размяла пальцы. Только Герман не видел в ней реальной угрозы, девица была настроена неожиданно миролюбиво по отношению к нему, да и к Альберту тоже. Достаться в случае драке могло лишь Рене, но ему вообще постоянно доставалось.

А вот Стефания как с цепи сорвалась.

— Что молчишь? Шпионишь, как... как... Это недостойно воина.

— А я не воин, — Герман остановил ринувшегося к девушкам Берта и холодно улыбнулся. И намекнул на недавний смущающий эпизод, специально желая надавить на больное. — Я спасу тебя, если будет необходимость, но мы друг другу никто. И мне нет нужды следить за тобой. У нас свои дела и тебя они не касаются.

Стефания хотела ответить, это было видно даже и без особых способностей Германа, но каким-то чудом ей удалось сдержаться. Девушка прошла мимо, обдав совершенно необъяснимой с точки зрения фактов ненавистью, и села на свою койку.

— Я пойду, наверное, да? — Рене уставился куда-то в сторону Стефании, хотя за черными стеклами глаз было не видно. — Бывайте.

Он, так и не сняв очков, просочился мимо Берта и, замешкавшись возле Германа, шепнул:

— Я бы ей не доверял, Гера. Мутная она какая-то.

Герман поблагодарил его и закрыл дверь. Он знал, что ступил на зыбкую почву, но если кто-то желает Альберту смерти, безнаказанным он не останется.

*най — господин (обращение из мира Цинь)

Урок 14. Плохая память и хорошая фантазия — лучшая основа для паранойи

Кухня в самой дальней части общежития сразу пришлась Альберту по душе. Все нужное под рукой: плита, стол, духовка, миленькие навесные шкафчики и чудо техники — холодильник для хранения продуктов. Поскольку столовая закрывалась сразу после ужина, особенно прожорливые курсанты могли сами покупать продукты и готовить на этой небольшой кухонке. Долгое время никто не решался, и вот Альберт, пошарив по полкам, загорелся идеей. А еще юноше приглянулся симпатичный фартук в лиловую полоску, так что он, изрядно этим вдохновленный, без промедления взялся за дело.

Если бы Альберт был знаком с таким понятием, как память тела, то не удивился бы, как легко и непринужденно гарцует по кухне, твердой рукой, что называется, на глаз, добавляя ингредиенты в миску. Собственно говоря, Берту некогда было удивляться, поскольку тесто уже приготовилось, а чугунная сковорода на плите весело плевалась кипящим маслом. К рациону столовой юноша почти привык, завтракал обычно без аппетита, зато к ужину уставал так, что даже квашеная капуста расходилась на ура. А вот порадовать Германа — это совсем другое дело. Герман хороший, ему очень хотелось делать приятно.

Альберт боялся и прекрасно понимал, что очень плохо это скрывает. Выводы Рене прочно отложились в голове. *“Не удивлюсь, если наш красавчик окажется запрограммированным шпионом и именно он уничтожил големов, чтобы прикрыть своего хозяина”*. Это вполне могло оказаться правдой, разве ж такое проверишь?

Комочки теста отправились сначала на доску с мукой, а потом — на сковороду. Затрещало, зашкварчало, пахло аппетитно. Берт постарался отогнать грустные мысли и довольно заулыбался, даже начал мурлыкать под нос что-то незамысловатое.

— Альберт? — за спиной послышались четкие уверенные шаги. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, это пришел на манящий

запах Герман. — Мне сказали, ты здесь. И чем это пахнет?

Он заглянул ему за плечо и принялся. Берт эмоционально крутанул лопаткой в воздухе, едва не обрызгав их обоих горячим маслом:

— Ты пропустил ужин, и я решил, что тебе обязательно нужно подкрепиться. Фанни тебя расстроила, а ничто так не поправляет настроение, как вкусняшки.

Берт споро заворачивал сковородой, приговаривая:

— Я умею готовить сырники. Представляешь? Это оказалось легко, легче, пожалуй, чем бегать этот дурацкий кросс по пересеченной местности. Садись за стол, я сейчас тебе наложу.

Большую часть кухни занимал длинный стол с двумя рядами стульев. При желании за ним могло собраться человек десять, не меньше. Герман снял китель, аккуратно повесил на спинку и сел. Перед ним возникла тарелка с румяными сырниками, щедро политыми медом, а Берт прислонился к разделочному столу и, комкая фартук, уставился на друга, ожидая реакции.

— Ммм, — Герман попробовал первый кусочек. — Вкусно.

— Правда?!

— Правда-правда, — Герман улыбнулся. — Когда я тебе врал?

Берт просиял. Герману понравилось! Ему правда понравилось!

— Я не люблю, когда ругаются. Может, стоит как-нибудь собраться всем вместе, наготовить еды и поболтать по душам, а? Девочки перестанут дуться, и все будет хорошо.

Дверь скрипнула и на пороге возникла хмурая Стефания. Окинула взглядом теплую компанию и наморщила нос:

— Кто сторел? На весь этаж развонялись, кашевары.

Она огрызнулась как-то лениво, почти по привычке, к тому же сама первая заговорила с ними.

Герман отвернулся, не желая вступать в очередной глупый конфликт, а Берт приветливо помахал лопаткой:

— Присоединяйся. Я сырники пожарил, вкусные. Герману всегда нравились мои сырники.

Девушка скептически покачала головой:

— Нет уж, спасибо. Друга своего корми, а то он так хлюпиком и останется. Будет штабной крысой, стряпающей делишки у других за спиной. Приятного аппетита.

Она ушла, даже не выслушав оправданий.

— Ну почему она всегда так? — посокрушался Берт. — Неужели правда обиделась? Ты же хотел как лучше.

И повернулся к Герману. Тот уже не ел:

— Что значит “всегда нравились”? Ты что-то вспомнил? Что? Что ты вспомнил, Берт?

Юноша испуганно вздрогнул. Говоря это, он ни о чем таком не думал, оно само вырвалось. Помнил только, даже не помнил, а точно знал, что раньше уже готовил для Германа. Значит ли это, что они были знакомы до училища?

— Нет, ничего. Совсем ничего. Я просто так сказал, чтобы Фанни осталась.

Лгать Герману было тяжело, и Берт прикрыл глаза на мгновение. Как ему быть? Ведь Герман знает его, его прошлое, но не говорит. Выходит, Берт действительно был плохим человеком, и Герман не желает его расстраивать? Нужно ли знать такое прошлое? Все вокруг стараются защитить Альберта, а он просто позволяет о себе заботиться. Как сейчас, не пытаюсь выведать у друга правду. Если он не рассказывает, значит, ему неприятно. А если так, лучше Берт сделает это сам.

Достаточно будет начать с того, что у него под рукой. С эспады.

Спать укладывались строго после объявления отбоя, но сегодня после неприятной сцены со Стефанией легли даже раньше, молча. Берт вскарабкался на второй ярус, точно над Германом, и долго лежал, прислушиваясь к его дыханию. Девочки заснули довольно быстро, а Герману, кажется, потребовался целый час, чтобы успокоиться и провалиться в сон.

Берт завозился, доставая из-под матраса припрятанную шпагу. Лунный свет, падающий из окна, заиграл на отполированной поверхности и на золотой вычурной гарде.

У основания клинка, на самой широкой части, пальцы нащупали выгравированные символы. Три буквы. Берт даже зажмурился, будто это могло помочь ему сконцентрировать ощущения на кончиках пальцев. От напряжения сводило спину.

“А”

Берт заерзал, скрипя матрасом. Герман внизу перевернулся с боку на бок, и юноша замер. Осторожно поднес шпагу к глазам. Второй

символ похож на...

“Т”

От возбуждения он едва не выронил шпагу. В мозгу щелкнуло, Альберт перехватил эспаду и вместе с ней тихо спустился на пол. В коридоре чуть расслабился, но плитка была холодной, а он вышел босиком, прихватив форменные ботинки с собой за шнурки. Пижамные штаны одолжил у Рене, иначе пришлось бы идти через всю территорию в одних трусах. Вахтерши, конечно же, не оказалось на месте, если она вообще существовала в действительности, и Альберт вышел на улицу никем не замеченный. Ночной ветерок взъерошил кудри и остудил лицо, вспотевшее от волнения. Юноша быстро обулся и направился напрямик в преподавательское общежитие.

Герман проснулся от тихого шороха, но Берт всегда спал довольно беспокойно и часто ворочался, поэтому он забеспокоился не сразу. В другом конце комнаты во сне тревожно постанывала Стефания, над ней спокойно и не слишком громко храпела ее подруга. На первый взгляд все было в порядке. Герман перевернулся на спину, открыл глаза и поглядел на темнеющий над головой матрас друга. Тот не скрипел. Очень долго не скрипел.

— Альберт?

Не услышав не только ответа, но даже дыхания, Герман проснулся полностью. Вспомнил, что кроме ушей у него еще есть ментальные сенсоры, просканировал пространство и не обнаружил поблизости источника почти всех своих проблем. Белокурая заноза отправилась на ночные поиски приключений.

Герман быстро оделся и отправился по бледнеющему сладко-розовому следу

След привел его сначала к выходу из общежития, потом — на дорожку, ведущую сначала через тренировочную площадку, потом — через парк. Герман остановился, восстанавливая в памяти план территории — впереди было несколько зданий, одно из которых — общежитие для старшего преподавательского состава. Что там забыл Альберт, даже думать не хотелось. Герман продолжил путь и ожидаемо уперся в монолитные ступени.

— Должна быть какая-то охрана, — сам себе сказал он и поднялся на крыльцо. Вот бы где пригодился артефакт Рене, но возвращаться обратно и будить товарища не хотелось, придется слишком многое

объяснять. Однако же мысленные эманации Берта терялись именно в этом месте, так что у него был лишь один путь — вперед. Герман протянул руку и приложил ладонь к специальной панели, считывающей личность. Подобные артефакты, как правило, строились на считывании верхнего ментального слоя, по крайней мере, так утверждал взятый в библиотеке учебник по программе второго курса. И его можно обмануть, если обладать некоторыми способностями.

Герман постоял под дверью минут двадцать, настраиваясь. Чьи эмоции проще воссоздать? Гротт закрыт, как раковина из деревенского пруда, Эрнэ слишком сложен и неоднозначен в своих эмоциях, они строились на пережитом опыте, с которым Герман боялся не справиться. Хитрая магическая система не собиралась поддаваться. Но был еще лучащийся показным добродушием декан. Разумеется, глупо было бы полагать, что он настолько прост, как кажется, но других вариантов на ум так быстро не приходило. Коттедж Кишмана стоял отдельно, но как не последнее лицо в училище, он наверняка имеет доступ всюду. Герман скривился от предстоящей процедуры и закрыл глаза.

Еще через четверть часа он поднимался по лестнице на третий этаж.

Виски сдавливало невидимым обручем, а эмоции спящих людей тянулись за ним, как клейкие щупальца. Кольцо-блокатор пришлось снять как ограничитель ментальных возможностей, и оно болталось в кармане. Тошнило невероятно, в том числе и от волнения. Если с Бертом не случилось ничего экстраординарного, Германа ждало суровое наказание за взлом, точнее, за взлом с применением ментальных способностей, что только усугубляло ситуацию.

Замерев посреди коридора, он услышал вскрик.

Герман сорвался на бег, больше не таясь. Приготовился выбивать нужную дверь, но та на счастье оказалась незаперта. А за ней корчился на полу Альберт.

— Берт!.. — Герман поперхнулся криком.

— Тихо! — Вальтер Гротт вскинул ладонь, призывая к молчанию. В домашнем халате, из-под которого выглядывал краешек белоснежной пижамной сорочки, он должен был производить менее грозное впечатление, но Герман застыл, повинувшись приказу. По комнате

плыл колючий морозный запах, казалось, высуну язык — и будто сосульку лизнешь.

— Что с ним? — только и смог вымолвить он. Берт перестал кричать, но не поднимался с пола и слабо вздрагивал. — Что вы делаете?

От страха из головы вылетели все заранее подготовленные вопросы. Герман сделал шаг и снова наварвался на предостережение:

— Не трогай его пока. Я еще не закончил.

Гротт не тронулся с места, и они оба стояли в противоположных концах комнаты, а между ними на пушистом белом ковре, свернувшись калачиком, лежал Берт и тонко жалобно хныкал. Герман быстро огляделся и увидел на столике бертову шпагу.

Вальтер стремительно приблизился, опустился рядом с юношей на колени и, взяв за подбородок, заглянул в лицо. Смотрел долго, целую минуту, после чего Альберт захлопал мокрыми ресницами и попытался встать. Гротт помог ему и усадил на мягкий диванчик.

— А теперь можешь выплескивать свое раздражение, — хмуро бросил учитель и повернулся к Герману. — Хотя я его и так чувствую.

На ум пришла пара фразочек из репертуара Рене, но Герман был иначе воспитан. Прежде, чем вступать в дискуссию, он убедился, что Берт действительно в порядке. Эманации боли от него больше не исходили, но поток эмоций был какой-то вялый и смутный, он плохо читался.

— Альберт? Альберт, ты как?

Юноша вздрогнул, точно только что проснулся, и сцапал Германа за руку мертвой хваткой:

— Дядя накажет меня, если узнает о нашей дружбе. Не приходи завтра, хорошо? Встретимся через три дня у нашего дерева, — он замолчал, взгляд прояснился, и Германа обожгло настоящим взрывом облегчения. — Герман! Ты за мной пришел, да?

— Да. Ты бестолочь.

Он немного успокоился и приготовился к общению с Вальтером, тот никуда не спешил уходить и спокойно ждал, опершись на край столика. В глубине полутемной комнаты мерно тикали часы, на оклеенных красивыми полосатыми обоями стенах висели небольшие строгие рамки с пейзажами. Герман переместил взгляд на стол и

заметил посреди идеального порядка неаккуратную стопку нотных листов.

— Я ничем ему не навредил, — опережая первый вопрос, произнес Гротт. — Но не пытайся прощупать меня, до этого ты еще не дорос. Твой друг сам ко мне пришел, можешь у него спросить.

— Как мне узнать, что вы вложили ему в голову?

— Правильный вопрос, — усмехнулся Гротт. — Никак. Но я ничего, выражаясь твоим языком, не вкладывал. Он пришел ко мне за помощью. Не доверяет тебе?

Герман едва не зарычал от бессилия — любые логические выводы рушатся, если под них невозможно подвести точные факты. А Гротт мог играть ими как угодно, и Герман в любом случае оставался в дураках.

Альберт взволнованно закопошился:

— Это правда, Герман. Рене же сказал, что на эспаде есть следы магии, поэтому я попросил учителя Гротта взглянуть.

Герман обреченно прижал ладонь к лицу:

— Ты и Рене умудрился заложить.

— Позволено мне будет заметить, — ненавязчиво вставил Гротт, — об артефакте вашего товарища мне прекрасно известно еще со дня зачисления. И о том, что с его помощью вы вычислили расположение второго управляющего свитка в неисправном големе, тоже. Кстати, поздравляю, Герман, крайне удачное использование имеющихся ресурсов.

Он оттолкнулся от стола и взял шпагу в руки. Лезвие опасно блеснуло в рассеянном свете ночника. Герман не расслаблялся:

— Это ничего не объясняет.

— Да, объяснения, — Вальтер резко выбросил руку вперед, и кончик шпаги заплясал у Германа перед носом. — Это возможно. По клинку идет вязь магической именной печати, ваш товарищ во многом был прав. Однако для определения ее принадлежности необходимо время. Теперь твой друг. Он сообразил быстрее тебя и пришел за помощью, ориентируясь на интуицию, весьма, к слову, развитую. Он ведь не менталист? Но вы из одного мира? — Герман кивнул. — Ясно. Но об этом позже. Меня очень заинтересовал этот случай, я решил воспользоваться возможностью и еще раз посмотреть, что сотворили с мозгами твоего друга. Все сложилось крайне удачно.

Он рассуждал спокойно, логично, будто читал лекцию, даже заложил руки за спину и прошелся по комнате. От этой холодной отстраненности Германа пробирала нервная дрожь, хотя, скорее всего, просто наступил откат от слишком сильного всплеска эмоций. Герман спросил с вызовом:

— И что же вы узнали?

Говорить пришлось осторожно, потому что кончик шпаги все еще почти прижимался к его носу. Гротт усмехнулся и опустил руку.

— Немного. Боюсь, кто бы не поработал над Альбертом, он либо ужасающе не профессионален, либо стремился к куда более печальному результату. Но дуракам, как известно, везет.

Герман задумался. К похожим выводам он и сам приходил поначалу. Опыта и мастерства Гротта у него не было, но и по верхнему ментальному слою заметно разрушительное воздействие. Но глубже лезть не решился, а Вальтера было некому остановить.

— А если бы стало только хуже? Это вы предусмотрели?

— Какая трогательная дружба, — саркастично выдал Вальтер. Губы его сложились в горькую усмешку. — Думаешь, он ее оценит?

Берт понял, что речь о нем, и обиженно вскинулся:

— Герман мой лучший друг! Вы не имеете права сомневаться в нашей дружбе, только потому, что Герман что-то от меня скрывает. Ой...

Кровь ударила Герману в лицо.

— Берт...

Первым порывом было развернуться и гордо уйти, вторым — выпалить всю правду, пусть разбирается с ней сам, раз так не терпится. Но и с тем, и с другим Герман справился.

Гротт несколько раз громко ударил в ладоши:

— Великолепно! Может, мне выйти, оставить вас вдвоем?

Альберт панически соображал, как сгладить вырвавшееся признание, и Герман не стремился ему помогать. Берт догадывается о чем-то? И что делать, когда его воспоминания начнут прорываться наружу?

— Ты все усложняешь, — почти ласково сказал Гротт и бережно завернул шпагу в тряпицу. — Оставлю пока у себя, если вы не против.

Внезапно он насторожился и метнулся к окну, отодвинул штору. В следующую секунду Герману показалось, что он ослышался —

безупречный Вальтер Гротт грязно выругался и добавил более прилично:

— Ты подделал верхний ментальный слой Кишмана?

Герман похолодел, предчувствуя, что воображаемые им неприятности начинаются:

— Да.

— Я похвалю тебя позже, а сейчас взял друга и марш в спальню. Я тут подчищу пока.

Вторая комната — спальня — была чуть больше и делилась на зону для сна и рабочую зону. В первой половине кроме кровати был еще массивный шкаф с зеркальной дверцей, и Герман подвел Берта поближе к нему, на всякий случай. Через несколько минут входная дверь щелкнула, и голос Кишмана поприветствовал Гротта.

Потом навалилась тишина, давящая и неестественная, и дальнейший разговор оказался скрыт от друзей стараниями Вальтера. А спустя минут десять их гостеприимный хозяин позвал из гостиной.

— Снова мои должники, — оповестил он. Герман заметил, что выглядел учитель откровенно уставшим и подозрительно опирался рукой о стол. — Но впредь я бы не советовал прикрываться деканом. У Савелия на этот случай есть неплохая защита.

Герману не хотелось снова оказываться в должниках у Гротта, особенно после сегодняшнего эпизода с Бертом.

— А от чего прикрывались вы? — внезапно вырвалось у него. — О чем таком вы беседовали, что возникла необходимость скрыть разговор от нас?

Сомнения вгрызались в мозг. Герман скрестил с Вальтером взгляды, как недавно — клинки.

— Не доверяешь мне?

— Не доверяю.

Гротт усмехнулся:

— Похвально. Природа берет свое, мой юный недоверчивый собрат. Только сейчас мне недосуг оправдываться, и это ты передо мной в долгу, а не наоборот. И, кстати, не в первый раз, я такого не забываю.

Альберт не нашел лучшего момента, чтобы влезть с искренней благодарностью:

— Спасибо! Вы мне очень помогли и Герману тоже.

Вальтер принял благодарность с раздражающим снисхождением:

— Ты не знаешь, о чем я могу попросить в ответ.

— Ни о чем дурном, — уверенно заявил Берт и улыбнулся. — Я на вас не обижен, хотя было очень больно. Вы хотели как лучше.

На улице Герман едва удержался от того, чтобы врезаться другу как следует. Пришлось собрать все свое растерянное хладнокровие:

— Чем ты думал, когда шел туда один?

Берт легкомысленно отмахнулся:

— Ты бы не стал меня слушать, потому что не доверяешь учителю Гротту, а он хороший человек. Он уже помогает нам, ты не заметил? Тебе помог с блокатором, вернул мне шпагу, не выдал Рене учителю Эрно.

— А если это все обман?

Берт затряс белокурой гривой:

— Нет же. Поверь мне, если не веришь ему, — он осторожно потянулся к Герману струйкой теплой благодарности. — Ты переживал за меня, да? Герма-а-ан!

И бросился ему на шею, изрядно напугав таким напором.

— Да подожди ты! — Герман отпихнул друга. — Почему ты ни о чем мне не сказал? Воспоминания возвращаются? Я прав?

И замер в ожидании ответа. Отчего-то было страшно.

— Нет, — Берт понуро опустил голову, мгновенно сменив возбужденную радость на уныние. — То есть, иногда мне будто кажется что-то знакомым, но я не могу поймать это. А ты ведь что-то знаешь и не говоришь, — он бросил на Германа затравленный взгляд из-под растрепавшихся золотистых завитков. — Все потому, что я был дурным человеком?

— Что за... — Герман даже на секунду растерялся. Странное поведение друга и эта внезапно прорезавшаяся самостоятельность вдруг обрели причину, — бред?

— Тогда скажи мне хоть что-нибудь?! — воскликнул Альберт, и Герман почувствовал себя последним мерзавцем. Он был единственным человеком, на которого Берт мог положиться, не стоило об этом забывать.

— Ты не плохой человек, Альберт. Я знаю тебя много лет, мы дружим с детства, и мне ни разу не пришлось усомниться в твоей доброте и искренности, так что прекрати на себя наговаривать.

Странно, легче должно было стать Берту, а полегчало ему самому. Будто свалил с плеч часть груза.

— Но большего сказать не могу, пока не буду уверен в твоей безопасности. Поверь, это исключительно для твоего же блага.

Берт тихо всхлипнул:

— Как меня хотя бы на самом деле зовут?

— Альберт. Это твое настоящее имя.

Юноша еще раз шмыгнул носом, но буря уже миновала:

— Ну... Хотя бы это радует. Я к нему уже привык.

Договорившись на этом, друзья незаметно вернулись в казарму и поднялись на третий этаж. Герман снова повел себя недальновидно, просто войдя в комнату. Его остановил негромкий вопрос:

— Где вы двое были?

Берт испуганно пискнул, но скрыться в коридоре не успел — Ситри безжалостно включила свет. Стефания стояла, скрестив руки на груди, и сверлила Германа пронзительным взглядом. Под ним он ощутил себя виноватым и тут же поспешил отогнать глупое чувство прочь. Герман привычно впитал окружающий эмоциональный фон, и глаза его изумленно расширились. Быть не может...

Стефания за них беспокоилась!

Урок 15. Главное в плане — элемент неожиданности

— Объявление для курсантов первого курса второго потока! Завтра выходной день для тех, кто сейчас слышит это сообщение. А кто его благополучно проспал, может идти на учебу. Всегда — и даже ночью — ваш студсовет!

На лицах всей честной компании застыло одинаковое выражение удивления. И только Герман внутри радовался передышке.

— Могли выходной проспать, — высказала общее мнение Ситри и полезла на свою полку, досыпать. Берт поспешил воспользоваться ситуацией и тоже незаметно устранился. Стефания недобро прищурилась:

— Что бы ты не затевал, не думай, что сможешь меня одурачить, — заявила она ни с того ни сего.

— Спокойной ночи, Стефания, — Герман выключил свет и под прикрытием темноты быстро переоделся и лег в постель. Сразу навалилась дикая усталость от всего — от волнения за друга, напряжения, ментальных усилий, подозрений. Его затянуло в черную воронку из беспорядочных беспокойных сновидений, в которой он парил до того момента, как услышал суету в комнате.

Открывать глаза не хотелось, хотя Герман считал себя достаточно дисциплинированным и никогда проблем с утренней побудкой не испытывал. А тут еще это мерзкое чувство, будто вчера в него влили кувшин домашнего вина — не так чтобы очень дурно, но голова тяжелая и ни в какую не желает отрываться от подушки.

— А он у вас часом не заболел?

Герман открыл глаза как раз тогда, когда Рене склонился над ним и уже тянул руку к лицу.

— Ай! — рыжий отшатнулся и едва не сел. — Жуууть! Он всегда так делает?

За его спиной пытался погладить свою единственную кофту Берт. Девушек видно не было.

— Что он тут делает? — спросил Герман и со вздохом сел. — И который сейчас час?

Выходило, что он проспал на два часа дольше, чем обычно. Непорядок.

— Мы собираемся в город, по магазинам! — радостно сообщил Альберт и на время забыл об утюге. — Рене сказал, что поможет мне. А еще надо зайти в бухгалтерию за первой стипендией. Представляешь, нам дадут деньги за то, что мы справились с практикой.

— За то, что мы пережили практику, — уточнил Рене. — Найти бы этот студсовет и... Всех разом.

До Германа стало доходить. В том числе и запах.

— Утюг, — коротко скомандовал он и прикрыл глаза. Пока Берт ахал и охал над чудом спасенной кофтой, а Рене над ним издевался, он попробовал прикинуть план на сегодня.

Раз не вышло со здешней библиотекой, оставался вариант посетить ближайшую, которая располагалась при университете инквизиции. Проблем со входом возникнуть не должно, а с остальным придется разбираться по ходу событий.

Итак, пункт первый, довести Альберта до магазинов в целости и сохранности и оставить на весьма ненадежное попечение Рене.

Во-вторых, незаметно отсоединиться и отправиться по своим делам.

Пункт последний и самый важный, сохранить свои передвижения в тайне от остальных. Для этого может понадобиться сносная причина для долгого отсутствия.

— Он опять уснул?

Герман ловко отбил тянущуюся к нему руку:

— Пошел вон из моей комнаты!

Рене пакостно захихикал:

— Это теперь и моя комната тоже! Что, съел? Распоряжение поступило, когда ты сладко причмокивал во сне. Так-то вот.

Это был удар ниже пояса. Он проспал все! И в блоке стало слишком много людей на квадратный метр. Очень шумных, громких и приставучих людей!

Герман понял, что кричит, хорошо хотя бы, мысленно. А Рене меж тем принял командование на себя:

— Гера, быстро одевайся, позавтракаем в городе. Берт, хватит мучить эту жалкую тряпку, это ее последний выход в свет. Я планирую оторваться на полную катушку!

Альберт тут же с сомнением оглядел кофту.

— А мне нравится.

— У тебя не только память, но и мозги отшибло, — резюмировал Рене и махнул рукой. — Пойду только кое-что из своей комнаты заберу и вернусь.

Когда за ним закрылась дверь, Герман с облегчением выдохнул.

— Почему не разбудил?

Альберт с честью выдержал тяжелый заспанный взгляд:

— Так выходной же. Вот девочки уже убежали в город, тоже за покупками, наверное. Интересно, я любил делать покупки?

Он всерьез задумался над этим важным вопросом, и Герман решил, что тот достаточно успокоился после вчерашнего:

— Можешь мне поверить, да. Я себе такого никогда бы не позволил.

— Выходит, я был богат? — у Альберта загорелись глаза. — И тратил деньги? Я хотя бы делал тебе подарки?

Герман припомнил кучу ненужной, но безумно дорогой мелочевки, среди которой попадались вещицы, за продажу которых они с матерью безбедно жили весь следующий месяц. Правда, приходилось осторожничать, чтобы не привлечь ненужного внимания.

— Делал-делал, не переживай, — он с сомнением покосился на друга. — Ты не винишь меня за молчание. Почему?

Альберт достал из шкафа куртку и принялся методично ошипывать куцую опушку:

— Значит, так надо. Ты сказал, что это ради моей безопасности, потому что меня хотят убить? Скажи только... я хотя бы это заслужил?

Герман поперхнулся воздухом.

— Заслужил смерть? Ты в своем уме?

Берт расценил восклицание по-своему и кинулся с объятиями:

— Герма-а-ан!

Столкновение было неизбежно. Герман не успел испугаться, как оказался стиснут и подмят под Альбертом. Да еще и затылком о стену ударился.

— Слезь с меня немедленно! Слезай!

— Герман, я тебя обожаю! Ты такой добрый и хороший!

— Слезай же!

— Ну ничего себе! А у вас все серьезно, я погляжу.

Появление Рене дало Герману шанс спихнуть растрогавшегося не ко времени друга. Рене уже заполз к себе наверх, закопошился там, ругаясь сквозь зубы. Потом спустился и торжественно объявил:

— Пошли что ли.

Герман бывал в больших городах. Точнее, всего в одном, зато сразу в столице и навсегда запомнил ее помпезное величие, мощные площади с мраморными фонтанами и скульптурными композициями, тротуары, по которым неспешно прогуливались богато наряженные дамы под руку с не менее богато наряженными кавалерами. И много зелени, пусть и не такой первозданной, как в деревнях. Не то чтобы Герман ожидал чего-то подобного, тем более, что уже один раз добирался через центр от телепортационной станции до училища, но все равно надеялся, что тогда был просто недостаточно внимателен.

А правда заключалась в том, что город был... странным.

— Не кривись так откровенно, — одернул его Рене по дороге, на которую прошедшая мимо веселая компашка студентов только что бросила смятые фантики. — Будь проще, кошелек станет толще.

— А почему? — заинтересовался Берт.

— Не знаю, деда так всегда говорил.

Герман тихо хмыкнул и отвернулся. С мусорного бачка на него поглядывала тощая черная кошка.

— Это просто кошмар... — прошептал он и озабоченно потер лоб.

Визания — мир учебных заведений без собственного населения. Герману было известно, что город возник за счет неудачников, провалившихся на экзаменах — люди оседали здесь, по разным причинам не желая возвращаться домой. И со временем с подачи местного управляющего органа — Ученого Совета — появилась инфраструктура, сделавшая небольшое поселение чем-то вроде торгово-курортной зоной для тысяч местных студентов. В городе можно было отдохнуть в выходные, закупить продуктов, одежды, сувениров и всего, чего захочется, благо торговля процветала. Но

грязь, но отталкивающая пестрота... Ни тебе изысканных нарядов, ни мраморных фонтанов, хотя фонтанчики попроще все же встречались. Все ходили в странной одежде, чаще всего похожей на ту, что оставили Берту вместе с фальшивыми документами. Мелькали яркие краски и незнакомые ткани, одни, несмотря на жар двух утренних солнц, кутались в меха, другие светили голыми коленями. На скамейке сидел с ногами парень в коротких ярко-желтых штанах и синей жилетке на голое тело. Он подмигнул засмотревшемуся Герману, и тот почувствовал себя каким-то ущемленным.

Альберт помахал смущающему субъекту рукой, он отсалютовал в ответ.

— Правильно, налаживай контакты, красавчик, — похвалил Рене, чувствуя себя в этом хаосе как рыба в воде. — Вдруг этот чудик выпустится и станет влиятельным инквизитором, к примеру. Таких лучше иметь в друзьях.

С этим Герман поспорить не мог, но и пересилить внезапную гадливость тоже. Дождя давно не было, и низы темных форменных брюк испачкались в пыли, а переодеться Герману все равно не во что — в плане гардероба он недалеко ушел от Альберта, просто одних брюк и пары рубашек ему в прошлой жизни всегда хватало.

— Здесь устроим штаб, — Рене подвел их к скамейке в тени жиденькой аллеи, одним концом упирающейся в рыночную площадь. — Мне надо оружейные мастерские поискать и еще кое-чего. А вы уж как-нибудь сами, встретимся тут через два часа.

Герман встрепнулся:

— Возьми Берта с собой. Ты хорошо ориентируешься, к тому же со мной ему будет скучно.

Альберт обиженно поджал губы:

— Я хочу пойти с тобой!

Но Рене схватывал налету:

— Не дрейфь, красавчик, — он приобнял юношу за плечи. — Со мной всяко веселее. Познакомимся с какими-нибудь цыпочками.

Альберт недоверчиво покосился на Германа.

— Рене, без излишеств, — Герман подошел ближе и понизил голос. — Посматривайте в оба.

Рыжий кивнул и схватил Берта под локоть:

— Так точно, мой генерал!

Первую неудачу Герман потерпел, когда осознал, что помощи в поисках просить не у кого. Точнее, вокруг была та самая масса разношерстного народа, среди которой легко узнавались знакомые лица курсантов второго потока. Разве мог он спрашивать у них дорогу? Во-первых, они его боялись, во-вторых, могли просто засмеять, а в-третьих, никому из его одногодок совершенно не обязательно знать, что он ищет библиотеку Инквизиции. И уж тем более Герман был не готов подойти к тому подозрительному типу в желтых брюках, с готовностью подмигивающему с необычной скамейки с навесом. Впрочем, почти сразу, мягко шурша в нескольких ладонях от брусчатки, возле него остановилась неказистая здоровенная карета, больше напоминающая длинную лакированную коробку со стеклами, чем привычный Герману (правда исключительно с расстояния) пассажирский экипаж. У нее не было колес, а над лобовым стеклом мигала табличка “402: остановка “рыночная площадь””.

— Лайнер 402 следует до Университета Инквизиции, следующая остановка... — донесся до слуха неживой женский голос, и дверизаслонки с шорохом закрылись. Какой же была следующая остановка, узнать не удалось. Герман проводил лайнер растерянным взглядом и побрел дальше.

На глаза неожиданно попала вывеска. Или не вывеска — яркая табличка на подставке с бледно-желтой картой — чем-то неуловимо напоминала панель регистрации в хранилище цифровых данных, куда так рвалась Стефания совсем недавно.

Пока Герман смотрел на непонятную доску, призывно мигающую стрелочкой “Вы здесь!”, к ней подошел горожанин и ловко замахал пальцами. Картинки начали быстро сменяться, на доске появились буквы. Герман подобрался поближе, с трепетом запоминая странные манипуляции, а когда мужчина развернулся и направился в сторону остановки, сам поспешил занять его место.

Стрелочка-указатель снова устремлялась в схематичную фигурку человека, в которой Герман осознал свое собственное месторасположение. В его родном мире совсем не было технологий, даже визор, по которому транслировали межмировые новости, он впервые увидел в комнате отдыха на этаже и довольно долго пытался вникнуть в принцип управления, который оказался настолько прост и интуитивен, что в его реальность просто не верилось.

С некоторой опаской Герман повторил пасы незнакомца, набрал из букв на панели запрос: “Библиотека” и довольно быстро получил не только необходимые координаты, но и схему пути. Последняя напечаталась на клочке тонкой, почти прозрачной бумаги. И на том спасибо.

Библиотека располагалась недалеко. А по карте добраться до нее не стоило ни малейшего труда, и Герману пришлось признать торжество технологий перед его устаревшим миром.

Здание библиотеки не сильно отличалось от остальных построек в этой части города, разве только неизвестный архитектор, определенно отчисленный еще до начала занятий, впихнул перед обшарпанным крыльцом две помпезные колонны уходящие куда-то в пустоту — если раньше там был навес или крыша, сейчас ее остатки валялись за ближайшим углом и нервно дребезжали под порывами ветра.

Неожиданно Германа обдало серой волной раздражения, и мимо, громко хлопнув кособокой дверью, пролетела Стефания.

— Хозяйка, подождите! — крикнула вслед Ситри, аккуратно придерживая дверь — кажется, та норовила соскочить с петель, а получить счет за порчу казенного имущества девушке не улыбалось. Герман молча поблагодарил неизвестного архитектора и вовремя успел спрятаться за колонной.

— Говорила тебе, не называй меня так!

— Но мы же не в училище, — Ситри, наконец, смогла приладить дверь обратно и понеслась за стремительно удаляющейся подругой. Герман, так и оставшись незамеченным, с опаской вошел в здание.

Небольшой коридор с обшарпанным линолеумом предлагал две двери с покосившимися латунными табличками. Германа даже не стал удивляться убогости обстановки, на это сил уже просто не оставалось, к тому же его интересовала дверь с вывеской: “Выдача и получение машинопечатной литературы”.

За ней оказался довольно просторный зал, выгодно отличающийся от всего, ранее увиденного. Герман прошел к окну выдачи и, стукнув в стекло для привлечения внимания, и вежливо поздоровался со строгой женщиной в огромных очках.

— У вас есть библиотечная карта? — она смерила Германа суровым неподкупным взглядом.

— Карта? — такой мелочи он не предусмотрел. — Нет. Что мне нужно заполнить?

Получив на руки кипу бланков, Герман ретировался к одному из небольших столиков возле демонстрационных стендов. Чтобы оформить формуляр на посещение библиотеки университета инквизиции, не будучи студентом последней, требовалось не только вписать свои имя и фамилию, что для Германа уже было непреодолимым препятствием, но и еще кучу самых разных, казалось бы, лишних данных. Герман застрял еще на фамилии.

— Добрый день, Ана! — знакомый жизнерадостный голос отвлек его от грустных мыслей. — Я принесла вам пирог, как и обещала. Приятного аппетита.

Люси Шерилд сунула в окошко выдачи контейнер и забрала увесистую кипу книг в ответ. А потом ее взгляд наткнулся на Германа. Девушка ойкнула и едва не выронила книги, правда, одна все-таки упала, как назло, самая толстая.

— Я помогу! — Герман с непривычной поспешностью вскочил с места и подхватил с пола потерю. — Здравствуйте, мисс Шерилд.

Люси тоже наклонилась, чтобы поднять книгу, и они с Германом едва не стукнулись головами.

— Спасибо, — смущенно поблагодарила она, прижала книги к груди и опустила глаза, мило краснея. — А что вы тут делаете? Выходной же вроде.

Герман кивнул на стол с незаполненными бланками:

— Решил записаться, но это оказалось труднее, чем мне казалось.

Люси на секунду замешкалась, Герман ощутил внутреннюю борьбу, к слову, довольно вялую. Если девушка сомневалась, то лишь для приличия — в ней ощущалась приятная расслабленность, которую Герман безошибочно приписал к неформальной обстановке.

— Давайте, я вам помогу, — секретарша Кишмана весело пристроила на край стола стопку книг и заглянула в бланки. — Что вам здесь непонятно?

Герман смущенно ткнул во вторую строчку.

— Понимаете, я крестьянин. У нас просто нет фамилий.

Теперь смутилась Люси, и образовавшаяся пауза Герману не понравилась. Точнее, нет, Герману, как подрастающему мужчине, будущему рыцарю (а он уже решил, что обязательно будет

благородным рыцарем) повисшее в воздухе настроение как раз-таки очень понравилось. Даже легкое волнение защекотало живот, вынуждая напрягать мышцы и дышать медленнее. Люси испытывала нежность, которая мягким сиреневым туманом обволакивала их маленький столик, неожиданно ставший невероятно уютным, почти домашним. Откуда у девушки зародилось это чувство, Герман еще не понимал, но все равно взволнованно выдохнул:

— Вы ведь мне поможете... Люси?

Герман, тот самый, который считал себя умным и рациональным человеком, уже вовсю бил тревогу, пытаясь запихнуть как можно глубже свою романтическую натуру. Рыцарем становиться ему было пока рано, а уж будущей дамой сердца он видел далеко не Шерилд, хотя секретарша не только хороша собой, но и довольно умна.

— Простите, мисс Шерилд, — он поспешил извиниться, пока сиреневый кисель не удушил его окончательно.

— Ой, ну что вы, — отмерла Люси и махнула рукой. Быстро подхватила наполовину заполненные бланки и унеслась к окну регистрации, оставив Германа стеклянным взглядом изучать стопку книг. Это было непостижимо. Он, эмпат, который при желании может управлять целыми толпами, только что сам стал жертвой своей же магии. Как же стыдно.

Чтобы как-то отвлечься от собственного смятения, он перебрал книги Люси, не сильно вчитываясь в названия, пару книг машинально пролистал, пока взгляд сам не выцепил знакомое слово.

КРАС.

А внутри одной из книг на вкладыше по старинке было вписано последнее имя: «Вальтер Гротт», там же обнаружилось разрешение на получение книг с грифом «секретно» и заверенная магической печатью доверенность на имя Люси Шерилд. Странно. Кишман поделился своей секретаршей с Гроттом? А как же предположительная неприязнь между учителями? Впрочем, Герману сразу показалось, что декан из тех, кто легко использует людей, вспомнить хотя бы устроенное им на вводной лекции соревнование.

И все равно на мгновение его уколола ревность.

— Вот и все, — Люси вернулась неожиданно, и Герман поспешил закрыть книгу и теперь старательно выравнивал корешки. — Ана конечно повредничала, — доверительно шепнула девушка, но Герман

понял, что она тоже пытается скрыть смущение, — но, в общем-то, она хорошая женщина и разрешила, для подстраховки, вписать еще и мои данные, как ответственного лица. Но ведь вы будете вовремя возвращать книги?

И девушка осторожно коснулась его руки, занижая голос. Германа буквально насквозь прошило тревогой.

— Простите. Мне очень неловко, что вам приходится за меня ручаться.

— Да бросьте, мне вовсе не трудно, — она снова махнула рукой, той самой, которой пару секунд назад искала ответного прикосновения от него. Герман мысленно выдохнул. — Осталось только заполнить место жительства, поставите общежитие и номер комнаты. И прописку. Думаю, разберетесь.

Люси подхватила книги.

— А мне, пожалуй, пора. Отдадите Ане бланки, она вас зарегистрирует, — и Шерилд ушла, оставив за собой шлейф стыда, смущения и горчинки обиды. Герман прижал ладонь к щеке, ощущая холодными пальцами жар — щеки буквально пылали, а еще он ощущал на себе взгляд из-за стеклянного окна регистрации. Осуждающий, непонимающий и очень заинтересованный взгляд. И Герман поспешил поскорей заполнить бланки и покинуть библиотеку.

Все равно у него не было разрешения на получение интересующих его книг.

Урок 16. Бесплатными бывают только дурные пророчества

Герман стоял возле скамейки, выбранной на роль временного штаба, и понимал — что-то пошло не так, а если быть точнее, то не так пошло абсолютно все. Герман со скуки попытался систематизировать итоги вылазки в город, но на ум приходила только обиженная в лучших чувствах Люси, разгневанная Стефания и знак вопроса напротив загадочного слова КРАС, информация о котором была от Германа все так же далека. Он успел прочитать те несколько строк в книге, но ничего полезного не обнаружил, лишь упоминание. А тут еще и ребята где-то застряли.

Герман поставил на скамейку пакеты с покупками — пока шел сюда, успел заскочить в пару лавок — и приготовился к долгому ожиданию, однако уже минут через двадцать понял, что ждать не может. Не обладая такой развитой интуицией, как у Альберта, он, тем не менее, предчувствовал неприятности, и они обнаружились вместе с взлохмаченной рыжей макушкой, маячившей в начале рыночных рядов. Даже издали голос Рене вколачивался в мозг, и Герман поморщился. Судя по звенящим ноткам, приятель затеял ссору и откровенно нарывался. Последний вывод Герман сделал, успев изучить каверзный нрав рыжего.

— Рене, — Герман подошел к нему, с трудом протиснувшись сквозь толпу зрителей. — Что ты тут устроил, скажи на милость?

На него посмотрели как на бонус к интересному зрелищу. Рене неохотно отвлекся от перечислений незнакомых Герману деталей и терминов, звучащих как проклятия. Один “транзистор” чего стоит.

— Торгуюсь я, чего непонятного? — он перевел дух и криво усмехнулся. — Ну не может этот пережиток прошлого столько стоять! Это пневматика, придунок! — он переключился на растерянного продавца. — Чего ты мне втираешь? Такой механизм магическую формулу не выдержит. Не вы-дер-жит!

Герман ожидал, что продавец огреет наглеца этой самой пневматикой, чтобы это не значило, поэтому поспешил перевести

внимание на себя:

— Простите, пожалуйста, — он схватил Рене за ремешок сумки и, оттащив чуть в сторону, зашипел. — Ты куда Берта дел, бестолочь?

— Берта? — Рене огляделся. — Тут вроде был...

Герман не удержался и отвесил ему смачный подзатыльник.

— Ай! — Рене присел, хватаясь за голову. — За что?!

— Я что говорил про осторожность? Что во фразе “посматривайте в оба” тебе было непонятно?

Страх за друга захлестнул Германа, как недавно его затапливала всякая романтическая дурь. Он схватился за кольцо на пальце, выжимая из него всю мощь. Пьянящее ощущение свободы, прущее от Рене во все стороны, отступило.

— Прости, — потупился рыжий, и Герман в данный момент был так сосредоточен, что не мог проверить, насколько тот искренен. — Я велел ему стоять рядом и ждать. Пообещал, что мы зайдем в сувенирную лавку потом. Он согласился. Не знаю, куда он мог пропасть.

— Эй, ты! Мы еще не закончили.

Рене дернулся на голос. Продавец и еще пара особо заинтересованных мужчин помахали ему рукой. Рыжий занервничал:

— Слушай, мой авторитет на кону. Если сейчас себя не покажу, потом мне будут одно фуфло подсовывать. Понимаешь?

— Давно видел Берта в последний раз? — Герман с удовольствием бы вытряс из приятелю душу, но время было слишком драгоценно. Получив ответ, он ненадолго задумался. Идея неплоха сама по себе, а с реализацией могли возникнуть проблемы.

— Дай мне свой артефакт, — он требовательно протянул руку, и Рене, помявшись для виду, вложил в нее очки.

— Только не потеряй и... приведи Берта обратно. Я сейчас закончу и догоню вас.

В его глазах уже загорелись азартные огоньки, и Герман отпустил его.

— Если с Бертом что-нибудь случится... — Герману даже не пришлось делать страшное лицо, Рене и так вздрогнул и отшатнулся. — Выводы сделай сам.

Он повертел в руках очки и неуверенно натянул на глаза. Предыдущий опыт проходил в замкнутом помещении, и смотреть там

особо было не на что. В оживленном же городе чернота за тонированными стеклами расцветивалась яркими разноцветными узорами. Светящиеся цепочки плыли в воздухе, сворачивались в замысловатые знаки. Герман снял очки, огляделся, снова надел. Стало ясно, что спирали разных цветов, находящиеся в постоянном движении, это люди. От них расходятся узоры их магии. Вспышки, похожие на рассыпавшийся в воздухе порошок, скорее всего эмоции. Герман привык видеть их иначе, но “порошковую” взвесь легче отследить. Он выцепил взглядом кислотно-розовое облачко и ”принюхался”. Подмороженная вишня — запах Альберта.

Герман затормозил, заметив, что след обрывается. Что ни говори, а продираться сквозь толпу, которую видишь весьма условно, дело нелегкое и даже опасное. Он стянул очки и обнаружил себя в весьма неприглядном месте. К счастью, не только себя.

— Берт?

Юноша стоял спиной к Герману и задумчиво созерцал высившуюся перед ним кирпичную стену. Подворотня, в которую их обоих занесло, производила гнетущее впечатление, хотя и была довольно чистой.

Альберт медленно повернулся, взгляд сфокусировался на Германе:

— Герман? Откуда... — он как-то странно огляделся. — Что это за место и что я тут делаю?

— Хороший вопрос, — Герман шагнул навстречу и протянул руку. — Поговорим потом, нужно вернуться к Рене.

Альберт склонил голову к плечу, будто задумался над его словами, а после восторженно захлопал в ладоши:

— И правда ты! Как чудесно! Мы не виделись целых два года, я до смерти соскучился! — он подскочил к Герману и стиснул в объятиях. — Где ты пропадал? Дядя сказал, ты больше ко мне не вернешься.

— Дядя? — Герман начал понимать. — Ты вспомнил...

— Вспомнил? — Альберт недоуменно захлопал ресницами. — Подожди-ка, что ты на себя нацепил, это вовсе не красиво. Стоит только оставить тебя без присмотра.

Он отошел на шаг и придиричиво оглядел друга. Губы капризно поджались, совсем как раньше:

— Я велю портнихе снять мерки, на этот раз ты не убежишь от меня. И кстати, — Берт опустил голову, рассматривая собственный наряд, — а со мной-то что?

Сомнений не осталось — Альберт вернулся, тот самый, настоящий. И снова без памяти, но на сей раз о событиях последнего месяца. Герман никак не мог решить, это плохо или хорошо и почему именно сейчас. Наконец, он осторожно спросил:

— Ты здесь один?

Альберт увлеченно изучал свою одежду и, разумеется, ее не узнавал. А в таком состоянии до него не достучаться, факт известный.

— Это же ужас! Полоска... Меня пытали и заставили надеть этот дешевый кошмар в полоску? Если это шутка, то мне не смешно. Герман, — он вдруг отвлекся и блестящими грустными глазами посмотрел на него, — почему ты бросил меня?

Где-то залаяла собака, кто-то громко на нее шикнул, протопали неподалеку тяжелые шаги. Звуки стали наполнять подворотню. Берт вскинулся, сонно поморгал и неуверенно потер глаза:

— Герман? — он увидел его и просиял. — Ты меня нашел? Как хорошо, кажется, я заблудился. Герман, почему ты так смотришь?

Преображение прошло почти незаметно невооруженному взгляду, но Герман слишком хорошо знал того Альберта, чтобы заметить разницу — распрямилась спина, развернулись плечи, и смотрел он не как затравленный щенок, а как человек, знающий себе цену. Но вот уже все вернулось на круги своя. Волна позорного облегчения затопила Германа, хотя объективных причин радоваться не было, ну разве только тому, что Берт пока не вернется к прежним замашкам. И не примется болтать о себе направо и налево. Пожалуй, пока это было самой главной причиной молчания Германа.

Он стремительно приблизился к другу и схватил за растянутый воротник:

— Я тебе что велел? Быть рядом с Рене!

Альберт весь как-то сжался, будто даже ростом сделался ниже, хотя был почти на пол головы выше Германа.

— Я случайно... — губы у него задрожали жалобно, а вот взгляд странно заметался. Это обстоятельство разозлило Германа еще сильнее:

— За тобой могут охотиться те, кто стер твою память, хоть это ты запомнить в состоянии? В состоянии, я спрашиваю?

Герман прекрасно понимал, что перегибает палку, но иногда на людей действуют только методы устрашения, как ни прискорбно это признавать. Берт зажмурился:

— Я просто... Ну, мне показалось, я что-то увидел. Нет, вспомнил. Я бывал в этом месте прежде, но не помню, когда и почему, — от рискнул открыть глаза, но на всякий случай отклонился назад так сильно, что Герман почти держал его на весу. — Я должен был убедиться. Но... наверное, показалось.

— Не смей ничего предпринимать, не посоветовавшись со мной! — Герман перестал сердиться, на смену внезапной вспышке пришла сосредоточенная задумчивость, но Альберт этого не заметил и отчаянно вцепился в его руку:

— Выходит, ты мне совсем-совсем не доверяешь? Ой... Прости, пожалуйста! Герман, прости меня!

Герман растерянно моргнул, не хуже Берта. Убрал руки.

— Нет, — медленно ответил он с небольшой паузой. — Нет, это ты меня прости. Я взял на себя слишком много.

Когда эмоции пришли в порядок, думать стало легче. Герману даже стало стыдно за себя, впрочем, сожалеть было некогда. Альберт перестал жаться, уловив его настроение:

— Ты больше не сердишься?

Герман покачал головой:

— Ты еще помнишь, что показалось тебе знакомым?

Берт старательно задумался. До Германа вновь стали долетать приглушенные блокатором знакомые эмоции — несмотря на внешнюю беспечность, Альберт сильно переживал и был не на шутку встревожен. Что его беспокоило, Герман мог лишь подозревать, но Берт не дал ему на это времени.

— Я хочу пойти туда, — уверенно заявил он и ткнул пальцем в узкий проход между стенами. Герман дернул его за рукав, тормозя, и пошел вперед. Переулочек вывел его на небольшую площадь перед крыльцом двухэтажного кирпичного дома с унылыми цветами в горшках на подоконниках первого этажа. Владельцы явно имели представление, как сделать свое жилище привлекательнее, но знанием дело и ограничилось. К дверному косяку прислонена не слишком

чистая метла, а порошки в пыли. Стекла грязные, оттого и листики у цветков пожухли и опустились. Не слишком ровно приколоченная вывеска подтвердила предположения Германа.

— “Черная дыра”, — вслух прочитал Берт и нахмурился. — Я здесь проснулся.

— Помнишь, как заходил сюда? — на всякий случай уточнил Герман, хотя уже знал ответ.

— Только как уходил.

Следовательно, его доставили в ночлежку без сознания и не открыто, а через темную подворотню. И в этом как раз нет ничего удивительного.

Пока Герман думал, Альберт уже живо взбежал по ступенькам и дернул колокольчик возле двери.

Изнутри потянуло запахом кошачьей шерсти, пригорелой еды и прогорклого масла. Готовили тут явно из чего подвернется и как получится, и Герман на мгновение скривился, вспоминая, как пахло на кухне матушки — горячими пирожками и парным молоком.

Со стойки регистрации спрыгнул жирный серый котяра, и Берт присел на корточки и с умилением принялся его гладить.

— Кого там еще принесло? — не слишком дружелюбно крикнули из подсобки, и к ребятам вышла дородная черноволосая женщина. Точнее, не вышла, а выплыла, помогая себе удерживать равновесие полными руками, унизанными браслетами. Все это богатство позвякивало и блестело, отвлекая внимание, длинная цветастая юбка подметала полы, а пышный бюст подпрыгивал в вырезе платья и стремился наружу. Женщина сфокусировала на Германе мутный пьяный взгляд и улыбнулась:

— Какой любопытный экземпляр, — пропела она чуть заплетающимся языком, и до Германа дошел сивушный запах. — Славно, славно, славно. Пошли вон, я вам ничего не скажу.

От резкого перехода остолбенел даже Герман, хотя предполагал, что его способности сберегают от подобных неожиданностей. Однако женщина была под воздействием — вероятно, длительным и регулярным — алкоголя, и это сбивало с толку. Кот тоже разделял мнение хозяйки и, цапнув Берта за палец, отошел в сторону и принялся невозмутимо вылизываться. Юноша поднялся на ноги и обаятельно разулыбался:

— Простите за вторжение, госпожа. У вас прелестный кот.

Сомнительный комплимент неожиданно сработал, и “госпожа”, покачнувшись, неопределенно махнула в воздухе кистью:

— Все равно ничего не скажу, но ты, золотой мой, далековато от дома забрался. Но не кручинься, судьба тебя и здесь отыщет, не отмашешься.

Герман вышел вперед, невольно загораживая собой озадаченного странными словами друга. Он ощутил легкий тревожный холодок в районе затылка. Что это было, он не знал, но чужая сила внушала трепет:

— Объяснитесь, пожалуйста, что вы имеете в виду?

Женщина смерила его прищуренным взглядом черных, как уголь, глаз:

— А ты молчи, — прервала она его. — Дурной магией владеешь, парень, так что за собой следи больше, чем за другими. А на вопрос твой незадачный я так отвечу. Все вы из одного мира пришли. И ты, и симпатяжка твой, и те, другие двое, что его сюда привели. А дальше сам разбирайся, не маленький уже, да и в голове не ветер свищет.

Она облокотилась на стойку, и как по волшебству в руке возникла початая бутылка. Сделав долгий глоток, женщина прокашлялась и добавила:

— Мне проблемы не нужны.

Герман понял, что на этом разговор закончился, потянул Берта за рукав, но тот заупрямился:

— Моя судьба связана с судьбой Германа?

Хозяйка сделала еще один глоток.

— Зачем тебе знать? Поступай, как знаешь.

Герман снова потянул друга на выход. По коже будто водили жестким пером, Герман передергивал плечами и торопился уйти подальше от неизвестного раздражителя.

— И подружкам своим, красавицам, передайте, что за постой не заплатили!

За спиной со звоном разбилась бутылка, испуганно мявкнул кот, и раздался оглушительный взрыв безумного хохота.

Германа знобило, он буквально перепрыгнул через порожки, и Альберт догнал его уже на соседней улочке.

— Это была провидица, да? Самая настоящая?

— Да, — Герман остановился и вытер платком выступивший на лбу пот.

О провидцах слышали все, но дар этот настолько редкий и сильный, что вступал в противоречие со всеми остальными проявлениями магии, что Герман испытал на себе.

— Ничего себе! — Берт обернулся. — Может, вернемся и еще поспрашиваем? Интересно же?

— Не уверен, что она дает хорошие предсказания, иначе не спилась бы, — недовольно откликнулся Герман и, сунув руки в карманы, зашагал прочь.

Ему было, что обдумать, пользуясь тем, что и Берт немного озадачился и пока помалкивал. Преступников было двое, и они прибыли из того же мира, что и их жертва. Причем, скорее всего воздействие на мозг Берта было осуществлено еще там, а в Визании он оказался уже таким, как сейчас. Однако по-прежнему оставалось загадкой, зачем все это. Слишком сложно, дорого и без гарантии. Проще было бы сразу убить. Однако же кто-то не пожалел денег и времени, чтобы разыскать не чистого на руку ментального мага и устроить в голове Альберта настоящий хаос. В этом месте своих измышлений Герман притормозил.

Если Берта отправили так далеко от дома и даже не поленились пристроить в военно-магическое училище, выходит, его могли не пытаться убить, а, напротив, защитить? Но не слишком ли экзотический способ?

Герман вначале почувствовал чье-то стремительно приближение, а потом его попросту снесло.

— Бежим, бежим, бежим! Ноги в руки и бежи-и-им!

Герман чудом устоял на ногах и успел заметить пролетающего мимо на дикой скорости Рене, мелькнули в воздухе цветные пакеты с покупками, и вот уже рыжий скрылся за поворотом. Германа подстегнуло накатывающее с противоположной стороны раздражение, прущее напролом как раз в их сторону. Разобраться, кому оно принадлежало и почему, можно было и потом.

Герман схватил Берта за руку и побежал.

Гонка продолжалась примерно четверть часа, пока Рене перестал петлять и шлепнулся задом на пустую скамейку.

— Уф! Славно развлеклись!

Герман особо на физическую форму не жаловался, но ничего приятного в забегах по пересеченной местности не видел. Нависнув над Рене, он припечатал его своим самым тяжелым взглядом:

— Что это было? И постарайся объяснить в трех словах.

— Не сошлись точки зрения, — радостно объявил рыжий. — Или частицы тоже считаются?

Берт накинудся на Германа сзади и намертво прижал руки к бокам:

— Не надо! Не бей его!

Брови Рене стремительно поползли вверх:

— Он еще и драться умеет? Ну просто же сокровище! Я б купил, да деньги кончились.

Что бы там не приключилось с Рене, настроение его взлетело до небес. Судя по ощущениям, он был доволен собой, миром и даже рычащим на него Германом.

— Берт. Отпусти.

Юноша разжал руки, будто сам испугался совершенного святотатства, и смущенно извинился. Рене развязно закинул ногу на ногу и похлопал по скамейке:

— Садитесь, в ногах правды нет.

И поведал, как торги дошли до того, что он обозвал товар в соседней артефактной лавочке “фуфлом”, а продавца — “болваном без шестеренок в голове”. Неизвестно, как с шестеренками, но этот обиженный мастер терпеть не стал и позвал товарищей на подмогу, чтобы преподать малолетнему хаму урок.

— И зачем тебе это было надо? — устало спросил Герман, поняв, что логика Рене выше его понимания. — А если бы поймали и пожаловались в училище?

— Не поймали бы, — легкомысленно отмахнулся Рене. — Я с пеленок от родственничков улепетывал, мне не привыкать. Ну да ты лучше расскажи, сам-то как погулял? Небось скучно до икоты. А мы барахлишка прикупили, красавчик пищал от восторга. И очки вернуть не забудь.

А сам искоса наблюдал за Германом, но тот все равно не планировал пока раскрывать свои карты. Протянул артефакт и сухо ответил:

— Экскурсия была интересной.

— Экскурсия... — Рене высунул язык. — Ты бы это еще променадом назвал, интеллигент из глубинки.

То, что подобные слова вообще были Рене знакомы, только убедило Германа, что рыжий постоянно придуривается и даже иногда откровенно забавляется над ними всеми.

— Я еще не забыл, что ты бросил Берта на произвол судьбы, — процедил Герман.

— Он сам от меня сбежал. Можешь его отшлепать.

Они скрестили взгляды, и тут зашуршали пакеты.

— А зачем тебе столько шоколада? — простодушно спросил Берт, успевший изучить покупки Германа. — Ты же в столовой никогда не ешь сладкое.

Герман мысленно обозвал себя идиотом и выхватил пакет с конфетами из его рук:

— А теперь буду.

— Это он девочкам своим накупил, — хихикнул Рене. — Той половине, которая не за мной бежит.

— Фанни, Ситри, — принялся загибать пальцы Берт. — Кто еще?

— Люси, — Рене сделал характерный жест в районе груди, видимо обрисовывая главную, по его мнению, отличительную особенность секретарши декана.

Герман хлопнул себя по лбу и выдал, неожиданно для всех и даже немного для себя:

— Про нее забыл!

Первым несмело хихикнул Берт, его громогласно поддержал Рене, и только Герман знал, что на самом деле шоколад предназначался для Сорамару. Ну и для обиженной девушки из медицинского крыла.

В училище вернулись без приключений, что радовало, потому что Герману было необходимо разобраться во вновь поступившей информации. Интерес Гротта к засекреченным данным, странные слова прорицательницы, встреча со Стефанией. Очень рассерженной Стефанией — ее обычное состояние, независимо от времени суток, но она постоянно попадалась на пути и, похоже, опережала Германа на шаг, будто знала, что он ищет. Куча беспорядочных данных, бесполезных на первый взгляд. Никак не получалось с ними разобраться.

У ворот их обогнали девушки, и Стефания обернулась, прожигая Германа взглядом, будто хотела что-то сказать. На мгновение ему почудилось, будто она просит о помощи, будто ей очень страшно. Но Стефания фыркнула и унеслась вперед.

— Хорошо погуляли, — Рене закинул руки за голову и потянулся. — Когда теперь так выдастся.

После завтрашней инициации они все окончательно станут собственностью Училища военно-магических дисциплин. Герман бросил взгляд за спину и поспешил вслед за товарищами.

Урок 17. Говорить, что думаешь, можно только если думаешь, что говоришь

Чем дольше Стефания находилась в стенах УВМД, тем больше ее все удручало. Удручала тесная клетушка, по какой-то нелепой случайности именуемая комнатой, грязный туалет, который мыли, похоже, только наказанные за провинности курсанты, а из-за выходных и инициации их практически не было. Общие для мальчиков и девочек душевые. И, разумеется, приставучие шумные соседи. Кому вообще пришла в голову идиотская мысль селить девушек с грязными нахальными мужланами? В мире Стефании никому такое и в страшном сне не снилось.

Будь ее воля, давно бы выгнала взащей этих шумных бездельников. О чем очень громко и не в самых приятных выражениях она объявила присутствующей в комнате мужской половине.

— По-моему, у нее просто ПМС, — вслух предположил Рене и предусмотрительно слинял из комнаты умываться. И не забыл прихватить с собой белобрысого остолопа. А Герман так вообще вторые сутки не появлялся, что волновало Стефанию сильнее всего. Куда этот... умник догадался исчезнуть прямо в такой знаменательный день как начало настоящих практических занятий магией? Пусть только попробует еще задирать нос и считать, что он самый умный. Он ничуть не лучше остальных, пусть его баллы и в разы выше, чем у самой Стефании..

Последняя мысль почему-то ее расстроила, хотя Стефания и повторяла себе, что не ради учебы терпит столько неудобств. Она поспешила отмахнуться от нахлынувшей меланхолии. В конце концов, ее это не касается. Своих проблем выше крыши.

Утро прошло в привычном ключе, Стефания почти успокоилась и настроилась на интересный урок своего любимого преподавателя Дамиана Эрно. И даже обаятельно улыбнулась какому-то незнакомому курсанту, проходящему мимо, тот даже споткнулся от неожиданной радости. Вот только стоило зайти в аудиторию, где должно было проходить занятие, как взгляд наткнулся на нахальную улыбку Рене.

Ситри осторожно положила руку подруге на плечо и негромко произнесла:

— Не обращайтесь внимания. Идем, — и настойчиво подтолкнула Стефанию в сторону свободного стола в первом ряду. Только теперь оскал рыжего ощущался затылком и совершенно не способствовал успокоению. Напротив, Стефания заерзала, как на иголках, а хихикнувшему не к месту соседу слева показала кулак.

— Мужика ей не хватает, вот что я тебе скажу, — нарочито громко поделился Рене своей мыслью с Бертом, Стефания даже пунцовыми пятнами пошла от такой наглости, но сделала вид, что ничего не слышала. Ему не удастся вывести ее из равновесия, когда она только-только пришла в гармонию с собой и миром.

— А мы? А нас ей мало, да? — вякнул Берт, и она даже в красках представила, как вытянулось при этих словах его лицо. А аудитория грохнула от смеха. Ситри грозно поднялась со своего места и почти тут же вернулась обратно.

— Отставить балаган! — Эрно появился неожиданно. Смех тут же оборвался, словно кто-то просто выключил звук, и воцарилась тишина. Стефания перевела дух и проводила учителя до кафедры почти влюбленными глазами. Если бы не он, мог произойти взрыв. Или смертоубийство. В любом случае, ничего хорошего.

Мужчина с секунду помолчал (Стефания даже не заметила, что все это время с открытым ртом наблюдала за его лицом), после чего раскрыл большой журнал на столе.

— Кто отсутствует? — по рядам всколыхнулось волнение, это Стефания определила по нервному шороху позади себя. Кто-то, наконец, осмелился подать голос:

— Германа нет.

— Встать! Назваться! Чему вас два месяца учили, черт подери?

За спиной загремела скамья.

— Я! Курсант Торнтон! Сегодня отсутствует курсант Герман! — от восклицательных интонаций Вуди, казалось, мог задохнуться. Стефания мысленно усмехнулась, представляя как надулись и покраснели пухлые щеки.

— Причина? — не унимался Эрно.

Снова воцарилась тишина. Дамиан нахмурился, Стефания напряглась и перестала дышать, боясь представить, что произойдет,

если на его вопрос не ответят.

— Курсант Кельвин! — Берт бодро подскочил со скамьи, чтобы доложить по всей форме, но даже в твердых нотках его голоса скользила мягкость. — Причина отсутствия — увольнительная.

Прозвучало как-то коряво, но учитель ответом оказался удовлетворен и довольно благодушно ответил:

— Садитесь.

Стефания позволила себе выдохнуть. Позади отозвались Берт и Вуди, снова зашуршали скамейки, стукнули о столешницу пуговицы кителя — это Берт навалился животом на стол.

— Прежде чем перейти к сегодняшней теме и практическому занятию, — учитель с досадой поморщился, словно совершенно не хотел произносить этих слов, — давайте обсудим, как прошла инициация.

На миг Стефании показалось, что в глазах учителя засверкали мальчишеские искры, словно и не было войны за спиной, и шрама, уродующего лицо.

— Вопросы есть?

У нее вопрос был, но она совсем не спешила его задавать. Ждала, когда кто-то первый признается, что после инициации совершенно ничего не изменилось. Не могла же она одна не видеть энергетических потоков? К тому же она замечательно помнила вытянувшиеся лица однокурсников и нытье Берта в комнате. Но никто не спешил признаваться, а губы Эрно продолжали расплываться в улыбке. Какой-то не очень хорошей улыбке.

После общего провала инициации не возмущался только Герман, она специально следила за его лицом с удвоенным вниманием, будто готовилась вытащить из него все тайны.

— Курсант Дидрик!

— Я! — она вскочила на автомате, даже не успев удивиться. Вытянулась в струнку, вздернула подбородок, так же, как всегда делал Герман. И почему он снова лез в ее голову, особенно в такой момент?

— Вопросы?

“Никак нет” — хотела ответить она уже подготовленной фразой, но вместо этого само собой вырвалось:

— А почему у Германа нет фамилии?

И тут же прикусила язычок. А ведь она об этом даже не думала никогда. Или все-таки думала?

Улыбка с лица Эрно пропала, и сердце Стефании мгновенно ухнуло в ноги, по спине прошелся холодок. А сзади захихикал Рене:

— Все еще хуже. Нашей крошке одного конкретного мужика не хватает.

“Ну погоди у меня, рыжий доходяга, — мстительно подумала Стефания, сгорая со стыда, — засуну тебе твои очки в...”

— Курсант Дидрик! Что вам интересней, фамилия вашего сокурсника или мой урок?

Стефания сглотнула тяжелый ком, отложив месть Рене на потом, и сдавленно ответила.

— Урок, разумеется.

На этом инцидент был исчерпан, только Стефания все занятие даже боялась пошевелиться, тело словно покрылось корочкой льда. Надо же было так опозориться.

Кулак рыжему, вместо хозяйки, продемонстрировала Ситри, и кулак весьма внушительный. В тишине было слышно, как парень судорожно сглотнул. Впрочем, в искренности его испуга девушка сомневалась.

— Больше никому фамилия курсанта Германа не интересна?

— Никак нет! — единодушно поспешила отозваться группа, и Эрно хмыкнул.

— В таком случае, вернемся к инициации. Как вы помните, подключение к Источнику магии позволяет вам видеть магические потоки. Но голову даю на отсечение, что ничего вы не увидели. А почему?

Аудитория так же единодушно ответила тишиной. Взгляд учителя скользнул по рядам, немного задержавшись на Стефании, уголки тонких губ дрогнули.

— А если бы курсант Герман присутствовал на занятии, он сумел бы ответить на этот вопрос, так, курсант Дидрик?

Больше всего Стефания сейчас хотела встать и пулей выбежать из кабинета. Она ощущала на своем затылке десятки насмешливых взглядов, в каждом шорохе ей слышалось глумливое хихиканье. Но она и так достаточно опозорилась, чтобы позволить себе такой

малодушный поступок. Поэтому выпрямилась и отозвалась чуть дрогнувшим голосом.

— Так точно!

— Запомните, не все и не всегда вам сможет объяснить учитель, — продолжил Эрно как ни в чем не бывало. — Настоящее очень хрупко и непостоянно. Сегодня вы смеетесь над своими товарищами, а завтра их может не остаться в живых. Учитель, наставник или просто старший товарищ не всегда может оказаться рядом, когда вам потребуется что-то объяснить и чему-то научиться.

Курсанты взволнованно слушали, Стефания тоже следила за любыми изменениями в лице преподавателя и почти забыла про обиду. В глазах Эрно промелькнула тень скорби. Позади грустно вздохнул Берт.

— В учебнике, который следует открывать хотя бы иногда, теме восприятия энергетических потоков посвящен целый параграф. И если бы не поленились заглянуть в него, то сейчас бы не смотрели бараньими глазами, — голос, наконец, приобрел привычную твердость. — Что нужно, чтобы увидеть магические потоки? В первую очередь, инициация. Во-вторую — концентрация. Концентрация важна всегда, особенно, когда дело касается магии. Будете считать ворон — быстро станете удобрением. Пока что вы — желторотые цыплята и не способны видеть потоки исключительно по своему желанию.

До практики они так и не дошли, хотя в своих мечтах еще до начала занятий Стефания рисовала радужные перспективы. А все оказалось намного сложнее, и к следующему занятию задали не только выучить весь параграф, но и Устав училища. А то инициацию прошли, присягу приняли, а Устава будто в глаза не видели.

После урока с Дамианом Эрно Стефания поспешила отделиться от потока сокурсников и, велев Ситри оставить ее в покое, отправилась бродить по учебному корпусу. Отсутствие Германа тревожило и вызывало недоумение. Почему они сразу после инициации с головой ушли в учебу и тренировки, а он где-то прохлаждается? У него неприятности? Но он вел себя точно так же, как обычно. Берт, если что-то и знает, то явно получил четкие инструкции молчать и неплохо держится, а Рене валяет дурака и все вопросы переводит в разные глупые пошлости. Ясно же, что-то здесь не так, и неизвестность заставляла Стефанию нервничать и строить бесполезные гипотезы. А,

казалось бы, нет его и хорошо. Ведь она же с самого первого дня только мечтала от него избавиться. Что успело измениться? Почему она постоянно скатывается на мысли о нем, ведь он для нее абсолютно ничего не значит? Определенно, от него одни проблемы.

Стефания остановилась и, вцепившись в парапет пальцами, налегла на него грудью. Это здание имело красивую крытую галерею вдоль третьего этажа, которая выходила во внутренний двор. Внизу виднелась усыпанная песком площадка, похожая на ту, что использовалась для занятий фехтованием, но более обширная. Крышу поддерживал ряд колонн, возле одной из которых остановилась девушка. Пальцы правой руки уже почти по привычке нащупали левое запястье, которое плотно облегал полоска металла, теплого от ее тела. Когда готовящихся к чему-то грандиозному курсантов-первокурсников телепортом доставили в город, ко входу в непримечательное, казенного вида здание, все ожидали чего-то невероятного и волшебного. Однако их просто завели в просторную приемную с в меру мягкими креслами и забранными решеткой окнами. Стефания тоже ждала какого-то чуда, но вместо этого просидела в очереди три часа кряду, глядя, как сокурсники по одному входят в единственную дверь и не возвращаются обратно.

Ожидание чуда быстро сменилось беспокойством, и, когда остались только они с Ситри, сердце уже билось как загнанное. Что было за той дверью? Стефания со злостью царапнула короткими ногтями ненавистный браслет — неприятное напоминание о прошлом — и снова усилием воли подавила приступ злости.

Тем временем внизу на площадке кое-что поменялось. Стефания передумала уходить, происходящее зацепило ее любопытство и немного разогнало мрачные мысли. Прислонившись плечом к колонне, она принялась следить за странными приготовлениями.

Два парня в форме курсантов с нашивками первого потока о чем-то беседовали посреди песочной площадки, а незнакомый девушке учитель в это время расставлял по углам периметра металлические штыри с массивными набалдашниками в виде прозрачных кристаллов. Когда с этим было покончено, учитель покинул огражденную территорию, и курсанты разошлись в противоположные стороны. Кристаллы ярко вспыхнули, так что Стефания на миг зажмурилась, а когда открыла глаза, площадка была заключена в клетку из

соединяющих штыри лучей. Парни одновременно вскинули руки, и Стефания поняла, что видит самую настоящую магическую дуэль.

— Tierra! — закричал один из дуэлянтов, крепкий русоволосый парень с небрежно расстегнутым, вопреки правилам, воротником. Песок под его ногами взлетел в воздух, и взрывная волна пересекла площадку, устремляясь к противнику. Тот, высокий стройный брюнет, вот-вот должен был исчезнуть под песчаным цунами, но взмах руки, и песок застывает стеной из стекла. Ограничительный барьер заискрился, едва справляясь с такой мощностью, и до Стефании донесся ее отголосок. В лицо дохнул нестерпимый жар, щеки запылали.

— Ignis!

Брюнет резко отвел вытянутую руку в сторону, и волна огня скрыла поединщиков с глаз. Стефания почти перевесилась через парапет, чтобы хоть что-то разглядеть, и в этот момент огненная “шапка” разлетелась сотней алых лепестков, которые осели на землю и с громким шорохом потухли. Учитель быстро снял барьер и подбежал к сидящему на коленях заметно подкопченному курсанту. Тот поднял вверх большой палец. Его оппонент помог ему подняться, и они пожали друг другу руки. После этого “огненный” брюнет покинул площадку.

Увиденное, хоть и произошло довольно быстро, так сильно поразило Стефанию, что она бросилась к лестнице. На бегу она всю представляла себя обладательницей такой сокрушительной силы. Это было именно то, зачем она пришла сюда, ради чего преодолела нелегкий путь до Визании, скрываясь ото всех. Эта сила была ей необходима!

— Стой! — она перепрыгнула через последнюю ступеньку и замерла прямо на пути у проигравшего курсанта. — Стой. Ты с первого потока, да?

Парень удивленно приподнял густые брови. Глаза у него оказались темно-серыми, а лицо в целом довольно невзрачным. Он был первым курсантом чужого потока, которого Стефания видела вблизи, и увиденное ее немного разочаровало. Он был обычным, не то, что...

— Ну да. А ты, — он бросил внимательный взгляд на нашивку ее кителя, — со второго?

Стефания вопрос проигнорировала, так как он не имел смысла.

— Вас учат драться с помощью магии? Как давно?

— Эмм... — парень поджал губы. — Странный вопрос. С инициации, не раньше же. Как потоки видеть начали. А ты почему...

— С инициации? — Стефания удивленно заморгала. — Но прошло всего три дня... Подожди! Как это, ты видишь потоки? А почему...

— Вообще-то это был мой вопрос, — улыбнулся он. — Нас инициировали раньше, десять дней назад. Мы уже овладеваем своими Стихиями. А вы, получается, еще нет. Ну это и неудивительно, — он спохватился и извинился. — Прости.

Стефания на оговорку внимания не обратила.

— Это несправедливо! — воскликнула она и закусила губу от досады, но постаралась взять себя в руки. — Я так поняла, твоя стихия — Земля? А тот, другой? Огонь, да?

Парень снова засмеялся и протянул руку:

— Меня Зигфрид зовут. А тебя?

Стефания замолчала, уставившись на его ладонь. Ситри советовала быть проще, а Дзюн Мэй — следить за лицом. Она сделала вывод и несмело пожала протянутую руку:

— Стефания Дидрик.

— Вот и познакомились, Стефания, — Зигфрид снова широко улыбнулся, внезапно вызвав в воображении ассоциацию с Альбертом. — Если тебе еще интересно, то да, моя Стихия — Земля. Не слишком романтично, но учителя говорят, что мне подходит, — он хохотнул. — Само собой, мы пока разучили всего несколько техник, так что показать особо и нечего было. У нас сейчас был практикум, стычка один на один. Вильям лучший на курсе, даже второкурсников уже превосходит. Знато он меня отделал, ты же видела?

Он смущенно почесал затылок и засмеялся.

— Чему ты радуешься? — Стефания этого не поняла. — Тому, что проиграл бой?

— Проиграл? — Зигфрид так и замер с заведенной за голову рукой. — Ерунда. Это просто тренировочная дуэль, у меня хорошие баллы и проигрыш мне не навредит. А Вильям слишком силен, чтобы я с ним тягался. В чем проблема-то?

У Стефании даже голова закружилась от негодования. Она вынуждена уступать в знаниях и умениях кому попало просто потому,

что ей не повезло быть зачисленной в элиту. Она до сих пор может похвастаться только бесполезной железной побрякушкой на руке, а этот Зигфрид уже участвует в дуэлях. Но ей тоже хочется. Она уже давно готова!

— Вы обладаете такой мощью, уже можете вести магические поединки, и ты спрашиваешь, в чем проблема? Я бы все отдала, чтобы меня обучали так же, как тебя. Я хочу овладеть этой силой. А ты говоришь — ерунда. Это не ерунда!

Зигфрид заметно растерялся, невольно сделал шаг назад, будто защищаясь:

— Слушай, ты странная. Реально странная. Вы все на втором потоке такие?

Стефания уже и сама сообразила, что напрасно дала волю эмоциям. Был бы тут Герман, уже вовсю бы над ней потешался. Она натянуто улыбнулась:

— Я погорячилась. Я имела в виду, что мне понравилось, как вы дрались. Особенно тот, который Вильям. Хотела бы я поскорее так научиться.

Зигфрид расслабился и снова расплылся в улыбке, которая волшебным образом делала его обычное лицо довольно привлекательным:

— А, в этом смысле. Ну еще успеешь. Я слышал, второй поток по другой программе занимается, потому что вы, как бы это сказать... — он смущенно замялся, — послабее. Прости.

— Это неправда, — возразила Стефания, но уже без прежнего запала, стараясь подбирать слова. — Но даже если и правда. Я превзойду вашего Вильяма, вот увидишь.

Парень не сразу нашелся с ответом. Обернулся, оглядывая площадку, и просиял:

— О, это за мной. Фо! Фо! — он замахал рукой, подзывая странного вида девицу с пепельной косой до пояса. — Фо, знакомься, это Стефания со второго потока. Она пообещала победить Вильяма на дуэли, когда научится.

Вблизи девица оказалась парнем, но таким худеньким, стройным и смазливym, что легко сходил за девчонку. На фоне смуглой кожи голубые глаза блестели как драгоценные камни. Смерив Стефанию

безразличным взглядом, будто ее даже не заметив, Фо тронул друга за рукав:

— Идем, Зигги.

Зигфрид положил свою ладонь поверх его и тепло улыбнулся:

— Конечно, Фо, идем. Удачи, Стефания. Надеюсь, еще увидимся.

Она проводила глазами странную пару и едва не закричала зубами от бессилия. Почему все парни, которые ей тут встречались, считают ее обычной дурочкой? С ними со всеми что-то не так. Сейчас она даже Герману была готова простить его самоуверенность и привычку умничать к месту и не к месту, он хотя бы не пытался быть снисходительным. Стефания вытянула руку, сжала кулак:

— Я буду сильной. Вы еще увидите... Вы еще меня узнаете.

За ужином Ситри не задала ни одного вопроса, просто поставила перед хозяйкой поднос с едой и села рядом. За столиком умещалось шестеро, и напротив тут же шмякнулись Берт и Рене. Два места оставались свободными — Герман все еще не вернулся.

— Капуста? Опять капуста?! — Рене поворошил вилкой утопающее в масле крошево и уныло выдохнул. — За что? Мы в чем-то провинились?

— Хочешь мою котлетку? — Берт с готовностью пододвинул ему тарелку. — А мне отдай помидорку.

Когда бартер состоялся, оба парня довольно заработали челюстями, и за столом на какое-то время стало тихо. Стефания подперла щеку кулаком и прикрыла глаза. Есть не хотелось: ни котлету, ни капусту, ни помидоры.

— Интересно, когда нас начнут учить плетению магических формул? — Берт расправился с последним помидором и присосался к стакану с компотом. Даже Рене отвлекся, чтобы понаблюдать, как стремительно жидкость исчезает в бездонном желудке юноши. — Ум-ням... Вкусняшка. Рене, у тебя еще осталось попить? А у тебя, Фанни?

Стефания молча придвинула к нему свой стакан, чисто из жалости, и Альберт припал к нему, будто сутки не пил.

— Поскорее бы, — Рене с тоской проводил взглядом девушку с полным подносом. — Я даже не знаю, какой я Стихии. Наверное, Огонь. Хоть бы Огонь.

Стефания вспомнила стену из пламени и поежилась.

— Силенок не хватит, — буркнула она.

— Ой, а у тебя хватит, принцесса-воительница, — рыжий показал ей язык и отвернулся. Очень вовремя, потому что Стефания вздрогнула всем телом. Ситри положила ей ладонь на плечо.

— Да уж хватит! — Стефания гордо вскинула голову. — А ты даже за меч не всегда с правильного конца берешься.

— Хочешь шутку по этому поводу?

— Не хочу!

— А зря, очень смешная была. Вернулся как-то муж из...

Альберт украдкой вытер губы торчащим из-под кителя рукавом кофты и слишком громко поставил пустой стакан на стол:

— Ситри, ты будешь допивать?

Стефания собралась одернуть надоедливого блондина, но в столовой почему-то стало тихо. Подозрительно тихо.

Ситри нахмурилась, Рене прицокнул языком, Берт сдавленно ойкнул. Стефания резво поднялась со стула и почти выкрикнула:

— Ролан! Но... откуда?

Урок 18. Бывший учитель как бывшая жена — никогда не перестанет поучать

Праздник первого урожая уже прошел.

В прямом горячем воздухе плыли ароматы скошенной травы, дыма и нагретой солнцем свежевскопанной земли. Чуткое ухо вылавливало из подзабытого шума природы — стрекотания кузнечиков, жужжания пчел, шелеста травы и деревьев — отдаленные голоса из деревни. Кто-то пел, собирая с поля остатки урожая, наверняка, на мостках узкой речушки женщины полоскали белье и сплетничали, что молодые, что старые. Темы всегда одни и те же, да и откуда тут взяться новым.

Герман постоял немного на утопанной тропинке, ведущей к селению, усмехнулся так внезапно накотившей ностальгии, и пошел дальше.

Каждый шаг отдавался в памяти. Вот здесь его хотели поколотить местные задиры, само собой у них не вышло. Слишком боялись. Если у развилки повернуть налево, можно выйти к двум сросшимся деревьям, в которые еще когда-то давно ударила молния. Альберт любил приходить туда и сидеть на нижней ветке, а Герман всегда устраивался на траве, привалившись к стволу. Кажется, Берт и надпись на коре выцарапал, что-то сентиментальное и милое, а что, уже не вспомнить. Они тогда еще совсем детьми были.

Герман перекинул сумку на другое плечо и ускорил шаг.

Деревня лежала в долине между холмами, и Герман, дойдя до верхушки одного из них, мог полюбоваться на свой дом, стоящий чуть особняком, почти на границе летней королевской резиденции.

С момента отбытия Германа в Визанию прошло чуть более двух месяцев, а ему показалось, будто он не был в родной деревне не меньше года. Матушка любила красоту, поэтому каждую весну Герман красил штакетник вокруг дома белой краской, разбивал аккуратные клумбы и ремонтировал скамейки в саду. Фасад их небольшого домика радовал глаз яркими цветами, за чистыми стеклами виднелись милые

кружевные занавески, мелькали тени, и Герман очень четко почувствовал в доме постороннего.

Он вошел без стука, оттряхнул обувь в сенях и оказался в просторной кухне с печью и столом у окна. Стены были обклеены бумагой в мелкий цветочек, купленной Германом на базаре за большие деньги, полученные, к слову, от продажи очередной ненужной бертовской безделушки.

Мать, такая родная, в потертом цветастом платье и накрахмаленном белом переднике растерянно оглядела сына. А вот смутно знакомая девица с толстой длинно-русой косой через плечо, опустила взгляд и комкала юбку. Герман крутанул кольцо, проверяя девушку, но та и правда была смущена, причем так, что Герман сам едва не покраснел. После того, что произошло с Бертом, он не доверял ничему и никому.

— Герман, сынок, — мать совсем не сдерживала эмоций, бросилась обнимать сына. Раньше тот редко отсутствовал больше недели, и то, когда тренировки с учителем затягивались. Принюхался — пахло пирогами и свежевывытыми деревянными полами.

— Увольнительную взял, — коротко пояснил он и кивнул девушке. — Привет, Маришка.

Та взволнованно вспыхнула, то ли от гордости, то ли от радости.

— Вот, узнала, что ты на учебу уехал, пришла мне по хозяйству помочь, поддержать, — пояснила матушка. Герман нахмурился. Раньше их домик на отшибе обходили десятой дорогой. Что говорить о том, что помогать им тем более никто и никогда не стремился.

Девица от слов матери попробовала покраснеть еще сильнее, хотя уже просто некуда. Герману невольно вспомнилась Стефания, правда, сходства в них ни на грош, разве что волосы — добротная темная коса, что пальцами не обхватишь, а руки так и тянутся потрогать.

— Да ты проходи скорей, сейчас воду вскипачу.

Герман не перебивал, слушая рассказы матери, и старался сильно не удивляться случившимся в деревне переменам. Маришка больше отмалчивалась, лишь заботливо подливала чай да выбирала пироги посытнее, а вскоре вообще убежала, мол, время позднее, пора и честь знать.

— Не заходил ли Альберт, пока меня не было? — как бы невзначай поинтересовался он, складывая грязную посуду в

рукомойник. Проверил, есть ли вода, и взялся за ведра.

— Не было твоего дружка, — недовольно отмахнулась мать, смахивая со стола в передник крошки, — и хорошо.

— И не слышно ничего? — осторожно уточнил Герман. Матушка недолюбливала Берта, и винить ее за это Герман не мог, так же как и не любить единственного друга.

— Не слышно. Поговаривают, что приболел он, из дома не выходит. Да и ты к нему не суйся, не ровня ты ему.

Герман кивнул и вышел за водой. Мать говорила совсем не то, что хотела, а то, что должна была. А еще в ее словах проскальзывала ревность.

Сделав давно забытые дела по дому, он засобирався к учителю. Тот жил за холмом на берегу речушки, плотно граничащей с лесом. Там же на опушке стояла его небольшая хижина, собранная из цельных бревен. От нее по склону вниз, к реке, шла дощатая дорожка, заканчивающаяся мостками. Герман лично помогал достраивать дорожку, а начинали ее, стало быть, еще прежние ученики.

Герман поднялся на невысокое крытое крыльцо, но постучать так и не успел.

— Да ты заходи, заходи, — послышался скрипучий голос, и Герман без удивления перешагнул порог. — Чаем угощать не буду, вижу, сыт ты уже.

Внутри было сумрачно и тесно, зато дальше, Герман отлично помнил, должна была быть просторная горница с широкой террасой с видом на реку.

Герман ухмыльнулся и тряхнул волосами, ощущая невероятную легкость.

— Вечер добрый, наставник.

Для простых селян в этой горнице было непривычно пусто, только темным пятном на светлом полу выделялся низкий квадратный столик, за которым прямо на голых досках сидел старый лысый мужчина с бородкой-клинышком. Его тщедушное сухонькое тело утопало в просторной, не по размеру, домотканной одежде. Герман вспомнил, чему научился тут, и склонился в поясном поклоне.

— Добрый, да не слишком, — спокойно отозвался наставник и поднялся из-за стола. — Что за беда тебя привела в мой дом, бывший ученик?

Никто доподлинно не знал, какими ментальными способностями обладал старик Арефий, но магом он в свое время слыл отменным, и потому, с годами отойдя от практики, он время от времени брал учеников. Только не всех подряд, да и местом для дома выбрал мир, в котором магия была уделом меньшинства.

— Мне нужен ваш совет, наставник, — Герман выпрямился, но с места не сошел, ожидая разрешения. Арефий оглядел его и кивнул:

— Все ясно мне. Солнце садится, самое время подумать о былом, глядя на отражение, — он тепло улыбнулся Герману, как родному, и первым вышел из дома.

Герман нагнал его почти у самой воды. Наставник сел на мосток и опустил ноги в парную воду. Герман закатал штаны и последовал его примеру.

— Наставник, — он уставился в воду, подбирая слова, — мне нужен ваш совет. Точнее, ваш профессиональный взгляд.

— К чему так сразу, — старик болтнул ногами, совсем как мальчишка. — Ты еще не рассказал, как там поживает другой мой бывший ученик.

— Другой?

— Малыш Вальтер, хотя, — наставник улыбнулся, — уже не мальчик он, но взрослый мужчина. Года бегут. Так как там этот озорник?

— О... озорник? — Герман совсем растерялся. Как-то не вязалось это слово с надменным строгим Гроттом. — Он мой учитель, точнее, он учитель в Училище военно-магических дисциплин. Помощник декана.

— Значит, под суд не угодил еще, — довольно прицокнул Арефий. — Хорошо.

— Под суд? — Герман понимал, как глупо выглядит, постоянно переспрашивая, но каждая новая фраза наставника все больше удивляла его. — За что?

— Да все за то же, — получил он туманный ответ. — Но вижу я, печать его на тебе. Что сделал он? Дай-ка взглянуть.

Он цепко схватил Германа за руку и придирчиво оглядел блокатор, который сам же когда-то для него и создал. Герман боялся пошевелиться, чтобы не нарушить чужой концентрации.

— Талант. Ох, тогда бы мозги у него проснулись, когда надо было... Ты его не вини, он перед тобой не виноват ни в чем. Чувствую вражду затаенную, — Герман не стал отводить взгляда, от наставника ничего скрывать не собирался. — Ты это брось, Вальтер славный мальчик, хоть и глупостей натворил изрядно. А лучше поучись у него, глядишь, что я не доделал, он доделает. Да и мне спокойнее, если вы вдвоем будете, присмотришь за ним заодно.

Герман кивнул, пока не особо понимая, что происходит. Уяснил только, что его подозрения по поводу Гротта для наставника были как на ладони, и он не видел для них оснований. Пожалуй, только ради этого стоило отправляться в такую даль. Все-таки, как он ни старался это подавить, но Герман хотел бы иметь Гротта в союзниках, хотел быть уверенным в нем. Так что в некотором роде часть груза спала с плеч.

— А что скажете мне про Альберта? — спросил он, решив опустить прелюдию. Все и без того пошло не по плану. — Кто-то стер его память, я не знаю, зачем и не знаю, кто. Возможно, Альберт до сих пор в опасности.

— В опасности, — спокойно подтвердил Арефий и посмотрел на небо. Солнце почти село, и сумерки заволакивали небосклон перистыми облаками. Теплый вечерний ветерок сменился прохладой, в пору было пожалеть об оставленной дома куртке. — Не стоило бы тебе в это дело соваться, да не отступишь ты. Уж я-то знаю.

— Не отступлю.

— Так его любишь?

Герман упрямо наклонил голову:

— Люблю. Вам известно, почему.

Арефий вынул ноги из воды и поднялся. Герман поспешил сделать то же самое. Мокрые ноги тут же замерзли на ветру.

— Это сделал не я, — серьезно сказал наставник. — Но меня просили. И не память ему стереть надо было, а надо было самого Альберта стереть, чтобы даже воспоминания о таком человеке не осталось. Не каждый из нас способен создать новую личность взамен старой, вот и я не взялся. Да и нехорошо это. Дурно.

— Кто? Кто просил? — Герман подался вперед, почти хватая наставника за ворот туники. Ответ был совсем рядом, руку протяни.

— Рано тебе это знать, — нахмурился Арефий. — Люди эти те, с кем тебе пока не тягаться. Но ты умный, ты сам поймешь потом. А не умом, так сердцем, оно, знаешь ли, тоже полезно бывает.

— Я прошу вас! — Герман вовсе не собирался отступаться, несмотря на нежелание наставника говорить открыто. — Я прошу! От этой информации зависит жизнь Альберта. Альберта, который...

Он запнулся, с удивлением замечая, как испаряется привычное самообладание. Он и правда готов был умолять, если понадобится. Но только не уехать ни с чем.

Наставник с отеческой нежностью потрепал бывшего ученика по взъерошенным от ветра кудрям:

— И правда любишь. Всегда любил, хотя ненавидеть должен. Вот, что я тебе скажу. Есть человек, способный такое сотворить с твоим другом, да только в том проблема, что мастер он. Оттого и непонятно мне, как случилось такое с Альбертом, что остался он разрываться между двумя личностями. Будто процесс остановился или помешало ему что. А это, знаешь ли, может плохо кончиться.

— Так где мне найти этого человека? — Герман сжал кулаки. — Я сам узнаю имя заказчика. От него и узнаю, когда отыщу.

Наставник мягко улыбнулся:

— Сам не отыщешь. Но ты знаешь, у кого помощи попросить можно. И будь осторожен — иногда разгадка опасней неведения.

Герман вышел из телепортационной рамки на следующий день. То есть, выйти традиционным образом у него снова не получилось — вылетел спиной вперед, будто его в телепортационном тоннеле незаметно развернуло. Хорошо еще, никто под удар не попал, хотя женщина, выходявшая прямо перед ним, коротко взвизгнула. Герман извинился, отряхнулся и, забрав багаж, отправленный по отдельному каналу, покинул станцию.

Было очень любопытно взглянуть на устройство телепортационной сети магическим зрением, но инициация на способностях Германа никак не отразилась. Глупо было ждать мгновенных результатов, но все равно остался легкий осадок разочарования. Сеть, связывающая все миры Ойкумены в единое целое, всегда интересовала Германа, как что-то невидимое глазу, но превосходящее все, что он мог себе представить. Вот ты делаешь шаг в

своем мире. Секунда — и перед тобой какой-нибудь Виндштейн, находящийся в самом отдаленном секторе Ойкумены. Секунда, а за это время тебя пронесит по магическому тоннелю через половину обитаемых миров. Чудеса да и только.

Герман вышел на площадь, сощурился на палящее солнце и усмехнулся. Дома хорошо, но и тут, в Визании, ему стало как-то по-особенному уютно. Наверное, потому, что здесь Берт и новые друзья. Радуюсь, что никто из них (в особенности Рене) его таким не видит, он пошел через центр города в сторону училища. По пути же решил заглянуть еще в несколько магазинов, раз уж выдалась такая возможность.

На занятия можно было не спешить — в училище был выходной день. Не такой, как перед инициацией — предпраздничный, а самый обычный, поэтому вероятность встретить однокурсников была достаточно мала. Герман передумал идти сразу в общежитие и прошелся по тем магазинам, посетить которые не успел в прошлый раз.

Последней в списке оказалась лавка готовой одежды, где Герман приобрел сменную рубашку привычно белого цвета и, немного поколебавшись, прихватил к ней длинный узкий галстук. Этот незнакомый аксессуар так понравился ему на манекене, что он просто не сумел удержаться. Долго вертелся вокруг, соображая, как будет потом с ним справляться без посторонней помощи, но все-таки попросил упаковать. Вдруг однажды все-таки решится пригласить Дзюн на свидание?

Продавщица с нескрываемым любопытством покосилась на смущенного Германа и протянула последний сверток.

— Наверное, к свиданию готовитесь? — вежливо, но с глубоко затаенным чисто женским любопытством, поинтересовалась она. — Вам очень пойдет, уверена, ваша девушка оценит.

Герман вздрогнул и выронил пакет. Она прочитала его мысли? Неужели, менталистка?

— Ну что вы, не смущайтесь так, — поспешила успокоить его продавщица и неловко рассмеялась.

— Простите, — пробормотал он в ответ, незаметно усиливая ментальный блок, но чутье все же подсказывало, что мысли его никто не читал.

— Вы ведь издалека откуда-то? — девушка картинно вздохнула. Герман поднял сверток и уложил в один из пакетов с покупками.

— Из Ландри.

— Ой, как далеко! У нас так редко прибывают оттуда маги, тем более в военное училище. Вы ведь там учитесь, да? У меня брат старший поступал, но тесты не прошел. Или как это там у вас называется, — она беззастенчиво покосилась на его идентификационный браслет, торчащий из-под замявшегося манжета, и выдохнула почти благоговейно. — Инициированный маг... Говорила брату, учись, дурачина.

Герман хотел ответить, что в его мире магия — удел привилегированных особ, а те уж точно не посещают лавки с недорогой одеждой, но не успел. Знакомые ощущения закололи затылок. Герман торопливо подхватил покупки и прильнул к окну. Пахнуло морозной стужей, и в толпе напротив лавки мелькнула невысокая крепкая фигурка с двумя тяжелыми русыми косами.

Стефания прошла мимо, даже не взглянув в его сторону, и она явно не просто так прогуливались. Что ей снова потребовалось в городе, Герману было не интересно, все же это ее законный выходной, но в груди все равно копошилось какое-то неприятное чувство. Девушка всегда была на шаг впереди него, даже инквизиторскую библиотеку она посетила несколькими минутами раньше. Что если за пару дней его отсутствия, она докопалась до чего-то интересного? И ведь не расскажет же, а для него это очень важно.

Как бы Герман не хотел, подавить в себе неприятный порыв обиды не удалось, и он наскоро попрощался с продавщицей и вышел из лавки до того, как ушлая девица начала задавать неуместные вопросы.

Стефания вновь его не заметила, впрочем, она уже успела превратиться в темный силуэт на фоне ярких красок улицы. Чтобы не провоцировать себя на необдуманные поступки, Герман свернул на соседнюю улицу и направился в сторону училища. Или, если быть точнее, до рейсового лайнера — прибегать к помощи телепорта еще раз не хотелось. И каково было его удивление, когда спустя несколько кварталов, он едва не столкнулся с соседкой на перекрестке. Стефания обогнала его, не поднимая головы и что-то внимательно изучая в небольшой записной книжке. На лице была растерянность, в душе

смятение. Как Герман не пытался, он не мог абстрагироваться от ее эмоций, даже сейчас.

Решив немного переждать, Герман встал у лавки с цветами и, чтобы не вызывать подозрений, купил несколько ромашек.

— Эмилия?

Герман не обратил бы внимания на этот крик, если бы его не окатило волной испуга и нарастающей паники. Он поднял голову и увидел Стефанию — она обернулась на мгновение и внезапно дала деру.

— Ты же Эмилия? Подожди! — понеслось ей вслед.

От необдуманных поступков уберечься не удалось. Герман действовал быстрее, чем успел сообразить и выскочил наперерез преследователю. Вверх взметнулись покупки, купленные цветы рассыпались по мостовой.

— Простите, простите, пожалуйста, — забормотал Герман, поднимаясь с земли, но не спеша подавать руку незнакомцу. Прикасаться к чужому человеку себе дороже, но тот и не просил помощи. Сам вскочил на ноги, заозирался по сторонам, но, в конце концов, тоже сдался.

Герман осторожно просканировал его и, убедившись, что никакой угрозы он не представляет, подобрал свои пакеты.

— Это вы меня простите, — незнакомец раскланялся и помог собрать мятые цветы. — Букет вам испортил.

— Ничего, мелочи. Новый куплю, — Герман улыбнулся, внимательней присматриваясь к молодому мужчине. Сам не понимал зачем, но информация никогда не бывала лишней.

Перед ним стоял, чуть нервно перебегая взглядом с Германа на толпу и обратно, молодой человек, не намного старше Гротта. Светлые, будто выбеленные волосы немного спутались после падения, но почти сразу легли в идеальную прическу. Кожа белая с чуть заметными веснушками на носу, глаза светло-стального цвета. Типичный уроженец какого-нибудь из миров Северного сектора. Но Герману он кого-то очень напоминал, но сосредоточиться на нужных воспоминаниях не получалось.

Позади с надеждой на них смотрел торговец цветами, однако Герман не собирался обновлять букет — он собирался найти

Стефанию. В отличие от северянина, который не был уверен в необходимости искать девушку, Герман помнил, куда она свернула.

— Простите еще раз, — легко поклонился он. — Надеюсь, вы не держите на меня зла.

— А? Нет, конечно, нет, — молодой человек вяло улыбнулся. Его мысли были заняты другим, он недоумевал и, кажется, испытывал что-то похожее на надежду. В любом случае, Герману было с ним не по пути.

Он устремился за Стефанией, и отыскать ее по паническому следу не представляло особой сложности.

Урок 19. Выпивая с учителем, не забывайте следить за своим языком

Девушка обнаружилась в маленьком переулочке в квартале от цветочной лавки — сидела на корточках в узком проулке между домами. Герман облегченно выдохнул:

— Вот ты где.

Девушка тихо вскрикнула и отшатнулась, пряча от него заплаканное лицо. Не удержавшись, шлепнулась прямо в пыль и жалобно пискнула. Из разодранной коленки сочилась кровь. Герман, казалось, был готов ко всему, но такая Стефания его поразила. От печального и жалкого зрелища кольнуло в груди.

— Идем, — Герман взял Стефанию за руку, помог подняться, и та безвольной куклой поплелась следом. Уже одного этого достаточно, чтобы понять — случившееся недоразумение далеко им не являлось. Неподалеку, как по заказу, нашлось уличное кафе за кованной оградой. Герман выбрал укромный столик под зонтиком в самом углу и усадил Стефанию на плетеный стул. На соседний кинул пакеты и ушел. Вернулся спустя полминуты с аптечкой и стаканом воды, рану следовало хотя бы продезинфицировать.

А девушка так и сидела с опущенной головой и никак не реагировала на происходящее вокруг.

— Возьми, — Герман вложил в ее руку чистый носовой платок и опустил перед ней на одно колено. — Вытяни ногу. Будет щипать.

И только это привело Стефанию в чувство. Она подтянула под себя ногу и неожиданно робко запротестовала:

— Не трогай, я сама.

Но при этом не разозлилась, подумал Герман, и сел на стул напротив. Подошла девушка с подносом:

— Что-нибудь будете? Курсантам Военного училища сегодня скидка пять процентов.

Герман бросил на сжавшуюся в кресле соседку задумчивый взгляд и попросил:

— Два лимонада и десерт. На ваш вкус, — он с удовлетворением отметил, как прислушалась к его словам Стефания, и спохватился. — Хотя нет, давайте горячий шоколад.

Почему-то вдруг показалось, что она, всегда такая холодная, должна его любить.

Когда официантка ушла выполнять заказ, он перегнулся через столик, беря Стефанию за руку, ледяную на ощупь и какую-то безжизненную:

— Давай поговорим, хорошо? Просто поговорим. Тот человек...

— Я не Эмилия! — вдруг громко воскликнула она, и из глаз брызнули слезы. Глядя на эти искренние эмоции, Герман понял, что не отпустит ее, пока не успокоит.

— Знаю, — мягко произнес он, сжимая ее пальчики.

— Это ошибка.

— Конечно, ошибка.

Стефания судорожно вздохнула, жалобно сморщилась и зарыдала. Надрывно, горестно, но совершенно беззвучно. Слезы лились по покрасневшимся щекам, и девушка даже не делала попытки их утереть. Настоящая Стефания вырвалась на волю. Наверное, она всегда была именно такой, но, как и Герман, создала вокруг себя непроницаемый панцирь. Герман придвинулся ближе, беря ее ладонь обеими руками. Прикрыл глаза и едва не взвыл сам.

Внутри у Стефании было так горько, муторно и вязко, что сердце щемило от тоски. Ей было больно, так сильно больно, как Герман прежде и вообразить себе не мог. А она носила в себе эту боль каждый день.

— Стефания...

Она посмотрела на него, в голубых глазах еще дрожала блестящая пелена слез.

— Ничего не спрашивай, — глухо попросила она. — Пожалуйста.

И ее пальцы дрогнули, хватаясь за его ладонь.

Они просидели в кафе, наверное, довольно долго, но Герман не следил за временем. Каплю за каплей, он вытягивал из девушки негативные эмоции. Ненавязчиво и деликатно, чтобы не задеть ее пока еще спящей гордости. Под конец Стефания расслабилась достаточно, чтобы перестать плакать и даже выдать что-то вроде благодарной улыбки.

— Спасибо тебе, — слова были искренними. — Я оказалась слабее, чем хотелось бы.

— Ты девушка, — мягко возразил Герман. Усталость накатила не вовремя, и его немного подташнивало.

— Я будущий солдат, — она как всегда слишком строга к себе. Достала платок и быстро привела лицо в порядок. Герман с улыбкой наблюдал за ее неуверенными попытками поправить прическу и, поднявшись и обойдя ее вокруг, аккуратно вставил за ушко крупную белую ромашку. Завалилась в один из пакетов и потому не помялась.

Лицо Стефании окаменело. Рука метнулась к волосам, но замерла на полпути.

— Идем?

Она медленно кивнула и поднялась на ноги. Ее все еще что-то терзало, но страх и отчаяние легли на дно, до поры до времени. И пусть до самого училища они больше не перекинулись ни словом, эти полчаса в уличном кафе стали настоящей победой Германа.

Герман отсутствовал всего три дня, а его завалили новостями, стоило только пересечь порог комнаты. Берт подсовывал конспекты, которые старательно вел специально для лучшего друга, Рене перебирал последние сплетни, из которых больше всего Германа заинтересовало неожиданное возвращение Ролана. На инициации он не присутствовал, но все заметили на его запястье идентификационный браслет. Впрочем, подписанных документов о его отчислении как раз никто не видел.

До самого вечера Герману не удавалось побыть наедине с собой, однако оставалось еще одно дело, с которым лучше не тянуть.

— Ты куда? — вскинулся Берт. Вроде только что сидел, склонившись над конспектом, как уже большими блестящими глазами следил за тем, как Герман надевает форменный китель и достает из шкафчика что-то, завернутое в ткань. Это таинственное что-то издало подозрительно булькающий звук, ударившись о дверцу, и со своей полки свесился заинтересовавшийся Рене:

— Это что у тебя? Бухло? Откуда? Почему не делишься?

Герман поспешил отмахнуться от назойливого приятеля, сунул сверток под мышку и буквально выскочил за дверь.

Матушка ответственно подошла к сборам любимого сына в дорогу, к тому же урожай как раз поспел. Герману пришлось освободить целую полку под гостинцы, большую часть из которых желательно съесть как можно скорее, чтобы не развоняться на все общежитие. Впрочем, для одного довольно важного, хоть и не самого приятного дела, все это богатство могло сгодиться. Герман привык прислушиваться к советам наставника, поэтому кувшинчик домашнего матушкиного вина припрятал от друзей и собирался преподнести ни кому иному, как Вальтеру Гротту.

Со стороны это, как ни крути, выглядело банальной взяткой, но Арефий вполне уверенно велел это сделать, а он никогда не ошибался.

С наступлением комендантского часа территория училища радовала чувствительного Германа блаженной тишиной, как обычной, слышимой ухом, так и тишиной в эмоциональном плане. Приближалась смена сезонов, и по вечерам становилось немного прохладно. Герман пересек территорию и подошел к общежитию для преподавательского состава. По дороге решимость его несколько поколебалась. Да и само предприятие по примирению с человеком, к которому до сих пор не испытываешь ни капли доверия, отдавало лицемерием.

Перед крыльцом Герман остановился и с плохо скрываемым унынием поглядел на окно третьего этажа. Отчего-то он не сомневался, что это те самые окна. На мгновение даже показалось, что шторка колыхнулась, будто кто-то только что выглядывал на улицу.

Герман решительно поднялся по ступенькам и протянул руку к кнопке оповещения, однако дверь отворилась сама. К ней даже не пришлось прикасаться.

Небольшой чистенький холл имел две лестницы в противоположных сторонах, но Герман недолго колебался. Все-таки память его редко подводила. Миновал два лестничных пролета и на третьем свернул в тускло освещенный коридор. Нужная дверь, как стало заметно еще издали, была приветливо приоткрыта.

— Какая забота, — проворчал Герман, что на него вовсе не похоже, и он это понимал.

Гротт поджидал его при полном параде, только пафосный камзол заменил на более привычный для большинства пиджак, правда, тоже бархатный, а сапогам предпочел мягкие домашние туфли.

— Добрый вечер, — нейтрально поприветствовал Герман, чувствуя сильнейшее смущение. — Вы меня ждали.

— Разумеется, — фыркнул Гротт, не делая попытки облегчить ему жизнь. — Ты бы еще на ромашке погадал, идти или не идти.

Герман вспыхнул, но от резкого ответа воздержался. Прошел к столику и без слов поставил на него кувшинчик. Совершенно не представлял, что в таком случае стоит говорить и стоит ли вообще. Гротт оттолкнулся от стены, которую до этого с безразличным видом подпирал, и скрылся в другой комнате. Спустя минуту он вернулся и так же молча поставил на стол два бокала. Потом быстро подошел к двери и запер.

Германа это встревожило. Он бросил на учителя короткий вопросительный взгляд. Тот бросил всего одно короткое слово:

— Кишман.

Герман кивнул:

— Ясно.

Оба сели по разные стороны стола. Гротт разлил вино по бокалам и протянул один Герману.

— Мне нельзя, я...

— Совершеннолетний, — перебил Вальтер. — И по приказу старшего по званию. Пей.

Герман подавил вздох и пригубил напиток. Матушка делала изумительное домашнее вино, не слишком крепкое и достаточно сладкое на вкус Германа, ничего слаще морковки не евшего. Гротт тоже отпил, не сводя с него внимательного изучающего взгляда. Перед учителем Герман всегда чувствовал себя, как говорят, совершенно голым, будто каждая его мысль горящими буквами отпечатывались на лбу. Он попробовал отвлечься и расслабиться, но это оказалось куда сложнее, чем он полагал.

— И как там поживает этот склочный старикашка?

Герман вздрогнул, едва не расплескав вино, впрочем, несколько рубиновых капелек все-таки испачкали кружевную скатерть. Гротт проводил их недолгий полет тоскливым взглядом и повторил:

— Так что? Еще не собрался в лучший мир?

— Наставник полон сил и не собирается умирать, — процедил Герман, не понимая, к чему этот нарочито грубоватый вопрос. Какой бы гранью ментального дара не владел Гротт, его сила была настолько

подавляющей, что даже за сохранность своих мыслей Герман поручиться не мог. Он увеличил мощность своего блокиатора, надеясь, что успел скрыть хотя бы самое личное. Вальтер довольно усмехнулся и заметно расслабился, отчего стало ясно, как сильно он был напряжен до этого.

— Он порочил мое доброе имя? — исподволь продолжил допытываться Гротт, смакуя и перекачивая во рту вино. — Можешь не отвечать. Вижу, что да.

— Это не так, — из упрямства возразил Герман, а любопытство меж тем заводилось все сильнее, ему не мешала даже тяжелая атмосфера за столом. Гротт самоуверенно усмехнулся, только убеждаясь в своей правоте, и Герман устремил к нему свои сенсоры, но тщетно. Уловить удалось лишь терпкий аромат превосходства, а попытаться активнее он пока не рисковал.

— Тогда почему ты думаешь обо мне, как о враге?

Герман не сразу нашелся с ответом. Вальтер ждал, не сводя с него глаз, мягко мерцающих за стеклами очков.

— Потому что у меня нет основания вам доверять, — Герман ответил обдуманно и взвешено, но все равно осталось ощущение, довольно неприятное, будто его вынудили признаться. — Вы что-то скрываете.

— А ты нет? — Гротт оставался все так же спокоен, но спокойствие это могло бы обмануть кого угодно, но только не Германа.

— Уверен, мои тайны куда менее существенны и, — он решил закинуть удочку, — опасны. Мое прошлое чисто.

— Ой ли, — Вальтер, наконец, залпом допил остатки вина и педантично промокнул губы салфеткой. — Ты ведь помнишь, что твой друг оставил мне свою шпагу? Я поработал над ней и могу уже с полной уверенностью заявить, что знаю, кто такой этот несуществующий Альберт Кельвин. Мне стоит озвучить это вслух?

У Германа похолодело в желудке. Дрогнувшей рукой он поставил бокал и заставил себя посмотреть учителю в глаза:

— Если об этом станет известно, жизнь Берта подвергнется угрозе.

— Я знаю.

— Я пришел с добрыми намерениями.

— И это я тоже знаю, — усмехнулся Гротт. — Только до комнаты их не донес.

Герман резко поднялся:

— Перестаньте! Не знаю, как, но вы лезете в мою голову без разрешения. Вторгаетесь в личное пространство, оскорбляете моего наставника...

— Он и мой наставник тоже, — холодно перебил Гротт, вслед за ним поднимаясь на ноги. — Был им. Благодарю судьбу, что вовремя от него ушел.

Герман поздно заметил, как резко снизилась мощность кольца-блокатора. В голову тут же ударили чужие эмоции — острые и холодные, как острие клинка. Они закружили Германа, погребли под собой. Он задышал ртом, потому что не хватало кислорода. Он тонул и не знал, как выбраться. И одновременно с этим внутри него происходило еще что-то.

“Все хорошо, Герман. Просто слушай мой голос. Держись за него”.

Герман и правда “вцепился” в знакомый звук и вынырнул из воображаемого водоворота. Такого с ним еще никогда прежде не случалось, только когда в детстве он потерялся в городе и попал в самую толпу. Но даже тогда было не так страшно.

— Теперь понятно, почему Арефий выбрал тебя.

Герман открыл глаза и обнаружил, что сидит на диванчике, по лицу стекает вода, волосы липнут ко лбу мокрыми завитками. Вальтер Гротт стоял у окна и смотрел на улицу. Герман попытался встать и у него не сразу, но получилось.

— Что со мной случилось?

— Откатная волна. Мы оба виноваты. Я — что ослабил защиту, ты — что полез, куда не надо, — Гротт повернулся к нему. — Ты хотя бы понимаешь, что твой ментальный дар слишком силен, чтобы оставить его развиваться бесконтрольно? Арефий тебе этого не объяснил? Будь на моем месте кто-то другой, пропали бы оба. Двум менталистам вообще лучше не проводить много времени рядом.

Герман покачнулся, но рядом по счастью оказался узкий книжный стеллаж.

— Не говорите никому про Альберта. Я... я прошу вас.

Лицо Гротта на мгновение некрасиво скривилось. Он быстро отвернулся, пряча выражение глаз:

— Преданность, преданность... Как все это глупо. Герман, ты идиот.

Герман ждал ответа. Прочее сейчас отошло на второй план. Он не верил Гротту, пугала его подавляющая сила, а умение угадывать мысли вызывало в душе протест и отторжение. Герман не стал прятать этих чувств, все равно скрыть что-то не получилось бы.

Гротт овладел собой достаточно, чтобы закончить неприятный обоим разговор:

— Не скажу. Пока. Подведем же итог, — он сцепил руки за спиной, как на уроке. — Ты пришел ко мне по совету наставника, чтобы показать дружественные намерения, однако сам в это не верил, потому что видишь во мне врага и, полагаю, подозреваешь меня в воздействии на Альберта. Я прав? Что ж, все это и так лежало на поверхности. Для тебя я — циничное чудовище, и это тоже нормально. Надеюсь, мы оба удовлетворены этой встречей.

На выходе он остановил Германа и кинул ему шпагу:

— Передай владельцу. Магическая печать снова действует, я приглушил ее, но лучше лишний раз оружием не светить, чтобы не вызывать вопросов. И можешь задать вопрос, который вертится у тебя на языке.

Герман в очередной раз заставил себя не реагировать на невольную провокацию:

— Вы ведь можете создать новую личность в человеке?

— Теоретически могу, — не стал он отрицать. — Но точно так же можно предположить, что и ты на это способен. Дело не в силе, а в умении. И да, у меня его нет. Но ты ведь все равно будешь копать, пока не докопаешься до правды самостоятельно.

Герману нечего было на это ответить, и он просто отвернулся и ушел.

На самом деле он и сам себе не мог объяснить, отчего так упорно стремится найти за учителем Гроттом хоть какую-то вину. Можно свалить все на предчувствие или интуицию, но Герман не привык отмахиваться от таких вещей. Если есть подозрение, надо в нем разобраться. Кое-что поход к Гротту все-таки дал — заверения в непричастности выглядели вполне искренними, так что, скорее всего

менталистом, поработавшим над Бертом, был не он. Но много ли их, таких сильных ментальных магов? Как это узнать, не прибегая к помощи одного из них?

Герман остановился, пропуская идущую ему наперерез пару курсантов первого потока. Сам он остался в тени, чтобы не привлекать внимания, но один из парней — невысокий, с по-девичьи длинной косой — безошибочно отыскал его взглядом.

— Что такое, Фо? — его друг тоже заозирался в попытке хоть что-то разглядеть. Безуспешно.

Герман встретил пронзительный взгляд длинноволосого, и тот равнодушно отвернулся:

— Ничего.

В остальном обратный путь прошел без приключений. Герман поднялся на третий этаж и прислушался к доносящимся из-за двери комнаты 313 звукам. Будто было мало стрессов на сегодня. Герман вздохнул, собираясь с силами, и толкнул дверь.

Рене с ногами сидел на столе, вооружившись отверткой, и сосредоточенно сопел. Под задранным рукавом рубашки гладко поблескивал идентификационный браслет, и именно его рыжий старательно, но, к счастью, безрезультатно колупал отверткой. Именно этот скрежещущий звук так встревожил Германа в коридоре.

Берт отирался рядом, с нездоровым оживлением наблюдая за процедурой и периодически порываясь помочь. Девушки расположились на отдалении: Стефания сидела на подоконнике, а Ситри прямо на полу, привалившись к кровати. В руках она держала учебник по межмировой истории, что Герман отметил машинально, чисто из любви к предмету.

Когда сложилась полная картина творящегося безобразия, он все-таки вскричал, несмотря на поздний час:

— Ты... Ты что творишь?!

Рене поднял голову, сдул с носа выпавшую из-под ремешка очков прядку, и удивленно спросил:

— А что? Не видно что ли?

И еще раз со скрежетом провел острием по браслету. Германа передернуло от возмущения:

— Немедленно перестать! Ты сдурел совсем? Это же идентификационный браслет, на него записаны все твои магические

параметры и регистрационные данные! Это твой магический... — он замолк, подбирая подходящий и понятны товарищу синоним. Вспомнился только один, подслушанный уже здесь, в училище, — паспорт! Сломаешь его и все.

Слова у Германа все-таки кончились. Голову снова повело, и он не стал продолжать. Хотя в душе все просто кипело от негодования. Он так стремился поступить, для него, сына крестьянки, безотцовщины из феодального мирка, учеба в Визании была пропуском в настоящую жизнь. Когда на инициации Вальтер Гротт защелкнул на его запястье браслет и произвел настройку по симбиозу с внутренними энергетическими каналами, Герману показалось, что внутри все перевернулось и пошло вспять. Он не стал видеть магические потоки, не приобрел запредельные магические силы, но почувствовал себя частью Сердца. Отныне его данные внесены в систему организации магических потоков, он мог называть себя магом с полным на то правом.

А Рене будто не ощущал всего этого.

— Да не сломаю, не бойся, — отмахнулся рыжий. — Не уверен, что его вообще можно сломать, это же не просто механизм или бытовой артефакт. Другой уровень.

— Тогда зачем ты это делаешь?

Вместо Рене влез Альберт. Доверительно улыбаясь, он встал между ними:

— Он сказал, что хочет изучить его устройство. А если получится, создать что-то новое на его основе.

Стефания тихо фыркнула, и Герман мгновенно переключился на девушек.

— Ситри! — воззвал он к ней, как к самой вменяемой. — Почему ты не остановила этого кретина?

Она отвлеклась от учебника и рассеянно посмотрела на него:

— Зачем?

— Еще спрашиваешь? — довольно миролюбиво усмехнулась Стефания. — Твой приятель, ты с ним и нянчись. Набрал себе целый детский сад. В следующем году обязательно подам прошение о переводе на первый поток.

— Да кто тебя возьмет? — в тон ей фыркнул Рене. — Даже через постель не прокатит, потому что никто директора не видел еще. Может,

он старый совсем.

Стефания покраснела еще сильнее:

— Hálfviti!* Чтоб тебя Белая Волчица сожра... — она резко замолчала, получив от подружки болезненный шлепок по ноге, но все-таки бросила обиженно. — Идиот.

Берт забежал глазами с одного лица на другое, не зная, что делать:

— Ребят, вы чего? Фанни, не ругайся, особенно на своем языке, Рене же ничего не понял. Герман, где ты был? Почему без меня? И почему ты так смотришь? Герма-а-ан!

Герман вздрогнул, опуская взгляд. К щекам прилила кровь, стоило только осознать мысль, от которой его отвлек Берт. Стефании удивительно шел румянец, с ее белоснежной кожей и темными косами...

Рене неделикатно кашлянул.

— Ах, да, — Герман нахмурился, возвращаясь к началу. — Никакие эксперименты не оправдывают порчу личного идентификационного браслета. Мы с ними связаны.

Но и Рене больше не улыбался. Опустив рукав, он слез со стола.

— Хорошо. Я все понял. Но не думаешь ли ты, господин Умник, что пора кое-что обсудить?

Все как по команде сгрудились вокруг. Герман снова почувствовал в груди нарастающую тревогу. Рене скрестил руки на груди и вызывающе оглядел товарищей. Выждав паузу, он тихо спросил:

— А вам не кажется, друзья, что нас надули?

* Hálfviti — идиот

Урок 20. Если результата не видно, это еще не значит, что его нет

Рано утром четыре дня назад их разбудил не привычный сигнал к началу учебного дня, а отвратительно бодрый и радостный голос из динамиков.

— Подъем, подъем! Мальчики, скорее натягиваем штаны, девочки, будьте аккуратнее с чулками! В этот особенный день вы должны быть неотразимы, блистательны и вообще не похожи на себя, потому что это день вашей инициации! Как, вы еще под одеялом? Забыл сказать, что общий сбор перед главным входом через двадцать минут. Ваш обожаемый студсовет.

Последнюю фразу заглушил дружный скрежет зубов поднятых раньше времени курсантов.

Герман успел и помог успеть другим. Пока Берт и Рене наскоро умывались, он прошелся утюгом по мятому кителю друга и вытряс крошки из карманов рыжего. Девушки опровергли общепринятое мнение о медлительности своего пола и собрались точно к сроку. Вся компания неожиданно слаженно двинулась к месту сбора.

Второй поток гудел потревоженным пчелиным роем. Два учителя заканчивали налаживать уже знакомые переносные телепорты.

— Я прям даже волнуюсь, — признался Рене и неловко пригладил волосы, которые все равно тут же вернулись к прежнему беспорядку. Очки пришлось оставить в комнате — сильные артефакты с собой брать запрещалось. — Мало ли, чего там с нами сделают.

— Тебя точно налысо обреют, — хохотнула Ситри и дружески пихнула его в бок. Берт едва успел подхватить летящего на него рыжего.

— Не позволю! У моих волос уникальный цвет! Берт, скажи ей!

Герман в душе порадовался этой небольшой пикировке. Пока товарищи дурачились, маскируя естественное волнение, он нашел глазами Дзюн Мэй и с улыбкой кивнул. Девушка серьезно кивнула в ответ, но не подошла.

Спустя минут десять телепорт был установлен и настроен, и курсантов по цепочке начали отправлять в неизвестность. Герману выпало идти замыкающим, прямо перед ним скрылась в серебристо-сиреневой вспышке спина Альберта.

— Что стоим? Живее, — поторопил учитель, и Герман шагнул в рамку портала.

Берт и Рене были готовы и подхватили рухнувшего им на руки Германа.

Разочарования начались тогда, когда вместо ожидаемого помпезного здания, отвечающего уровню готовящегося мероприятия, группа обнаружила себя возле бетонных порожков, которые любовно подметал пожилой дворник с окладистой бородой. Двери тоже оказались не трехметровыми арочными створками, а самыми обычными, за которыми начиналась не красная ковровая дорожка, а только унылый коричневый пол. Стефания громко фыркнула, а Вуди что-то возмущенно пропищал. Откуда-то возник Вальтер Гротт и быстро навел порядок. Все расселись на жесткие сиденья вдоль стен и приготовились к долгому ожиданию.

То, что оно обещало быть долгим, стало ясно после того, как первый из курсантов скрылся за дверью в соседнее помещение. Что там с ним происходило, никто, разумеется, не знал, а Гротт покинул приемную, оставив группу в тревожном одиночестве. Заняться было нечем, и потихоньку каждый начал выдвигать теории, одну нелепее другой. Немудреное развлечение на некоторое время отвлекло от волнения, пока не огласили имя следующего курсанта.

— Курсант Дзюн Мэй! Оставьте ваши артефакты в ячейке хранения и пройдите в зал для инициации.

Дзюн сняла с шеи камешек на цепочке, вынула из волос длинные острые шпильки с кисточками, достала из воротника крохотную булавку, оторвала верхнюю пуговку кителя... В общем, ячейку заполнила до отказа.

Дверь за Дзюн закрылась и не открывалась еще полчаса. Обратно девушка так и не вернулась.

Когда дошла очередь до Рене, он предпринял попытку скрыться на улице, но двери оказались заперты.

— Курсант Вильтрауд! Повторяю, курсант Вильтрауд, оставьте ваши артефакты в ячейке хранения и пройдите в зал для инициации.

Берт вцепился в рукав Германа, но его все-таки вызвали первым. Юноша шмыгнул носом и, зажмурив глаза, просочился в щелку приоткрытой двери. А никто так и не вернулся.

Герман отлично чувствовал давящее напряжение каждого из оставшихся сокурсников. Особенно выделялась Стефания, казалось, она была соткана из сплошных натянутых нервов. Только тронь, обрежешь пальцы. Кроме нее и Ситри больше никого не осталось.

— Курсант Герман! Оставьте ваши артефакты в ячейке хранения и пройдите в зал для инициации.

Герман поднялся, оглянулся на девушек и, улыбнувшись, снял кольцо с пальца. Но даже мысленно приготовившись, он все-таки вздрогнул от их сдвоенных переживаний, причем Стефания переживала из-за инициации, а Ситри — из-за подруги. Не дожидаясь повторного приглашения, Герман вошел в дверь.

В первую секунду он ослеп от яркого света, бьющего прямо в лицо, прикрыл глаза ладонью и из-под “козырька” попытался оглядеться.

— Уровень 6,5 из 10 по классической шкале измерения магического потенциала, — прозвучал откуда-то с потолка невыразительный голос. — Присваиваю класс “Дуо”, идентификационный номер 91881120709.

Герман растерянно опустил руку, поморгал, отгоняя цветные круги перед глазами. Но тут же кто-то подлетел и схватил за локоть:

— Идемте-идемте, курсант Герман. Нина, ты подготовила документы для подписи?

Девушка в огромных круглых очках положила ладонь на стеклянный куб, который от ее прикосновения засветился и гулко завибрировал.

— Уже. Пожалуйста, поставьте подпись тут, тут, тут и вот тут, — она сунула Герману стопку листов, появившихся откуда-то из недр стеклянного куба. — В пяти экземплярах.

“Примечание: организация не несет материальной и юридической ответственности в случае гибели обучающегося во время обучения”, — выцепил Герман строчку в самом низу, по традиции мелкую и едва заметную. Оптимизма она не внушала.

Потом его подняли и сдали с рук на руки двум девушкам в одинаковых формах медицинского отделения. Они долго брали

всевозможные анализы и слепки магической ауры, потом штатный психолог задала несколько вопросов касательно ментального дара, после чего выдала справку, в которой значилось, что его психические возможности достаточны для того, чтобы не представлять угрозы для мирного населения.

— Раз в полгода вам надлежит проходить психическое освидетельствование по месту фактического пребывания, — с улыбкой напутствовала она. Герман забрал странную бумажку и пошел дальше.

Длинный кишкообразный зал походил на полосу препятствий. Еще через десяток шагов его снова поймали и запихнули в небольшую изолированную камеру с тяжелой стальной дверью. Оставшись внутри в одиночестве, запертый и изрядно обескураженный, Герман едва не поддался панике, с ужасом думая, как все эти экзекуции пережил чувствительный и ранимый Альберт. Где-то здесь он наверняка должен был разразиться бурными рыданиями. А Стефания скорее всего будет сыпать проклятиями на двух языках, если не больше.

Мысли о друзьях помогли успокоиться.

— Широко откройте глаза и не закрывайте, пока не прозвучит сигнал.

Герман дернулся, когда отовсюду полился слепящий белый свет.

— Благодарю. Можете закрывать.

Герман вытер слезы, но вместо свободы его ждал еще ряд непонятных процедур. Он клал руку на прозрачный шар, ни с того ни с сего появившийся в воздухе перед ним — это снятие отпечатков. Мерзкий шум в голове — измерение волновой активности головного мозга. Под конец, когда дверь все-таки распахнулась, и Герман выполз наружу, казалось, в нем не осталось ни капли сил.

— Курсант Герман, подходите сюда, — услышал он голос Вальтера Гротта и поспешил на зов единственного знакомого тут человека.

— Учитель Гротт!

— Я вижу, как непривычно вы рады моему обществу, — съязвил тот и протянул руку. Позади него высились огромные металлические шкафы с запертыми ячейками. — И я весьма польщен.

— Это и есть инициация? — задал Герман бестолковый вопрос, но промолчать не смог.

— По-моему, всем объявляли о ней. Или вы были слишком увлечены вашим другом? Руку.

Герман выполнил требование, и прохладные пальцы Гротта обвились вокруг запястья.

— Напутственную речь зачитывать не стану, так что, — он резко вытащил из-за спины вторую руку и защелкнул на запястье Германа широкий металлический браслет, — поздравляю, курсант второго потока Герман. Теперь вы инициированный маг. И спрашивать с вас будут соответственно. Как временно исполняющий обязанности декана, я активирую ваш идентификационный браслет. Внимание, будет больно.

Тело вдруг скрутила вспышка горячей пульсирующей боли. Голова наполнилась тяжестью, загудела каждая нервная клетка. И спустя безумно длинный миг все закончилось.

— Подключение завершено, — оповестил все тот же безжизненный и бестелесный голос. — Спасибо за содействие восстановлению магического фона объединенного сообщества миров Ойкумены.

Германа сопроводили в последнюю дверь, но перед этим Гротт сунул ему в руку серебряное колечко. Его блокатор.

— Вне очереди, — неожиданно улыбнулся учитель и вернулся к своим делам.

Герман благодарно кивнул, вышел и мгновенно оказался в крепких объятиях верного Берта.

Непросто было потом объяснить Рене и другим свои нечеткие ощущения. Герман не чувствовал себя обманутым. Связь с браслетом странным образом успокаивала его.

— А вам не кажется, друзья, что нас надули?

Герман набрал в грудь побольше воздуха и ответил:

— Нет.

Рене хмурился, но молчал, зато Берт поспешил на выручку, и никогда еще его вмешательство так не радовало.

— Вот и отлично! Учитель Эрно говорил, дело в концентрации. А я так думаю, надо просто лучше кушать и поменьше ссориться. Да?

С этим невозможно было поспорить, точнее, поспорить невозможно именно с Бертом, когда он так обезоруживающе улыбался и глядел на всех большими сияющими глазами.

— Ладно, — сдался Рене. — Но если нам до конца триместра так ничего и не объяснят, я устрою революцию. Так и знайте.

Серьезно ли Рене говорил насчет революции, но подготавливать ее все равно было особенно некогда. Новое расписание оказалось забито уроками с утра до вечера, относительно свободными оставались часы завтрака, обеда и ужина и еще пару часов после обеда. Зато такой интенсивный график отлично выбивал из головы всякую дурь.

За завтраком вся компания всегда садилась за один столик, но сегодня почему-то не было Рене. Рыжий сразу после плаца куда-то запропастился и рисковал остаться без своей законной порции. Берт переживал и даже не делал попыток завладеть овощами с его тарелки, хотя это уже успело войти в привычку.

— Куда он делся? — спрашивал он уже в пятый раз за пятнадцать минут. — Все же остынет!

И тут как по заказу в столовую влетел рыжий ураган и промчался, снося все на своем пути, прямо к их столику:

— А вот и я! Заждались, ребятушки? — Рене рухнул на стул и блаженно вытянул ноги. — А я такую новость принес.

Стефания и Ситри, хоть и садились исправно за тот же стол, старались делать вид, что они как бы отдельно, но к словам Рене все же прислушались.

— Хм, вижу ваши заинтересованные лица. Мне так приятно это внимание, честное слово...

— Рене!!!

— Хорошо, хорошо. В общем, если кто собирался отдохнуть на выходных, нежась в горячих источниках Акойи, плачьте. Сегодня ночью телепортационный тоннель туда закрыли.

— Как закрыли? Почему? — неожиданно живо отреагировала Стефания. Они с Ситри быстро переглянулись.

— А мне почему знать? — протянул Рене, берясь за вилку. — Говорят, какой-то природный катаклизм. Жителей срочно эвакуируют, все дела. А поскольку тоннель должны обеспечивать магической подпиткой обе стороны, то его, само собой, закрыли.

Герман уловил беспокойство Стефании и тоже вступил в разговор:

— Акойя? Это сосед Виндштейна, — он заметил болезненную бледность Стефании. — Какой там мог случиться катаклизм?

— Сход лавины? — предположил Рене. — Снежная буря?

— Не будь идиотом, — одернула девушка. — Таких больших лавин не бывает. Тем более на Акойе.

Никто не стал ей возражать, потому что с миром Акойи были знакомы лишь понаслышке. Тема поменялась, традиционно вернувшись к обсуждению учебных будней, домашних заданий и очередных скандальных объявлений от студсовета. Кто-то за соседним столом вспомнил, что недавно в училище вернулся учитель фехтования, и это известие всколыхнуло студенческую массу куда сильнее каких-то там неведомых катаклизмов.

На урок фехтования Берт собрался вперед всех. Утренняя разминка, так им нелюбимая, и полчаса на плацу под аккомпанемент строевой песни сомнительного содержания не умили его боевого азарта, и по дороге из столовой только и было разговоров, что о возобновлении практических занятий с учителем Дженоаро. Проведя всего пару уроков в самом начале года, он пропал, и его подменял Вальтер Гротт. По мнению Германа, тот неплохо справлялся, но о Дженоаро говорили, как о настоящем мастере боя, так что возбуждение Берта можно было понять.

Откровенно печалился, пожалуй, только никогда не унывающий Рене.

— Ну зачем надо этими железяками махать? — сокрушался он, в кои-то веки не заметивший, как Берт стягивает с его тарелки овощи. — Позапрошлый век. У нас холодное оружие считай и не производят уже. Я отверткой быстрее заколю врага, чем бертовой шпагой.

На упоминание о шпаге Альберт отреагировал радостным бульканьем, едва не расплескав по столу клубничный компот. Рене грустно вздохнул и, перехватив его руку, снял с вилки маленькую помидорку и отправил в рот.

Уроки фехтования по традиции проходили на свежем воздухе, на тренировочной площадке позади корпуса “Д”. Приближался сезон дождей, но до этого времени все физические упражнения проходили под открытым небом. Однако на площадке их ждал сюрприз — место оказалось занято первым потоком. Юноши и девушки с красно-белыми

нашивками на рукавах отрабатывали странные пассы друг перед другом, будто гоняли воздух из стороны в сторону.

— Стефания! — один из парней отвлекся и приветливо замахал рукой. Его партнер моментально подбежал к нему и встал рядом. Герман пригляделся и быстро узнал странную парочку, встретившуюся ему на пути из преподавательского общежития. Под пристальным взглядом парнишки с длинной пепельной косой снова стало неуютно, будто по коже прошелся разряд.

Стефания остановилась и махнула в ответ.

— Привет, Зигфрид.

Зигфрид решил подойти поближе, и друг буквально прилип к его рукаву. Они так и подошли вдвоем, даже, кажется, шагали в ногу.

— Ну как, еще не передумала бросать вызов Вильяму?

Герман стоял достаточно близко, чтобы почувствовать эмоции всех троих. Зигфрид лучился неподдельным, но немного снисходительным дружелюбием, его подозрительный дружок прощупывался хуже, и его эмоции мало касались происходящего и были заиклены на чем-то очень личном, куда Герман лезть не собирался. А вот Стефания разом скисла, нахмурилась и явно желала оказаться отсюда подальше. И кроме этого в ее чувства вкрались стыд и сожаление.

— Не передумала, — ответила она после некоторой заминки, и к ней ненавязчиво придвинулась Ситри. Как и Герман, она неодобрительно косилась на молчаливого длинноволосого. И без ментальных штучек она была достаточно наблюдательной и не лишенной практического цепкого ума.

— Тогда прилежней занимайся, — Зигфрид протянул руку, но похлопать девушку по плечу не получилось, она вовремя сделала шаг назад, а под грозным взглядом Ситри повторить попытку рискнул бы не всякий. — Ваш учитель занял малую тренировочную площадку № 3. Ой, вы, наверное, там еще не были.

Парень хохотнул и почесал затылок.

— Приветик, — вперед вылез Берт и протянул руку. — Я Альберт, приятно познакомиться!

Они явно сразу друг другу понравились, но тут внезапно в беседу вступил молчаливый друг Зигфрида.

— Не трогай.

Берт испуганно отдернул руку и даже на всякий случай отступил Герману за спину.

— Фо, нельзя же так, — мягко пожурил Зигфрид, немало смущенный поведением друга. — Извините его, он просто... В общем...

Стефания попрощалась, развернулась и пошла дальше. Ситри последовала за ней вместе с Рене. Герман взял Берта за локоть:

— Идем, а то опоздаем на урок.

Зигфрид и Фо тоже вернулись к тренировке, и Герман с сожалением подумал, что хотел бы тоже практиковаться в магии, а не, выражаясь языком Рене, махать железяками. Но даже присутствие на запястье идентификационного браслета мага ничего в его жизни пока не поменяло.

Учитель Дженаро сидел на зеленом газоне и флегматично жевал травинку. При виде своих припозднившихся учеников, он грациозно поднялся и подобрал с земли ножны.

— Приветствую, господа и дамы, — на последнем слове он отвесил изящный поклон. Подобное шутовство в поведении учителя с первой встречи ввергало Германа в уныние. — Я вижу, все в сборе? А где моя дорогая Дзюн? Здесь, хорошо. Ну, что стоим? Рассаживаемся в кружок поудобнее. Травка мягкая и нежная, как волосы юной красотки, а солнце теплое, как влюбленный взгляд.

Парни недоуменно переглянулись, девушки порозовели и заулыбались. Учитель Дженаро — высокий, черноволосый и черноглазый, с широкой белозубой улыбкой и неизменной шпагой на поясе — был тайным кумиром не одной юной студентки Военного училища. А уж красавицы из числа будущих медмагов, почти не занимающиеся фехтованием, наблюдали за ним издалека с плохо скрываемым восхищением. Пожалуй, тот был хорош во всем, но кричаще красную шелковую рубашку Герман ему простить не мог, как и страсть к украшательству себя любимого. Один перстень-печатка со странным рисунком в виде вписанных друг в друга кругов чего стоил. К чему носить такую вызывающую и наверняка тяжелую штуку на работе?

Берт первым плюхнулся на траву и скрестил ноги. Счастливая улыбка не сходила с его лица, он так и лучился желанием учиться у

мастера, а вот сам Дженаро улыбаться перестал. Рядом напряглась Дзюн Мэй, и Герман не мог этого не заметить.

— Новый курсант? Я не видел прежде вашего лица, — учитель озадаченно потер подбородок, и массивная печатка блеснула на солнце. — Представьтесь же, прошу вас.

— Курсант Альберт Кельвин!

— Альберт, — повторил учитель. — Кельвин. Ну что же, очень рад знакомству, Альберт. Вижу, вы готовы учиться и, поправьте меня, если я ошибаюсь, владеете оружием. Шпага?

— Да! — обрадовался такой догадливости Берт, и Герман украдкой скривился от переизбытка сладости на кончике языка. Все-таки Берт совершенно не владел своими эмоциями. — Эспада с двусторонней заточкой.

А ведь просили же его помалкивать.

— Курсант Герман, — Герман выступил вперед. — Позвольте вопрос. Почему наша тренировочная площадка занята?

Дженаро с видимым трудом отвел взгляд от Альберта и ответил:

— Сегодня у нас особенное занятие, посвященное концентрации. Рассаживайтесь так, как вам удобно. Я расскажу, чем мы будем заниматься.

Когда группа заняла места на траве вокруг учителя, урок начался.

— Весь наш прекрасный мир пронизан невидимыми глазу артериями, по которым от источника магии растекается его живительная сила. Пройденная инициация дала вам возможность любоваться истинной красотой магии, прикоснуться к творящимся вокруг нас чудесам. Магические потоки готовы подчиняться вам, но чтобы их увидеть, нужно открыть им свое сердце и свою душу. Полюбите то, что делаете, — Дженаро широко улыбнулся и подмигнул Стефании. — Итак, сядьте поудобнее, расслабьтесь, и представьте, что через вас течет океан силы... Вы думаете только о том, как он проходит сквозь вас...

Герман закрыл глаза и прислушался к ощущениям. Голос учителя обволакивал, но перестать думать об отвлеченном Герман все равно не мог.

— Смените позу, если она вас отвлекает. Ничто не должно мешать вам почувствовать мир своим внутренним чутьем. Можете делать, как Герман, и закрыть глаза.

Берт лег на спину и закинул руки за голову. Если кто и удивился, то одобрительный кивок Дженаро их успокоил.

— Если вы достаточно расслаблены и спокойны, можете открыть глаза. Медленно, будто только проснулись. Думайте о том, что вас окружает магия.

Герман же чувствовал только дикое напряжение Дзюн Мэй. Он сел рядом, потому что заинтересовался природой столь странных для нее эмоций, но это же и мешало ему сосредоточиться на деле.

— Потянитесь мыслью к вашему идентификационному браслету, — продолжал негромко наставлять учитель. Сам он вольготно расположился на травке, отклонившись на отставленную за спину руку, и жевал травинку. Герман сквозь ресницы наблюдал за тем, как он не сводит глаз с Альберта. Очень подозрительный интерес. Причем эмоции учителя были спокойными и умиротворенными, все так, как он учил своих студентов.

— Кто-нибудь что-нибудь видит?

Курсанты заозирались, покосились друг на друга, и вдруг подскочил Берт:

— Я! Кажется, я что-то... Нет, показалось...

Он огорченно вздохнул.

— Не переживай, мой дорогой, — успокоил его Дженаро, потянувшись и хлопнув по плечу. — Главное, тренировки и хорошее настроение. Возможно, мы с тобой позанимаемся отдельно, вне занятий. Идет?

Альберт довольно закивал, а вот Герману эта идея пришлась не по вкусу. Он осторожно опустил барьер и почувствовал вдруг, что не один испытывает недоверие к учителю...

Когда урок закончился, он остановил Дзюн Мэй:

— Подожди, Дзюн. Мне нужно с тобой поговорить.

Она пропустила мимо себя пару оживленно обсуждающих занятие сокурсников.

— По поводу Альберта?

— Да, — он не стал удивляться ее догадливости.

— Не здесь, — тихо ответила Дзюн. — Не сейчас.

Она подняла на него глаза, будто ждала чего-то, и Герман предложил:

— После ужина за общепитом?

Там было отличное местечко для встреч, укрытое зарослями вечно цветущего кустарника, и кто-то из бывших студентов соорудил там подобие лавочки.

Дзюн кивнула и ушла, оставив Германа с колотящимся от предвкушения сердцем.

Урок 21. Никто не поможет тебе лучше, чем ты сам

День показался Герману невероятно длинным. Он с трудом дождался ужина и теперь под удивленные и недоумевающие взгляды друзей заглывал содержимое тарелки, почти не жуя.

— Несварение же будет, — высказала свое мнение Ситри, неодобрительно качнув головой. Стефания подозрительно покосилась в ее сторону, потом на Германа, но промолчала. В последнее время чувства ее были какими-то совсем путанными, но Герман, памятуя о просьбе, с вопросами не лез.

— Что-то ты от нас скрываешь, умник, — резюмировал Рене и проворонил очередной помидор из своей тарелки. Берт же довольно задвигал челюстями.

Ко всем прочим проблемам добавилась еще одна — избежать лишних вопросов. А для этого пришлось неплохо попотеть.

Дзюн ждала его на импровизированной скамейке безмятежная, как цветок лотоса в безветренную погоду. Маленькая, черноглазая, с круглым, словно луна, личиком. Аж дух захватывало.

Она бросила на него короткий взгляд.

— Рене?

Герман кивнул, в очередной раз отмечая ее внимательность. Сердце колотилось как бешеное, и не сразу удалось убедить самого себя, что их встреча не романтическое свидание, а необходимость. Он неловко помялся, но все же сел рядом.

— Ты хотела что-то рассказать, — хотя вернее было сказать, что это он хотел что-то услышать. Дзюн кивнула.

— Меня это не касается, но тебе стоит об этом узнать. Будь осторожней с Дженоаро и не оставляй его наедине со своим другом.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Шпага.

— Шпага? — не понял Герман.

— Это я принесла шпагу в училище.

— Где? Где ты ее взяла, Дзюн? — Герман вскочил на ноги и неосознанно схватил девушку за плечи. Тут же его пронзило безысходностью и тоской, такой, какую испытывал он сам, вспоминая родную деревню, только в разы сильнее. Но в отличие от Дзюн у него еще была возможность вернуться... Герман резко отдернул руки. — Миньшенг? Ты оттуда? Дзюн... мне очень жаль.

Он снова хотел коснуться ее плеча, но рука так и повисла в воздухе. Если девушке и было больно, страшно или тоскливо, она вовсе не желала, чтобы ее жалели, и этим неувовимо напоминала Стефанию.

— Не стоит. Ты не знаешь, что это такое.

Зато я знаю, что ты чувствуешь, хотел ответить Герман, но не стал.

Миньшенг — маленький мир в восточном секторе Ойкумены. Где-то около десяти лет назад телепортационные тоннели, связывающие его с остальными мирами были разрушены, почти так же, как у Акویی всего несколько дней назад, только вот причину до сих пор не установили. Они просто захлопнулись, погребая всех жителей в вечной ночи. Никто тогда не был готов к катастрофе, спасти удалось единицы, и те потерялись на просторах вселенной. На современной карте Миньшенг остался всего лишь одной из немногих черных точек, а еще лет через десять исчезнет вовсе.

— Это была не катастрофа, — неожиданно продолжила Дзюн. — Были те, кому это нужно. Один из них носил кольцо. Печатку с кругами. Такую же я видела месяц назад на человеке, похожем на Дженао. Он встретился мне на улице города в выходной день. Я не видела его лица, но увидела кольцо и решила проследить.

Дзюн хотела его убить. Почему-то эта мысль нисколько не шокировала Германа.

— В одном из переулков его ждали двое в плащах и с капюшоном, они принесли и показали ему шпагу твоего друга с погасшей магической печатью. Так они сказали.

— Печать гаснет, когда связь с владельцем рвется. То есть он умирает, — на одном дыхании прошептал Герман. — Они принесли ему доказательство смерти хозяина эспады.

— Именно так они и сказали. Мне стало интересно, и я проследила за теми двумя, а они просто выкинули шпагу в переулке и

все. Я ее подобрала и принесла в училище. Я не знала, что она принадлежит Альберту.

Дзюн замолчала. Герман откинулся назад, упираясь макушкой в наружную стену общежития, и посмотрел на небо. В голове уже постепенно собирались кусочки мозаики и складывались в картинки.

Кто-то захотел избавиться от Альберта и создать ему новую личность. Если верить мастеру Арефию, заказчик нашел талантливое, но нечистое на руку менталиста, вот только что-то пошло не так, и Берт не приобрел новую память, а потерял старую. Но исполнитель состряпал фальшивые документы, скорей всего подкупил дирекцию училища и запихнул туда Берта. Он рассудил довольно верно, после инициации до самого выпуска курсант становился собственностью Визании, а значит, не мог покинуть ее без разрешения.

Вот только что-то не складывалось.

Герман совсем забыл о присутствии Дзюн и запустил пальцы в каштановые кудри, взъерошивая их.

Из слов девушки было очевидно, что Берта хотели убить, иначе не предоставили бы шпагу с погасшей магической печатью как доказательство. Связь с носителем от потери памяти могла и не прерваться — никто еще не проводил подобных экспериментов. И если тем мужчиной с печаткой был Дженаро, он бы удивился, застав на занятии Альберта.

Все совсем запуталось, словно какой-то детали не хватало.

— Почему ты им не скажешь? — неожиданно спросила Дзюн и вытянула вперед стройные ножки в форменных ботинках. Герман вздрогнул и повернул в ее сторону голову.

— О чем? — он был уверен, что знает о ком речь.

— О своих способностях. Думаешь, они отвернуться от тебя?

— Нет, я... — попытался возразить Герман, но если он мог раскладывать и примерять на себя чужие эмоции, то в своих собственных иногда терялся. Дзюн не стала ждать его оправданий и поднялась.

— Не стоит путать осторожность и недоверие, — загадочно подытожила девушка, поправила хвост длинных гладких волос и удалилась. Герману почудилось, будто на ее месте только что стоял Сорамару.

После этого разговора Герман места себе не находил. Все его теоретические выкладки и предположения от любого слова могли рухнуть в одночасье. Им нужна более серьезная основа, и Дзюн была права в том, что не спешила ничего предпринимать без доказательств. “Вы помогли мне вернуть кое-что из оружия. Я помогаю вам, — сказала она напоследок. — Мы квиты”. Почему-то эти ее слова как-то нехорошо отозвались внутри. Будь Герман более романтичен, сказал бы, что захлопнулась дверца в их общее будущее. Хотя, стоит признаться, примерно так он и подумал.

Парк тонул в густых фиолетовых сумерках, первая луна — голубая, как весенняя лужица — уже вошла на небосклон, и несколько часов до восхода желтой луны тропинки терялись в темноте, а деревья и здания превращались в картонные черные силуэты. Приближение сезона дождей уже чувствовалось в более смелых и прохладных порывах ветра, от которого изредка вдоль позвоночника пробежал озноб. Герман вышел из тени и посмотрел на небо. Почему-то стало так невыносимо грустно, тоскливо. Вот тебе и затерялся в толпе, начал новую жизнь и избавился от старых проблем. Так нет, навалилась новые, будто этого и ждали. И не только свои, но и чужие, разделять которые становилось все сложнее.

Герман принял решение и свернул с тропинки, ведущей в казарму, на знакомый путь до общежития для преподавательского состава.

Было похоже, что Вальтер Гротт уже привык к его поздним визитам. В щель между раздвинутыми шторами лился свет, и фигура учителя, мелькнув на фоне окна, резко заняла все пространство. Гротт задернул шторы, и скоро входная дверь распахнулась, и он вышел на порог.

— Добрый вечер, учитель, — поприветствовал его Герман издалека.

— Комендантский час, курсант Герман, — строго напомнил Вальтер и запахнул на груди черное пальто. — И холодно.

— Разговор важный. И он касается КРАС.

Герман играл вслепую, и знал это. Однако рисковал осознанно, будучи уже почти полностью уверенным в том, что Гротт теперь не отпустит его так просто. Так и вышло.

— Говори.

— Здесь? — Герман все-таки удивился. — А...

Вальтер нетерпеливо прицокнул языком:

— Не тяни время, Герман! Говори, — и чуть спокойнее добавил. — Я слишком часто вожу тебя в гости. Вопросы мне ни к чему.

Магическое зрение не понадобилось, чтобы почувствовать тишину, ватным одеялом окутавшую обоих. Однако Герман все же постарался и даже ненадолго смог увидеть сложную сеть магических потоков, искусно сплетенных вокруг них. Гротт отпустил воротник и сунул руки в карманы:

— Что ты знаешь о КРАС?

Пришлось честно признаться:

— Ничего. И я надеялся, что вы мне расскажете.

История Дзюн уложилась в пять минут. К ней Герман прибавил свои умозаключения и выжидательно посмотрел на учителя:

— Если Гаспар Дженаро — тот человек, который хотел убить Альберта, он попытается снова. А если он имеет отношение к этому вашему КРАС, чем бы оно ни было, я должен знать. Я должен защитить Альберта. Вы понимаете?

Вальтер не ответил.

— Что такое КРАС? — почти в отчаянии снова спросил Герман, делая шаг вперед. Ни его страсть, ни сжатые кулаки, на выражение мольбы в глазах — ничего из этого, казалось, не тронуло Гротта. Он медленно достал руку из кармана, будто бы поправить очки, и вдруг схватил Германа за воротник. Подтянул к себе:

— Ты вернешься в казарму, ляжешь спать и думать забудешь обо всей этой истории.

Герман дернулся, но рука в кожаной перчатке держала слишком крепко. Бледное лицо Гротта, в свете луны отливающее призрачной синевой, оказалось так близко, что в отражении стекол было видно лицо самого Германа.

— И если я узнаю, что ты суешь в нее нос...

— То что? Вы мне угрожаете? — Герман начал злиться. Дернулся еще раз, вырываясь из захвата.

— А если и так? Просто запомни, что это не твое дело, — Вальтер резко убрал руку, но все равно было заметно, как пальцы конвульсивно сжались в кулак. Герман на мгновение стало не по себе — возможно,

не стоило злить такого человека, как Гротт, но сомнение рассеялось, стоило вспомнить его угрозы.

— Теперь мое, — твердо ответил он. Одернул китель. — В приложении к Уставу есть пункт о личном оскорблении курсантов со стороны обучающего персонала.

По лицу Вальтера прошла волна непонятных Герману чувств.

— Отрадно видеть такое рвение в учебе. Но КРАС не по зубам, ни тебе, ни всей твоей банде талантливых бездельников. Я знаю, что ты пытался отыскать информацию сам, был в библиотеке инквизиции, где, разумеется, ничего не нашел. Это дело опасно для любого, кто хоть краешком его зацепил. Я ясно выражаю свои мысли, курсант Герман? Или вам надо прямым текстом сказать, что мне не нужна ваша бессмысленная смерть?

Герман вздрогнул, как от внезапного холода. Когда Гротт говорил о смерти, он не шутил. Он вообще не был склонен к шуткам, разве что к ядовитой иронии, но это иронией не было.

— Не нужно за меня переживать, — Герман упрямо мотнул головой. — У меня достаточно ума, чтобы проявлять осторожность.

— Мне известно твое мнение о своей драгоценной персоне, — перебил Вальтер раздраженно. — Не хочешь так, подумай о том, что втянешь в неприятности Вильтрауда, Дидрик и Калькбреннер.

— Все будет хорошо.

Казалось, Гротт снова вцепится в него, причем сразу в горло, но тот лишь устало закатил глаза:

— Ты безнадежен. Просто повторяю — если мне покажется, что ты мешаешь, я до директора дойду, можешь не сомневаться. Ведь ты уже понял, что я никогда не шучу. Дженаро давно у нас под подозрением, но студентам лучше держаться подальше. Доброй ночи.

Тишина рассеялась, и Гротт скрылся в дверях общежития.

Герман еще некоторое время не двигался с места, ослепляющий гнев рвался наружу. Чтобы не наделать очередных глупостей, вроде этого разговора, он собирался дождаться, пока не успокоится, но становилось только хуже. Свет в окне Гротта погас, будто тот еще раз продемонстрировал, что не собирается больше тратить время на строптивного ученика. Герман глухо зарычал сквозь зубы. И вдруг представил себя со стороны — самоуверенный мальчишка, решивший, что может что-то требовать от учителя. Разве он ждал, что Гротт

кинется ему на помощь? Нет. Напротив, доверившись ему, Герман не только свою гордость унизил, но и рискнул безопасностью Берта. В конце концов, Дзюн решила поделиться с ним, а не с Кишманом, Гроттом или кем-то другим. Она доверилась Герману.

Он развернулся и пошел обратно в общежитие.

На следующий день от недавней вспышки ярости не осталось и следа. Вернувшись в жилой блок, Герман, немедля ни минуты, растолкал Рене и прямо попросил помощи. Если рыжий и удивился, то несильно, зато проявил завидный энтузиазм, едва не перебудив остальных соседей.

После утренней тренировки студсовет сделал новое объявление, на сей раз приятное. По крайней мере, для подавляющей части студентов. У Германа новость о скором бале в честь завершения декады инициаций не вызвала особых эмоций, не до того было, да и шумные празднества ему не нравились. Много людей — много проблем, такого он придерживался мнения, поэтому сразу после завтрака они с Рене незаметно отделились от компании и, обогнув учебный корпус “Д” вошли в библиотеку.

— Посидим минут пятнадцать, — заявил Рене и подмигнул. — Для отвода глаз.

Герман с сомнением оглядел читальный зал — в такую рань мало кто спешил сюда, поэтому кроме них двоих лишь за одним из столов сидела девушка, обложенная учебниками. На парней она даже не взглянула.

— Думаю, это ни к чему.

— Но все шпионы сначала отвлекают от себя внимание, — разочарованно протянул рыжий. — Десять минут.

Герман схватил его за локоть и потащил ко входу в информационное хранилище.

На подоконнике напротив двери сидел библиотекарь и задумчиво мастерил фигурки из бумаги. С ним Герман планировал договориться прямо на месте и без слов протянул маленький пакет из блестящего красного картона. Сорамару заинтересованно сунул туда нос.

— Нам нужна помощь.

Библиотекарь покачал в воздухе скрещенными лодыжками. Покосился на подарок.

— Это запрещено?

Герман кивнул. Рене за его спиной нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Даже небо подарит дождь тому, кто в нем нуждается. Идемте, най.

Он спрыгнул с подоконника и поманил за собой.

Рене притормозил на пороге и жарко зашептал Герману на ухо:

— Какая фифа! И почему я раньше на нее не смотрел? Вы знакомы? У нее есть парень?

Герман едва не споткнулся. Сорамару оглянулся и бросил на них вопросительный взгляд.

— Ну не томи уже, — Рене пихнул его в спину. То есть, он точно не шутил.

— Я понимаю, что ты на него не смотрел, — осторожно начал Герман, понижая голос до еле слышимого шепота. — Но ты что, его еще и не слушал?

Сорамару наклонил голову, и Герман догадывался, что тот слышит каждое их слово. Стало невыносимо стыдно и неловко. Рене же беззастенчиво уставился на хорошенького библиотекаря:

— Ну... Ну у него же ноги красивые!

— Это не оправдание! — почти взвыл Герман и прошипел. — Если ты ему не понравишься, делу конец. Так что попридержи пока свои комментарии при себе.

Рене тяжело вздохнул.

Сорамару оставил их наедине, и Рене взялся за дело.

Герман уже бывал в хранилище, и всякий раз это место внушало ему трепет. Всегда погруженный в сумрак просторный кабинет тонкими перегородками делился на открытые кабинки. Внутри было по мягкому удобному креслу и плоскому экрану из толстого стекла. После того, как инициация дала ему доступ сюда, Герман так ни разу и не воспользовался им. Зато Рене, похоже, был завсегдатаем. И умудрился до сих пор не разглядеть библиотекаря.

— Бабник... — усмехнулся Герман и подошел к товарищу.

Рене выбрал дальнюю кабинку и удобно развалился в кресле. Под его прикосновениями стекло экрана ожило, подсвечиваясь тусклым голубоватым светом. Замигали по краям красные точки. Герман встал позади кресла и положил руки на спинку. Происходящее завораживало

и возбуждало любопытство, но он не был уверен, что справился бы один, хотя в ближайшее время стоило заняться этой стороной своего образования.

— Ну, что там? — Герман проявил несвойственное ему нетерпение. Рене уверенно перебирал пальцами едва ли не в воздухе, и из-под них выбивалось необычное сияние, вырисовывая в пустом пространстве геометрические фигуры. Еще минут пять он напряженно сопел, периодически выдавая не слишком приличные комментарии, потом откинулся на спинку и выдохнул. В последний раз простер ладони над экраном, пошевелил пальцами, будто подхватывал что-то, и от стекла отделились две воздушные копии и повисли по правую и по левую стороны от кресла.

— Есть! — воскликнул Рене и нагнулся к стоящему в стороне моноблоку. — Ну и защитка тут у них, я тебе скажу.

— И как... этим пользоваться? — шепотом поинтересовался Герман, стараясь скрыть резко нахлынувшее на него стеснение. В их мире не было ничего подобного, но однажды Герман уже сумел справиться со справочным терминалом в городе, а это воодушевляло.

— У-у-у, темнота, — укорил его Рене, открыл клавиатуру. — Буквы-то хоть знаешь?

Герман сдержался, чтобы не отвесить бесстыдно ржущему приятелю подзатыльник. Но пакостнику хватило и одного взгляда, чтобы спрятать глумливую ухмылку.

— Короче, набираешь запрос, жмешь ввод и просматриваешь, что тебе предложит система. Ферштейн?

— Ферштейн, — на автомате ответил Герман. — Что бы это не значило.

Рене не проявил особого любопытства и скользнул к выходу из зала, обещая тут же предупредить, если кто-то появится. Герман хорошо знал, что у его технически продвинутого друга хватит таланта и умения, чтобы потом преспокойно ознакомиться с запросами. Не мог сказать только, откуда у него такая уверенность. А шанс, что их застанут на месте преступления был ничтожно мал — Сорамару преспокойно попивал чай с шоколадкой и был готов заверить любого, что никакого взлома не заметил ни он, ни система безопасности.

Герман вбил в поисковую строку слово “КРАС” и принялся листать предложенные материалы. Спустя несколько минут понял —

база данных располагала совершенно ничтожными данными.

“КРАС” — тайная организация, созданная, предположительно, три столетия назад. Цель КРАС состоит в разрушении Источника магии и бесконтрольном распространении магической энергии. Деятельность КРАС заключалась в разрыве телепортационных тоннелей между мирами, что не только высвобождало заключенную в них магическую энергию, но и обрекало лишенный магии мир на медленное вымирание. Согласно последним данным, от действий КРАС погибли и получили серьезные повреждения такие развитые миры, как Миньшенг (Восточный сектор), Хадзимэ (Восточный сектор), Холдор (Северный сектор). Последний раз об активности КРАС упоминалось около ста лет назад, однако магическая информационная система автоматически продолжает собирать все доступные сведения”.

Перед Германом открылся список незнакомых имен с датами жизни в скобках. Самых первых, стоявших у истоков, он изучил с особой тщательностью, дальше дело пошло тяжелее — ничего стоящего ему не попадалось. Пока пальцы наобум не ткнули в первое подвернувшееся имя — Леннард Огюстос.

Человек со смутно знакомым именем оказался последним потомком основателя КРАС. Замечен в подозрительной деятельности не был, несколько месяцев назад женился на принцессе Виндштейна Эмилии Керстин, которая, по совершенной случайности скончалась через несколько недель после замужества. По официальной версии девушка была смертельно больна, поэтому возлюбленный поспешил со свадьбой, чтобы порадовать любимую невесту. К тому же после свадьбы стало известно, что вся королевская чета вместе со второй дочерью погибли при несчастном случае.

— И куда, интересно, смотрит служба безопасности? — выругался Герман и потер виски.

Эту историю он смутно помнил, даже репортаж со свадьбы Эмилии видел в сводке новостей по визору больше месяца назад, и руки на автомате ткнули в видеоматериалы. Еще тогда церемония, которую показали исключительно урывками, показалась ему несколько унылой, и он с большим интересом слушал голос диктора. Перечисление приданого невесты, перекочевавшего в руки счастливого жениха, было куда интересней ритуала бракосочетания.

Но в этот раз его внимание было приковано к невесте, ведь сквозь камеру безразличным взглядом на него смотрела... Стефания.

— Черт! — ругнулся он, и тут же на его голос отозвался Рене:

— Чего там у тебя?

— Э-э... Ничего. Все тихо? — Герман мгновенно свернул вкладку и повернулся, но рыжий не собирался подходить. Для верности Герман выждал еще несколько секунд и снова углубился в чтение. Пролистал свадебные фотографии, про себя отмечая, что невесте невероятно идет красный цвет, и, наконец, ткнул в карточку Эмилии Керстин. Вот только посмотреть не успел.

— Время — когда друг, а когда враг, — Сорамару появился беззвучно, за его спиной маячил взволнованный Рене. — И только тот, кто сумеет познать врага, сумеет его победить.

— Я смогу вернуться? Я не успел...

— Познай врага, и откроется истина тебе, — доверительно посоветовал библиотекарь и понизив голос, добавил, — вкусная шоколадка была.

— Он всегда такой дурной? — не вытерпел Рене, когда они вдвоем вышли из библиотеки. Но Герману было не шуток.

— Прости. Мне нужно подумать.

— Будто ты только этим и не занимаешься, — немного обиженно буркнул Рене. — Ладно, тогда я пойду, похавать достану.

Рене, насвистывая, пошел в сторону столовой. Германа его безразличие, конечно, не обмануло, но ему действительно надо было все обдумать. Кто эта девушка, с которой они живут в одной комнате? Стефания или все-таки... Эмилия?

Урок 22. Хорошо быть всемогущим, жаль только, что невозможно

Проснулся Герман задолго до пробудки. Возбужденный информацией мозг раз за разом прокручивал новые факты, стараясь уложить их по порядку, но какие-то детали постоянно выпадали.

Происшествие с Бертом каким-то образом связано с таинственной организацией КРАС, если, конечно, Дзюн не обозналась. Зачем им понадобилось убивать Альберта, совершенно непонятно. Потомок же основателя “ордена”, как числилось в самых первых упоминаниях, оказался напрямую связан со Стефанией.

Или, может, Эмилией?

Герман приподнялся, подоткнул подушку под спину и сел. За окном уже теплился рассвет, и предметы обстановки приобретали пока еще размытые очертания. В тишине слышалось сопение Берта с верхней полки, посвистывание и довольное похрюкивание Рене, временами прорывался забористый храп могучей Ситри. И только Стефания с противоположного угла слабо постанывала во сне.

Она беспокойно спала почти каждую ночь — это Герман заметил с первого дня их подселения. Не ворочалась, не металась, просто хныкала, и в комнате становилось невыносимо душно. Сперва ему даже казалось, что она не спала — кому, как ни Герману, знать, как тяжело возводить вокруг себя стены — и давала волю слезам. Но вскоре понял, что ей просто снится что-то очень плохое.

Вот и сейчас серая комната окрасилась прозрачно-мятными тонами непреодолимой тоски. Доброй щемящей тоски — спящий человек не способен испытывать злость. Раньше Герман не знал, откуда могла взяться такая печаль, но после похода в библиотеку все стало предельно ясно.

Он еще долго любовался проступающими из темноты контурами ее профиля, отблескивающими на свету, сочащемся из щели в занавеске, прядями и тонкой кистью, свисающей из-под одеяла. Кровать Стефании располагалась напротив, наискосок, и, если бы Герман лежал, ему мешал бы стул Берта, закиданный одеждой.

Успело рассвети. Спина уже затекла, а до подъема осталось еще около часа. Герман оделся, заботливо подоткнул свисающее у Берта одеяло — друг спал, как всегда, беззаботно раскинув руки и ноги, насколько позволял узкий матрас общаговской койки. В своей прошлой жизни Альберт привык к простору, и эта привычка перешла в жизнь новую, доставляя своему хозяину массу неудобств.

Герман старался не шуметь, и у него это даже получалось, но все же он почувствовал, как к мятному привкусу во рту добавились недоверие и страх. Обернулся — Стефания не спала. Не меняя позы, она смотрела на Германа, словно испытывала. Он выдавил подобие доброжелательной улыбки — все-таки девушка застала его врасплох — и вышел из комнаты, прихватив по пути полотенце.

Одна из любимых фразочек Рене “меньше знаешь — крепче спишь”, показалась Герману спасительной соломинкой от незнакомого чувства, захлестывающего его со вчерашнего дня. Чьи-то семейные скелеты — вовсе не та информация, которую Герман жаждал получить во время обучения в УВМД. Его интересовали история с ее политическими интригами и причинно-следственными связями, но никак не то, что его соседка — чудом спасшаяся принцесса одного из самых сильных военных миров Северного сектора. И никто, кроме него, об этом даже не догадывался.

“Знание — сила, — говорил наставник Арефий, — а сила — это ответственность!”

Холодная вода немного отрезвила, Герман даже не постеснялся и засунул под кран голову, стискивая зубы, когда тонкие струи затекли за шиворот.

Была ли она в действительности Эмилией или Стефанией, не важно. Если на нее охотились, а это наверняка именно так, ведь обеих принцесс официально объявили мертвыми, значит, ей грозила опасность. Разве он не должен защитить ее?

К моменту его возвращения все еще спали. Приятная сонная тишина окутала и его, вызывая приступ зевоты. Хотелось отложить все эти думы на потом и вздремнуть еще хотя бы полчасика, но Герман не мог позволить себе такую вольность.

Стефания сидела на кровати, совсем так же, как и он некоторое время назад, подоткнув под спину подушку.

— Доброе утро, Стефания, — сказал Герман и повесил влажное полотенце на спинку стула. Девушка поджала губы и отвернулась к стене, но спустя пару секунд не выдержала его внимательного взгляда.

— И не надо на меня так смотреть.

— И не думал, — рефлексивно соврал Герман и замолчал. Откуда только взялось это неуместное чувство ответственности? Если он не поговорит с ней прямо, о том что знает, оно никуда не денется. Но заговорить было так тяжело.

Герман выдохнул и сел на кровать, но тут же кто-то постучал в дверь.

— Ну и кому там не спится? — сонно пробурчал Рене, но стоило Герману открыть дверь, как тут же вскочил на ноги, демонстрируя бодрствующим соседям ярко-рыжие трусы. — Вот те раз, неожиданчик с утраца!

— Дзюн? — Герман был удивлен не меньше рыжего, но все же впустил девушку в комнату. И, судя по мурашкам, пробежавшим по спине, Стефания его поступком осталась недовольна.

Гостья вплыла в комнату и поставила на пол небольшой, но толстый саквояжик.

— Свободное место там? — обратилась она к Герману, указывая в сторону Рене, и нахмурилась, отчего ее тонкие брови-стрелы сошлись у переносицы. У Германа сильнее заколотилось сердце. Еще недавно на месте Рене спал Альберт, но потом все-таки не выдержал и переселился на верхнюю полку над Германом. Если бы он этого не сделал, Дзюн могла бы быть намного ближе.

Он сдержанно кивнул.

— О-хо-хо, как мне повезло. Цыпочка Дзюн будет спать на моей кровати! Ой, — Рене согнулся пополам и грохнулся на свое место, прижимая руки к животу. — У-у-у, дал же декан соседку...

Под его вопли проснулись и все остальные, и начался привычный суматошный день.

Практические занятия по неорганической магии вела молодая женщина с длинными пшеничными локонами и донельзя милым личиком. Разочарованная Стефания так надеялась на Дамиана Эрно, что даже не сразу заметила, что урок начался, а небольшой кабинет

занят едва ли наполовину. Одиночные парты стояли в три коротких ряда, но все равно людей было маловато — всего семеро.

Девушка обернулась и с неудовольствием обнаружила Германа вместе с обоими его друзьями. Даже Вуди Торнтон был здесь. А вот Ситри до занятия не допустили, и без нее Стефания чувствовала себя непривычно и очень неудобно.

— Что? Это все? — учитель покачала головой и накрученные завитки закачались в такт движению. — Ну что же, не у всех синхронизация с магическим фоном происходит быстро. Давайте знакомиться. Меня зовут Алина Кишман.

Рене ахнул так громко, что его услышали абсолютно все. Однако Алина только улыбнулась в ответ:

— Декан Кишман мой муж, но это не должно вас смущать. Я буду преподавать вам неорганическую магию, а с межмировой историей и геополитикой это не пересекается.

Стефании новость все равно не нравилась. И вид безмятежной и красивой госпожи Кишман ее удручал.

— А почему у нас не ведет учитель Эрно? — прямо спросила она, игнорируя порядок. — Его предмет звучал как базовые основы теории и практики магических потоков.

— Верно, — кивнула учитель. — Поднимитесь. Как вас зовут?

— Курсант Дидрик.

Стефания сидела на первой парте и оказалась лицом к лицу с Кишман. Рост у них был одинаковым.

— Учитель Эрно отбыл из училища по поручению директора, курсант Дидрик. Еще есть организационные вопросы или мы перейдем к уроку?

Герман поднял руку:

— Курсант Герман. Здесь собрались те, кто увидел магические потоки? Остальных ждать не будем?

Взгляд Алины устремился к нему, и Стефания с удивлением заметила, как он потеплел. Даже голос у женщины изменился, когда она ответила Герману:

— Практические занятия по неорганической магии проходят небольшими группами от пяти до десяти человек согласно технике безопасности. Когда мы начнем разучивать приемы боевой магии, мне нужно будет внимательно следить за вами всеми. Понимаете?

— Так точно!

Герман сел, а Стефания продолжила приглядываться к госпоже Кишман, отмечая все новые детали. Свежий румянец, толика косметики, чтобы оттенить глаза глубокого василькового цвета, обаятельная невинная улыбка. Определенно такая фарфоровая кукла не может преподавать им боевую магию. Это какая-то ошибка. Стефания даже думать не хотела о том, что она может ее чему-то научить. Но стремление к знаниям было настолько велико, что все-таки пока перебарывало отторжение.

— Тогда начнем с азов. У меня есть данные вашего магического сканирования, и согласно им каждый из вас имеет склонность к той или иной Стихии. Кто напомним мне теорию Стихий? — она опустила глаза в журнал. — Курсант Кельвин?

— Я! — Берт подскочил с такой готовностью, будто в словах учителя заключалась какая-то ее личная магия. “Магия покрашенных ресничек”, — подумалось Стефании, и в собственном внутреннем голосе она со злостью признала ревность. — Есть четыре главные Стихии: Огонь, Вода, Земля, Воздух. Но учитель Эрно говорил о пятой — Дерево.

Ответ Альберта вполне удовлетворил Кишман. Она кивнула:

— Все правильно. Но кроме Дерева, о котором говорил мой коллега, в зависимости от процента личной управляемости Стихией и ее смешения с другими Стихиями могут образоваться новые интересные сочетания. Например, в прошлом году у уже выпустившегося студента Академии неорганической магии было зафиксировано смешение Стихий, которое привело к тому, что образовалась новая подстихия — Ртуть. Правда, явление прожило недолго, но факт остается фактом.

Что ни говори, а рассказывала Кишман увлекательно и со знанием дела. Привела еще несколько примеров, как из истории, так и относительно свежих.

И незаметно пришло время распределения.

— Курсант Торнтон.

— Я! — Вуди поднялся, сотрясаясь от волнения, как розовощекий пухлый студень. Стефанию передернуло от воспоминаний о практике. Ролан в отличие от своего дружка хотя бы не такой трус.

Алина сверилась с листком:

— Вода.

Вуди плюхнулся обратно, довольный собой и миром.

— Курсант Вайши.

Девушка с копной черных косичек поднялась и села обратно, получив приговор — Земля.

Стефания поднималась на ноги, будто преодолевая тяжелое препятствие. “Огонь, Огонь, Огонь”, — твердила она про себя как заклинание.

— Курсант Дидрик... — учитель ткнула пальчиком в нужную строчку. — Вода.

— Как, Вода? — Стефания от растерянности не сразу сообразила, что все ее надежды рухнули. — Это точно?

Кишман снова сверилась с листком:

— Совершенно точно. Не расстраивайтесь, Стефания, Вода не самый плохой вариант, и раз уж так вышло, значит, ваши способности заложены таким образом. Садитесь. Курсант Кельвин.

Берт едва не уронил стул, вскакивая. Впрочем, Стефания потеряла интерес к дальнейшему распределению. Судьба была к ней слишком несправедлива.

— Земля. Но советую заниматься дополнительно, потому что ваш уровень по классической шкале измерения магического потенциала слишком велик для этой Стихии. Вероятно, вам еще предстоит трансформировать ее во что-то другое.

Берт сел на место, лучась от радости. Еще бы, ему наговорили комплиментов и приятностей, а мозгов понять, что он теперь всегда будет считаться слабейшим из-за своей Стихии, ему просто не хватает. Счастливый идиот.

— Курсант Герман, — Алина улыбнулась ему, и у Стефании неприятно кольнуло где-то в груди. — У вас Воздух. Поздравляю.

Казалось бы, хуже уже и быть не может, однако самое мерзкое припасли напоследок.

— Курсант Вильтрауд. Ваша Стихия Огонь.

Рене самодовольно ухмыльнулся, будто такая честь — это нечто само собой разумеющееся. Право слово, лучше бы самая престижная из Стихий досталась Герману. Стефания украдкой оглянулась на парня, но тот не выглядел задетым или раздосадованным, впрочем, в

отсутствии у него даже самых завалящих амбиций она не раз успела убедиться.

Остаток занятия потратили на то, чтобы увидеть созданный Кишман магический узор и попытаться его повторить. Что этот узор означал, она не говорила, и Стефания, сцепив зубы, раз за разом пыталась ухватить “струны” магических потоков и сложить так, как было в образце. Хотя бы в этом она должна стать первой. От напряжения сводило спину, а руки затекали, даже несмотря на то, что она неосознанно шевелила ими в такт мысленным усилиям.

— Расслабьтесь, курсант Дидрик, — подсказывала Алина. — В таком напряжении вы не сможете удержать потоки. Учитель Дженаро должен был рассказать вам, как важно сохранять спокойствие.

Попробовала бы она оставаться спокойной, когда твои ожидания не оправдываются. Хотя Стефания честно попыталась мыслить позитивно. Не слишком успешно, судя по отсутствию результата, и это раздражало еще сильнее.

Позади что-то зашипело, в спину ударила волна жара.

Стефания резко обернулась и увидела, как от парты Альберта к потолку устремилось облачко огня. Все растерянно уставились на это чудо, и только Алина заметила, что лежащие на парте тетради и учебники тоже занялись веселым пламенем. Но, похоже, не только Алина.

Герман молниеносно схватил со стола учителя вазу, вытащил цветок и окатил водой и парту, и самого Альберта. Все выдохнули с облегчением.

— Спасибо, Герман, — Кишман расцвела милой улыбкой. — Увы, непредвиденные случаи в практике не редкость. Вы молодец, не растерялись, как и полагается солдату.

Герман принял похвалу с легкой вежливой улыбкой и протянул Алине спасенный цветок. Когда та приняла его, Стефания неожиданно для себя демонстративно поднялась, достала платок и подошла к Берту.

— Давай, помогу.

И не дрогнувшей рукой коснулась платком его щеки с капельками влаги.

— Н... не надо, — он неловко дернулся, но Стефания была непреклонна. Юноша стерпел ее заботу и смущенно поблагодарил. —

Спасибо.

— А я думал, у него Земля, — выдал с безопасного расстояния Рене. — Как так вышло-то?

Вопрос был резонным, и Стефания повернулась к учителю. Кишман взяла со стола учебник:

— Глава 2, параграф 8. Изучите к завтрашней практике, — и, смилостивившись, коротко пояснила. — Ваша профильная Стихия не ограничивает остальные способности. Просто она будет даваться вам проще всего, поэтому к старшим курсам заниматься вы будете только ею. Курсант Кельвин лишний раз доказал, что не зря получил рекордно высокий показатель магического потенциала. Понятно?

Значит, Огонь все же не совсем закрыт для нее. Стефания возликовала — если есть шанс изменить свою профильную Стихию, она приложит к этому максимум усилий.

После сигнала об окончании занятия, Герман быстро собрал вещи и поспешил к выходу. В прошлый раз ему не удалось заглянуть в досье на Эмилию Керстин, принцессу Виндштейнскую, и он собирался воспользоваться дневным перерывом между занятиями, чтобы восполнить этот пробел. На улице было хмуро, но дожди еще не начались, до смены сезонов оставалось еще около нескольких недель. Герман обогнул учебный корпус “Д” и едва не врезался в выходящую из библиотеки девушку, ту самую, что сидела тогда в читальном зале. Пока помог ей собрать упавшие книги, пока извинился. Девушка проводила изумленным взглядом его спину и невозмутимо продолжила свой путь.

Сорамару за конторкой не оказалось, не было его и в читальном зале на любимом подоконнике. Не решившись идти в информационное хранилище без его разрешения, Герман сел за крайний стол и принялся ждать.

— Най.

Герман вздрогнул, успев глубоко задуматься, правда, о чем, и сам не понял. Сорамару стоял за его плечом, расслабленно отрешенный. Впрочем, он почти всегда выглядел таким.

— Най Герман давно ждет?

— Нет, — Герман поднялся навстречу и сунул руку в карман. Шоколадка в красивой обертке перекинулась в широкий рукав библиотекаря. — Поможешь мне еще раз?

— В спешке нет чести, — покачал он головой. — Тот благороден, кто подчиняет время, а не подчиняется ему.

— О чем ты? — не понял Герман.

— Хранилище занято. Урок по артефактике.

В подтверждение его слов мимо пролетел запыхавшийся парень и, стукнув в дверь, крикнул:

— Курсант Алек! Опоздал, виноват!

Похоже, сегодня туда попасть получится разве что к вечеру. Герман попрощался и направился к выходу, но его загородила Дзюн Мэй. Девушка полоснула по нему серьезным взглядом, в котором сквозила тревога.

— Джено, — сказала она коротко. — Ушел.

Герман оглянулся. Сорамару никуда не ушел и смотрел в их сторону с безмятежным видом и, конечно, все слышал.

— Куда ушел?

Если Дзюн пришла сказать это, значит, дело важное.

— Иди за ним, — Дзюн запрокинула голову, заглядывая ему в глаза. Потом посмотрела ему за спину, и Германа окатило внезапной яростью, будто кипятком облили.

— Сорамару, — прошипела девушка. — Убью...

Если бы Герман не схватил ее за плечи и не удержал, так бы она и поступила. Между тонких пальчиков блеснул отточенный металл метательной “звездочки”. Прикосновение к Дзюн Мэй было таким же острым и болезненным для Германа, но он упорно сжимал ее худые плечи, а потом и вовсе прижал ее к груди и обхватил поперек туловища.

— Пусти! — шипела она разъяренной кошкой, а Сорамару все так же стоял и смотрел на них.

— Не пущу, — Герман поднял Дзюн над землей, просто на всякий случай.

— Отпусти ее, — библиотекарь подплыл к ним и замер, не дойдя пары шагов. Его лицо оказалось прямо напротив лица Дзюн. — Бедное дитя.

Дзюн вдруг перестала вырываться, и Герман рискнул поставить ее на ноги. Теперь и он заметил, как они были похожи — тот же овал лица, разрез темных глаз с приподнятыми вверх уголками, черные брови вразлет. Даже телосложение у них было схожим, и Герман бы

принял их за родственников, но что-то подсказывало, что родство тут не при чем.

— Ненавижу, — спокойно сообщила Дзюн, и Герман точно знал, что именно это она и чувствует. Испепеляющую ненависть, которую ей быстро удалось взять под контроль.

— Знаю, — кивнул Сорамару. — Чужого прощения достоин всякий, но не всякий готов простить самого себя.

От него все так же исходили ровные волны спокойствия, запах свежей листвы и ночных фиалок, но Герману стало казаться, что сквозь них проступает что-то другое. Дзюн Мэй и Сорамару прожигали друг друга взглядами.

— Э? Я что-то пропустил?

Все трое одновременно вздрогнули, и Рене удивленно приподнял брови:

— Я так спешил, так спешил, а у вас тут свои дела. Гера, ты просто герой-любовник! Дзюн сорвалась с места, как ошпаренная, и я сразу понял, что дело дрянь. А на свидание что-то не похоже. Ну так что тут творится? Сами скажете или мне выдвинуть с десятков предположений?

Сорамару, пользуясь моментом, испарился, и Дзюн сбросила руки Германа, который все еще придерживал ее за талию.

— Не надо предположений, — вздохнул Герман. Ну вот надо было ему сейчас прийти? Все сразу усложнилось во сто крат. Однако, услышав про Дженаро, Рене не удивился.

— Если это он хотел смерти красавчика, то наша цель — помешать ему доделать начатое! Проследим за ним и выйдем на подельников. Кто со мной?

Урок 23. Слежка — увлекательное дело, если, конечно, следят не за тобой

— Что для тебя важнее, поймать обидчиков Берта или соблюсти дурацкие правила?

Германа такая постановка вопроса возмутила, но он знал, что Рене лишь пытается вывести его из себя. Вместе с Дзюн они покинули библиотеку и шли сквозь парк в сторону ворот.

— Они не дурацкие, Рене, — возразил Герман предельно спокойно. С такими, как он, приходилось общаться, словно с малыми детьми. — Не знаю, что ты здесь забыл, но я оставил дом для того, чтобы вернуться обратно дипломированным боевым магом.

— Солдатом, тупо исполняющим приказы, — буркнул Рене, но тут же сам свернул тему. — Мы просто одним глазком глянем, куда Дженааро намылился, и вернемся. Никто даже не заметит. Да, Дзюн?

Девушка сверкнула черными глазами:

— Что он тут делает?

— Это ты про меня что ли? — рыжий даже поотстал от растерянности. — Ты что! Гера мой лучший друг, мы с ним не разлей вода!

— Убью, — честно пообещал Герман.

Он тоже хотел проследить за Дженааро, чтобы самому убедиться в словах Дзюн. Не то чтобы он ей не доверял, но, возможно, она слишком пристрастна. По ее словам выходило, что учитель фехтования входил в некую тайную организацию, задумавшую что-то вроде всемирного переворота. Их герб — концентрические круги, и их Дзюн увидела на человеке, имевшем отношение к похищению Берта, а Герман — на пальце учителя Дженааро. Всего раз, потому что больше он это украшение не надевал. Быть может, разонравилось, а может, опомнился и испугался разоблачения. Сказала Дзюн и название — КРАС. На одном из древних языков, как позже выяснил Герман, это слово означало свободу. Но свободу для кого? И от чего? И главное, причем тут Альберт?

Дзюн Мэй остановилась и потрянула волосами:

— Через главные нельзя.

— Есть обход? — деловито осведомился Рене.

— Два. Я отведу.

— Веди, крошка, я прикрою.

Герман только удивился, как ловко эти двое спелись, от него требовалось только слушаться и не лезть вперед. Это он обещать мог, хотя все равно не смирился с нарушением, на которое шел собственной воле. Рене и Дзюн свернули куда-то в кусты, и голос рыжего недовольно прошипел:

— Не тормози! Дженаро нас ждать не будет.

Герман вздохнул, но покорно полез в самые кусты.

Территория училища кроме высокого забора была обнесена сетью защитной магии, и преодолеть ее, не будучи магом с зашкаливающим уровнем потенциала, невозможно. Это знал каждый, но все равно ходили слухи о студентах, сумевших ее преодолеть. Дженаро пошел более простым путем, воспользовавшись задней калиткой для обслуживающего персонала. Через нее поставляли продукты, ей пользовались нанятые работники. К праздню шатающемуся учителю ни у кого бы не возникло вопросов, но трое курсантов, в самый разгар дня ошивающихся вблизи выхода, смотрелись бы подозрительно. Однако Дзюн Мэй уверенно вела их дальше. Под ногами уже давно не было ничего похожего на тропинку, подошвы ботинок утопали в верхнем слое почвы, рыхлом от перегнивающей листвы. Герман и не подозревал, что в училище были и такие неухоженные местечки, будто попал куда-то в лес, что рос за домом его бывшего наставника. Герман отвлекся, и Дзюн позвала его по имени. Это подействовало на него лучше недовольного кряхтения Рене.

— Иду, — он ускорил шаг, уклоняясь от лезущих в лицо веток, одна из них зацепилась за воротник и немного поцарапала шею. — Что это?

Он остановился за плечом Рене и нахмурился. Участок стены перед ними ничем не отличался от всего остального ограждения, но Дзюн была уверена, что не ошиблась.

— Ощущения другие, — она коснулась уха. — Другой звук.

— Звук? — Герман заинтересованно подался вперед. — Что это значит?

Дзюн не ответила, отвернувшись, а Рене нацепил очки и что-то забормотал себе под нос. Вопрос повис в воздухе.

— Тут какая-то нестыковка, — наконец, выдал рыжий и ожесточенно поскреб макушку. — Разрыв? Дыра? Не пойму. Гера, глянешь?

Герман принял из его рук артефакт и неуверенно надел. Мир сразу стал черным, вспыхнули огоньки чужих эмоций — голубоватое ровное свечение Дзюн и всполохи янтарного огня с россыпью багровых искорок. Это Рене, и он испытывал странные эмоции, похожие одновременно и на нервное возбуждение, и на почти болезненное любопытство. “И как в нем столько всего умещается?” — подумал Герман, инстинктивно уклоняясь от летящей в него искорки азартного предвкушения. Разумеется, для остальных его телодвижение не имело смысла и, наверняка, смотрелось глупо. Он выпрямился, кашлянул и перевел внимание на стену.

— Ну?

Герман и сам не заметил, как залюбовался переплетением магических формул. Однако в одном месте рисунок сильно расходился, и в образовавшийся зазор проглядывал обычный серый камень. Если перелезть через ограждение, то только здесь.

Дзюн не стала размениваться на обсуждения плана и, оттолкнувшись ногами от стены, вспорхнула вверх. Рене присвистнул:

— Крошка, ты никого не забыла? Мы летать не умеем, знаешь ли.

А Герман подумал о том, что наверху были острые пики для ловкачей, вроде Дзюн, но, кажется, с девушкой все в порядке.

— Что там, Дзюн? — Герман прислушался к тишине за забором, а вместо ответа на вопрос сверху упал серый клубок и размотался тонкой веревкой. Через грубое волокно серебрилась магическая нить.

— Эй, и что это? — Рене прищурился, брезгливо обхватывая веревку двумя пальцами.

— Не шуми, — попытался образумить его Герман.

— Да она даже мою кошку не выдержит. Ты что, предлагаешь мне лезть по ней? Я лучше поищу что-нибудь посерьезней.

Рене отвернулся, изображая бурные поиски. Теперь вместо любопытства от рыжего тянулись щупальца недоверия и обиды. За забором нетерпеливо прокашлялась Дзюн. Как всегда немногословна.

Герман отмахнулся и взялся за нитку, потянул, отмечая ее прочность, и вскарабкался наверх.

— Нет, ну она точно над нами издевается, — бубнил задетый за живое Рене. — Я не такая кнопка, как она. Меня эта лесочка пополам разрежет!

Он обернулся и растерянно позвал:

— Герман? Гера...

“Лесочка” недвусмысленно подергалась, привлекая внимание.

Перетащить через забор рыжего оказалось самой сложной задачей, потому что он беспрестанно ныл, жаловался и ничуть не пытался облегчить товарищам жизнь. В итоге на противоположной стороне все трое очутились изрядно измотанными, разве что кроме Дзюн Мэй. Девушка тут же велела им заткнуться и не высовываться, а сама осторожно выглянула из невысоких зарослей колючего кустарника, росшего вдоль забора, на дорогу. Предосторожность была не лишней. Гаспар Дженаро не сильно опередил своих преследователей и прошел, даже ни о чем не подозревая, под самым их носом. Если вытянуть руку, можно было коснуться начищенных сапог, но Герман только сильнее пригнулся, налегая на спину Рене. Тонкие веточки густого кустарника противно щекотали и кололись.

— За ним!.. — рванулся Рене, однако Герман вцепился в его воротник обеими руками.

— Не будь идиотом, — осадил он и покосился на Дзюн. Она вскинула руку, призывая к молчанию, и спустя минуту выдала:

— Идем за ним. Ты поведешь.

Ничего лишнего вслух озвучено не было, но Герман уже давно понял, что его секрет для Дзюн перестал быть секретом, если вообще когда-нибудь им являлся. Он кивнул и вышел вперед. Рене что-то хотел сказать или спросить, но передумал. От него ощутимо повеяло неудовлетворением и чем-то похожим на задетую гордость. Конечно, это лишь предположение, но Герману терпкий запах и горьковатый привкус миндаля под языком навеяли именно такое сравнение. Рене был раздосадован. Тем, что был не в курсе?

Герман обернулся, но рыжий отвел взгляд. Впрочем, след Дженаро “остывал”, надо было спешить. В глубине души Герман считал позорным, вот так исподтишка, из кустов, следить за кем бы то ни было, но у него просто не оставалось выбора. Да и отступать поздно,

даже если очень хотелось. Учитель, меж тем, совершенно преспокойно вышел в город и запетлял знакомыми улочками. Точнее, это выглядело так, словно он просто прогуливался, но на одном из поворотов шлейф багряно-черных эмоций окрасился подозрениями.

— Че-то он мутит, кажется, — как бы между делом предположил Рене и пожевал во рту травинку, со скуки сорванную по дороге. Герман мог бы сказать, что Дженаро, скорей всего, не дурак, и заметил их нелепую слежку, но виду не подавал. Даже встретив укоризненный взгляд Дзюн, он лишь отрицательно качнул головой.

— Заткнись и иди, — раздраженно шикнула девушка на рыжего.

В городе полным ходом шла подготовка к смене сезонов, горожане и приезжие торопились купить все необходимое (и ненужное тоже), чтобы в долгие дождливые дни лишний раз не выходить из дома. Кроме того ушлые торговцы устраивали распродажи на старые товары и вовсю продвигали новые, завезенные в Визанию специально к сезону дождей. Особенно бросались в глаза лотки с зонтами — до того они были яркими и красивыми, всех расцветок и рисунков. Пожалуй, Стефании бы подошел тот, белый в бежевый горох, с милыми рюшечками по краям. Хотя, узнай она о таком предложении, этим зонтом бы его и побила.

Когда они в третий раз прошли мимо, Рене не выдержал.

— Хреновый из тебя проводник, Гера. Ты уверен, что мы его не потеряли? Мы же кругами ходим!

И остановился прямо посреди перекрестка, привлекая к себе внимание горожан.

— Совсем ум... — Герман перешел на повышенный тон, но вовремя одернул себя, — потерял? Чего раскричался?

Разумеется, он тоже заметил, что они наворачивали третий круг, но поделать ничего не мог — в такой толпе, несмотря на будничные день, все эмоции сплетались в узел. Не разобрать, кто и что испытывает, и уже тем более, где этот человек находится. Пришлось признать поражение.

— Да. Да, мы его потеряли.

— Это ты его потерял, — из вредности уточнил Рене, за что схлопотал от молчащей Дзюн крепкий подзатыльник. — Ладно, мы его потеряли. Что делать-то теперь? Идти обратно, как кучка неудачников?

Дзюн отвернулась. Герман не стал вникать в ее чувства, голова и без того уже трещала по швам. Собственно, боль он заметил только что, наверное, до этого был слишком сосредоточен. Мимо пролетел лайнер, кто-то громко вскрикнул, перебегая дорогу. Звуки, будто специально дожидаясь момента слабости, вторглись в мозг. Герман поморщился и вдруг почувствовал на висках приятную прохладу.

— Так лучше, — Дзюн отняла руку, и Герману захотелось как-то задержать ее, но Рене уже повернулся к ним. Оставалось только порадоваться, что до этого он отвлекся и смотрел в другую сторону. Но определенно что-то заподозрил. Выгоревшие брови сдвинулись к переносице:

— Что это лица у вас какие-то хитрые? Гера? А ну колись!

Герман почувствовал, как щеки заливают предательский румянец, но если сейчас отвести взгляд, Рене такого напридумывает, что вовек не разгрести. Спасение пришло, откуда не ждали.

На противоположной стороне улицы мелькнули светлые до белизны волосы, особенно яркие в контрасте с черной одеждой. Герман узнал его и вцепился в негаданную встречу, как утопающий в соломинку. Вот он, шанс узнать про Эмилию-Стефанию из уст того, кто ее знает. Герман сорвался с места.

— Эй, куда? — крикнул вдогонку Рене, но Герман уже рискованно пересек проезжую часть прямо перед движущимся к посадочной станции лайнером, едва не сбив по пути женщину с сумками. Беловолосая макушка пропала из виду и снова появилась гораздо дальше, возле скобяной лавки. Скрипнула дверь, звякнул колокольчик над входом, и дородная дама загородила собой весь обзор. Герман притормозил, оглядываясь, и, подчиняясь интуиции, свернул в проулок между домами. Но там было совершенно пусто.

— Герман! Герман!

Узкий закуток наполнился звуками, из-за угла вылетел Рене и прорычал злобно:

— Предупреждать же надо, блин! Спринтер доморощенный.

Дзюн тоже присоединилась, но в отличие от рыжего, была совершенно спокойна. Внезапно раздался звон битого стекла, и зычный женский голос громко посетовал:

— Ну что за день! А ведь знала, знала же!

Герман резко обернулся и нос к носу столкнулся со знакомой черноволосой провидицей в аляповатом платье в крупный цветок. Похоже, она вышла из лавки через заднюю дверь. В лицо дохнуло крепким сивушным духом.

— О! — протянула женщина и, не иначе как от удивления, покачнулась. — Первый рыцарь! А где остальные шестеро? — она осмотрелась по сторонам. — Вот, еще два. А принцесса ваша где? Ничего не понимаю.

Она взялась за плечи Германа, обогнула его, путаясь в платье, и преспокойно пошла дальше. Герман хотел бы пойти за ней, расспросить, но ноги будто в землю вросли. Рене, как ни удивительно, тоже помалкивал.

Только когда пророчицы и след простыл, Герман смог взять себя в руки.

— И что это сейчас было? — Рене переступил с ноги на ногу, точно на пробу. — Гера? Что за рыцари? Почему она нас так назвала? А принцесса — это...

— Где Дзюн?

Герман перебил его нарочно, но фокус сработал. Рыжий заметался в поисках подруги, впрочем, девушка объявилась сама и с неутешительными новостями. Странно, но ее оцепенение не затронуло, и она изучила проулок самостоятельно. Однако все было напрасно.

— Никого не нашла. Ни Дженаро, ни женщины. Возвращаемся.

Она была права, и троица неудачливых шпионов тронулась в обратный путь. Погода, как и бывает на стыке сезонов, резко сменилась, и солнце скрылось за серой дымкой облаков. Маленькие желтые цветочки, что росли вдоль дороги, свернули лепестки в ожидании дождя, и Герман вопреки здравому смыслу снова подумал о своей соседке. Стефания точно так же реагировала, стоило ее задеть — сразу сжималась в тугий озлобленный комок. Снова подумав о ней, Герман совершенно по-детски огляделся, будто боялся, что друзья догадаются.

“Дыру” в заборе обнаружили все так же, с помощью артефакта. Дзюн перемахнула на ту сторону первой, Рене опередил Германа и вскарабкался наверх по той самой тоненькой магической веревке. Остался только Герман.

Напоследок оглянувшись по сторонам, он полез наверх.

— Что вы здесь делаете, курсант Герман?

Вопрос был произнесен спокойным будничным тоном, но Герман застыл в неудобно позе, наполовину перевесившись через ограждение. По спине пробежал холодок.

Рене, благополучно приземлившись, поторопил:

— Ты что там застрял? Отлить приспичило? — он повернулся к Дзюн. — Слушай, пошли-ка. Вдруг, реально приспичило?

Герман обернулся на Вальтера и, чуть запинаясь, откликнулся:

— Д... да, идите. Я догоню.

Ребята ушли вперед, и Гротт негромко повторил:

— Я жду объяснений, курсант.

На узком заборе, утыканном острыми шипами, было откровенно говоря неудобно, но и спускаться под пристальным взглядом учителя — тоже. Герман чуть развернулся, чтобы не смотреть на него из-за плеча.

— Мы... — все слова испарились из головы. Следовало придумать себе оправдание заранее, ведь не могло же все действительно пройти без осложнений? — То есть я. Я напишу объяснительную.

— Для этого вам необходимо как минимум спуститься на землю, — съязвил Гротт и недобро прищурился. — Сколько еще мне смотреть на ваши выходки сквозь пальцы? Посмотрите на себя, в каком вы виде? А ведь в анкете при поступлении вы указали, что горите желанием учиться. Что, перегорели? Хотите вылететь? Это нетрудно обеспечить, вы уже неплохо постарались. Интересно, что будет с курсантом Кельвином, когда вы соберете вещи и вернетесь в свою деревеньку, пасти коров?

Германа прошиб холодный пот. Никогда до этого он не был так близок к провалу, хотя уже нарушал правила до этого, хотя каждый раз не по своему желанию. Гротту ничего не стоило пойти к декану и заодно сообщить о проникновении в оружейную. А что он еще знал?

— Не пытайся применить на мне свой ментальный дар, — совсем другим тоном предупредил Гротт и заложил руки за спину. — Тебе повезло, что должником ты мне нравишься больше, чем вылетевшим неудачником. Приведите форму в подарок, курсант Герман. И вытрите кровь.

Он развернулся на каблуках и пошел дальше, к открытым задним воротам.

Герман перелез на территорию училища, не чуя ни рук, ни ног. Перспектива оказаться исключенным не просто вылилась на него холодным душем, она привела его в настоящий ужас. Дело было даже не в Альберте, хотя Гротт знал, на какое место стоит давить. Просто это была мечта. Давняя, любовно хранимая и лелеемая, мечта, к исполнению которой пришлось приложить столько усилий, сколько и представить сложно. Стать магом, даже больше — стать человеком, которого бы уважали и с которым бы считались, человеком, которым бы гордилась матушка и которым бы гордился он сам. И все могло рухнуть в один момент. А ведь он лучший!

— Смотри, куда прешь, деревенщина!

Герман споткнулся и только благодаря этому нечто пронеслось над его головой, а не столкнулось с ней. Резко пахло болотной гнилью и газом. Герман выпрямился и увидел идущему к нему вальяжной походкой Ролана. Главная дорожка скрывалась за деревьями, и здесь, на искусственной поляне, они были одни.

— У меня одиночная тренировка, так что топай отсюда, — грубо выдал он и брезгливо поморщился. — Топай, говорю.

— Первокурсникам запрещено заниматься практической магией самостоятельно, — машинально процитировал технику безопасности Герман, и рядом с лицом пролетел дурно пахнущий снаряд. За спиной противно хлопнуло и, обернувшись, он увидел стекающую по древесному стволу жидкую грязь. — Земля?

Ролан мгновенно побагровел и сжал кулаки:

— Заткнись! Не смей надо мной смеяться!

Земля считалась самой слабой из Стихий, но Герман и не думал издеваться или что-то вроде того. Он вообще не собирался вступать с давним недругом в диалог. Ничего не ответив, он сделал шаг вперед.

— Никуда ты не пойдешь, пока мы не решим этот вопрос, — преградил ему путь Ролан. Взгляд Германа упал на нашивку. Первый поток.

— Нет никакого вопроса, — Герман вздохнул, чувствуя смертельную усталость. — Мы теперь даже на разных потоках учимся. Просто оставь меня в покое, забудь, что знал меня. Хорошо?

— Ты вообще здесь учиться не должен, нищеврод. Это место для людей другого сорта, еще не понял?

Значит, “другого сорта”? Выходит, Ролану все это время не давало покоя его происхождение?

— А для кого это место? — неожиданно для самого себя жестко бросил он. Небо совсем нахмурилось, и на парк упала тень. — Для разорившихся дворян, вроде тебя? Для тех, у кого гонора больше, чем связей?

— Откуда ты... — Ролан так же резко побледнел, и Герман поспешил обойти его. Но ноги вдруг увязли в чем-то, и он упал в лужу грязи посреди зеленой лужайки. Не стоило труда догадаться, чьих это рук дело. В груди закипела злость, Герман привстал на четвереньки, но ладони и колени заскользили по жиже, и он снова упал на живот.

Ролан противно заржал, довольный собой. Правда, смеялся он недолго.

— Ролан, что ты творишь? — незнакомый голос мгновенно осадил парня. — Применение магии против студентов не в рамках боевой подготовки — сутки карцера. Я доложу об этом инциденте в деканат.

Герман кое-как поднялся, благо большая часть жидкости впиталась в землю.

— Не надо, Вильям! — тон Ролана еще никогда не был столь просящим и жалобным. — Не надо! Этого больше не повторится, не выдавай меня, пожалуйста.

— Пострадавшая сторона? — Вильям, лучший ученик первого потока, обернулся к отряхивающемуся в стороне Герману.

— Претензий не имею, — пробормотал он. С удовольствием бы засадил гада в карцер на сутки, но тогда пришлось бы многое объяснять в обоих деканатах.

Ролан умчался от греха подальше, а вот Вильям задержался. Насыщенно-синие глаза с отстраненным интересом изучили помятого, грязного и раздраженного Германа.

— Я слышал о тебе, но не думал, что самый перспективный по слухам студент второго потока окажется таким. Я разочарован.

Весь его вид будто говорил: “Ты мне не ровня”. Они и внешне были мало похожи. Вильям, хоть и был несколько загорел, имел крупные мужественные черты лица и живой азартный взгляд. Светло-

русые волосы гладкими прядями спадали на лоб. Герман пока не мог определиться как он к нему относится, исходя из одного внешнего впечатления, но вслух вынужден был поблагодарить.

— Благодарность ни к чему, — гордо отмахнулся Вильям. — Учись сам себя защищать. И не позорь себя.

В комнату Герман вернулся окончательно раскисшим, к тому же от него издалека несло болотной вонью. Его встретила подозрительная тишина, Рене и Берта в комнате не было, Дзюн и Ситри вроде бы тоже.

— Где все? — только и смог он спросить, поевшись под ледяным взглядом Стефании. Девушка склонилась над большой раскрытой коробкой, но поспешно запихнула содержимое внутрь и поднялась. Волна осуждения прокатилась по комнате.

— Понятия не имею, — она подошла к окну и демонстративно распахнула. — От тебя воняет. Пошел вон.

Из-под наскоро наброшенной крышки торчал уголок дорогой нарядной ткани с вышивкой. Стефания вернулась, сердито схватила коробку и запихнула под кровать.

— Стефания...

Девушка резко выпрямилась, поморщилась и пронеслась мимо в открытую дверь. А на столе осталась лежать позабытая сухая ромашка.

Урок 24. Красавица в беде одинаково действует на всех мужчин

Время бала в честь пройденной магической инициации наступило незаметно. Административный корпус располагался недалеко от парадных ворот и отделял собой закрытую территорию училища от общественной зоны. Гостям открывался чудесный вид на ухоженный парк, разбитый по обе стороны подъездной аллеи. Свет горел во всех окнах, и было светло как днем. Для проведения торжества избрали просторный конференц-зал на втором этаже, отдав часть соседних помещений под кухонные нужды, и по коридору разносились одуряюще вкусные ароматы.

Сам конференц-зал в этот вечер было не узнать. Длинные столы для фуршета тянулись вдоль стен, освободив место для будущих танцев. Вместо кафедры выступающего соорудили роскошную сцену для официальной части, и, судя по всему, кто-то уже готовился произнести речь.

Герману было здесь очень неприятно, как и во всяком людном месте, а уж людей тут хватало с излишком. Собрались лучшие студенты практически всех образовательных учреждений Визании, а их было немало. Белые мантии инквизиторов особенно выделялись, впрочем, парадная голубая униформа гражданских медмагов тоже привлекала к себе внимание. Герман поборол желание сморщиться, будто проглотил целый лимон и потянулся поправить узел галстука. Украшение ему нравилось, несмотря на явные неудобства, но это скорее с непривычки.

— Ну как я тебе? — в сотый раз поинтересовался Берт, от волнения оттягивающего кружевные манжеты, выглядывающие из-под рукавов белоснежного приталенного камзола с золотой отстрочкой. На шее красовался пышный бант, сколотый брошкой с крупным голубым топазом. Точно такой же камешек блестел в новой паре сережек. Иногда Альберт становился хуже самой капризной девчонки, и оттащить его от прилавка не удалось даже их с Рене совместными

усилиями. Стипендия за последний месяц улетела в трубу, зато Альберт смотрелся настоящим красавцем.

— Сойдет, — отмахнулся Рене и схватил с крайнего стола вазочку с крохотными глазированными пирожными.

— И все?!

— Ну я пленен твоей красотой и готов затискать тебя в ближайшем углу. Доволен? — Рене шутливо раскланялся и сунул в рот друга, приоткрывшийся для нового вопроса, пирожное. — Или реально нарываешься?

Герман поднес ладонь к лицу, пряча улыбку. Вроде эти двое дурачились как подростки, а бывшего раздражения уже не вызывали.

Когда накануне к ним в комнату пришел сам Вальтер Гротт, Герман не ждал от него ничего хорошего и не прогадал. Вальтер вытащил Германа в коридор и безапелляционно заявил, что пусть только тот попробует не прийти, и прозрачно намекнул на недавнее нарушение. Возражения не принимались, хотя кто, как не Гротт, должен был понимать его опасения. Оставлять Берта одного было нельзя, и, возможно, Гротт добивался именно этого. Только непонятно, зачем. И вот он здесь, среди шумной многоголосой толпы, разряженной в пух и прах. Пожалуй, только искренняя радость и оживление Берта хоть как-то оправдывали это опасное и глупое мероприятие. Юноша заранее подготовился и заставил подготовиться остальных, хотя Герман сразу предупредил, что не намерен веселиться и танцевать тем более!

— О чем задумался? — вкрадчиво спросил Рене, когда Берт унесся куда-то со счастливым видом, и они остались вдвоем. Мимо продефилировали две смеющиеся девушки с первого потока, обдав парней сладким ароматом духов. Тут бы Рене отстать с глупыми вопросами и устремиться за красотками, но рыжий на них даже не взглянул.

— А о чем, по-твоему, я должен задуматься? — осторожно уточнил Герман. Рене вздернул одну бровь:

— На лице же все написано, — он ухмыльнулся и карикатурно низким голосом пробасил, явно издеваясь. — “Как мне все надоело. Меня окружают идиоты. Хочу в комнату, оставьте меня в покое”. Так ведь?

— Так, — не стал отпираться Герман. Рене не нес угрозы, чаще всего он нес чепуху, но сейчас, похоже, решил поиграть во взрослого. Он приобнял Германа за плечи и наклонился ниже:

— Ты правда уверен в том, что сегодня Дженаро попытается убить красавчика? Мы ведь так не узнали, с кем он встречался.

Герман кивнул. Они уже обсуждали это перед выходом из общежития, хотя даже Гротту Герман не доверил своих подозрений.

— Уверен. Посуди сам, более удачного момента незаметно устранить одного из доброй сотни собравшихся студентов не будет. При удачном для него раскладе, убийца так же успешно скроется с места преступления, затерявшись в толпе.

Рене задумчиво пожевал губу:

— В принципе я с тобой согласен. Будь я на месте потенциального убийцы, не упустил бы такой возможности, как бал. Такая куча непонятного народа, за всеми не уследишь. Обмануть систему пропусков и войти без приглашения, пара пустяков, — и добавил безжалостно. — Сегодня я бы его и грохнул.

Герман вздрогнул, но тут же раздраженно спихнул руку рыжего с плеча:

— С ним ничего не случится, пока я ря... Где он? Куда он делся?

Тревога зародилась в груди и камнем ухнула в желудок. Он вцепился в кольцо на пальце, но не успел снять.

— Герма-а-ан! — Берт замахал им с другого конца зала, и тут прозвучал сигнал к тишине.

Погас свет, и на сцену, подсвеченную магическими огнями, взошли двое.

— Здравствуйте! Мы рады приветствовать вас в этот чудесный вечер в Училище военно-магических дисциплин Визании, — голос декана первого потока, Августа Мореску, легко перекрывал любой шум. — Каждый из вас по достоинству занимает свое место, и ваши индивидуальные показатели на инициации тому подтверждение. Я бы хотел от имени всего училища сказать...

Герман отвлекся, пытаясь взглядом отыскать в замороженно внимающей декану толпе белокурую макушку. Увы, Берт умудрился раствориться без следа.

— ... пора предоставить слово моему уважаемому коллеге, декану второго потока, Савелию Кишману.

Савелий долго, но с чувством и хорошо поставленным голосом рассказывал о перспективах, которые ждут сегодняшних студентов в будущем, шутил и был собой, насколько это возможно, потому что Герман даже со своего места ощущал скуку, которая его одолевала. И не его одного, потому как Рене, стоящий рядом, уже откровенно зевал.

— Лучше бы директора показали, — пожаловался он. — Интересно же. Где вот он вечно пропадает?

Ответа он, само собой не получил, и украдкой зевнул в прижатый ко рту кулак.

Свою приветственную речь Кишман закончил немного раньше, чем курсанты и гости училища успели окончательно заскучать. А Герман, который слушал от начала и до конца, впитывая все, что проскальзывало между слов, в свою информационную копилку, неожиданно вздрогнул и обернулся.

В зал вошла Стефания и своим внешним видом произвела настоящий фурор — куда там неуловимому директору! Герман только подивился, где она достала мужскую парадную форму, точнее только низ от нее, потому что приталенный пиджак с выточками и белыми вставками очень красиво подчеркивал грудь и был определенно женским. Но среди наряженных в разноцветные платья девушек, Стефания смотрелась настоящей белой вороной.

Однако брюки, словно шитые на заказ, открыли взгляду заинтересованных то, что умело скрывали форменные юбки-карандаши — широкие бедра и (как услужливо дорисовало воображение Германа) аппетитную подтянутую попу. Герман мучительно покраснел, отгоняя от себя клубы мужской заинтересованности и ответной женской ревности странного болотно-коричневого окраса, настолько все смешалось в толпе.

— Вау, — прокомментировал Рене. — А она умеет произвести впечатление.

— Только не то, которое должна, — вздохнул Герман, потирая виски. Всеобщее оживление сильно давило на черепную коробку, блокатор накалился, не справляясь с нагрузкой, и Герман неожиданно ощутил страстное желание шлепнуть Стефанию по задку. Даже пальцы конвульсивно дрогнули.

Разумеется, желание было не его, оно принадлежало как минимум одному студенту в безумно дорогом и пышном камзоле, стоявшему

позади Стефании, и еще несколькими десяткам парней, так что Герман сопротивлялся ему с трудом. Поэтому он и ненавидел масштабные мероприятия — способности менталистов были слишком избирательны. И совершенно непредсказуемы.

— Эй, Герман, ты чего? — заволновался рыжий.

— Черт! — прорычал Герман в ответ. — Черт! Черт! Черт! — и устремился в сторону Стефании, в надежде опередить наглого франта. Кажется, тот уже занес руку.

— Стефания, что ты тут делаешь? — начал он, схватив девушку за руку и уводя в сторону от похотливо глазеющих парней. Кто бы мог подумать, что девушка в брюках вызовет такой резонанс.

— Вообще-то это мероприятие для всех, — огрызнулась она и попыталась выдернуть руку, но Герман держал крепко, впитывая ее раздражение и пренебрежение, чтобы заглушить ненужные эмоции. И чтобы рука свободной не была.

— ... в таком виде? — закончил он. Его не волновало, как он выглядел в ее глазах, ведь для нее в эту минуту совершенно ничего не произошло. Она даже не подозревала, что компания лощенных индюков, не сговариваясь, мечтала проверить, так ли упруга ее попа, как выглядит. Кстати об этом. Герман невольно скосил глаза, но тут же одернул себя и затряс головой.

Если бы он не вмешался, несколько парней бы уже оказались на больничных койках — Герман очень четко улавливал присутствие Ситри где-то в тени. А Стефания, привлекая к своей персоне совершенно ненужное внимание, рисковала себя рассекретить. Именно это привело его в чувство, уводя в сторону ненужные мысли.

— В каком виде? Нигде в правилах не указано, что запрещено являться на мероприятие в парадной форме!

— Стефания! В женской парадной форме — юбка! А не брюки!

— Что за дискриминация! — вспыхнула Стефания, и от ее привычной холодности не осталось и следа. — Или ты тоже относишься к *этим*?

Она не уточнила, кто были “эти”, но Герман ее понял. Выходцы из самых отсталых миров, примерно таких как Ландри, часто становились самыми яркими приверженцами мнения, будто удел женщины — рожать детей и подчиняться мужчине. А хлебнувшие свободы в Визании девушки совершенно не желали исполнять

вверенную им роль. В истории Визании этому явлению отводилось несколько параграфов, ибо оно успело спровоцировать не один конфликт.

— Прости, — Герман сжал ее пальцы и отпустил, но заговорил мягко, переходя почти на шепот. — Просто хотел пригласить на танец.

— Что? — девушка не ожидала такой скорой капитуляции. Она даже как-то внутренне дрогнула и потянулась к нему малознакомым, но теплым чувством, отдающим ароматом спелой клубники. Только лицо, как обычно хмурое, не выражало никаких эмоций, кроме удивления.

— О! Ты ведь Стефания? — прервал их перебранку знакомый голос, в котором Герман признал Вильяма, того самого студента с первого потока. Мгновенно стало не по себе — что ему тут нужно? Клубничный дымок рассеялся, Стефания заинтересованно подняла голову. — Наслышан. Тебе очень идет эта форма.

— Спасибо, — даже без намека на кокетство поблагодарила она, и губы Вильяма изогнулись в усмешке.

— А ты интересная.

— А ты ведь Вильям?

Про Германа они будто и забыли.

— Он самый. Зигфрид рассказывал о тебе, и я не мог удержаться от любопытства. Потанцуем?

Он галантно протянул Стефании руку, а она с готовностью приняла приглашение, обернувшись напоследок, и окинув Германа насмешливым взглядом, словно говорила: учись, как нужно с девушками обращаться. Разве что язык не показала.

Как по заказу заиграла медленная композиция, Вильям приобнял Стефанию за талию и легко закружил по залу. На плечо Германа легла ладонь.

— Ничего не говори, — с нескрываемой досадой оборвал он Рене, явно намеревающегося в своем духе прокомментировать ситуацию. Тот с неожиданным пониманием пожал плечами и, запихнув в рот какой-то сложный, но очень маленький бутерброд, направился к столам.

Стефания с Вильямом уже потерялись в пестрой толпе, но Герман продолжал выискивать в ней темные косы и белую оторочку пиджака.

Внутри тихонечко скулила обида, непонятно откуда взявшаяся, но вопреки остальным эмоциям, принадлежащая именно ему.

— О, Герман, смотри! Дзюн! — Альберт появился неожиданно и вырвал Германа из неприятных размышлений. Вот, кто веселился от души — его раскрепощенность и общительность привлекала людей не меньше, чем аромат спелой вишни, который едва-едва чувствовался на языке. Берт был привлекательным и без своих способностей.

Дзюн и правда появилась в дверях столовой. Маленькая, хрупкая, невероятно трогательная, в каком-то восточном платье с длинными широкими рукавами. Только взгляд у нее был скучающий. Она скользнула им по пестрой толпе и вдруг замерла. Германа обдало волной презрения. Дзюн с секунду поколебалась, а потом целенаправленно устремилась в сторону окна, где сидел ранее незамеченный Германом Сорамару. Библиотекарь с нескрываемым удовольствием лакомился пирожными, коих в праздничный день было в изобилии. Танцы и другие развлечения его не волновали.

На секунду Герману показалось, будто в свете рампы в руках Дзюн что-то блеснуло, и тут же в памяти всплыл инцидент в библиотеке. Если гнев снова затмил ее разум, она могла напасть на Сорамару в толпе. Герман просто обязан ее остановить.

Он поймал ее за руку в нескольких метрах от окна — библиотекарь их даже не заметил — и потянул в центр зала. Раздражение вспыхнуло, почти ослепляя Германа, и тут же начало рассеиваться. Девушка втянула тонкую кисть в рукав.

— Это на тебя совсем не похоже, — сказал Герман с укором. — Ты понимаешь, что очень рискуешь, совершая необдуманные поступки?

Дзюн не ответила, но позволила себя не только обнять, но даже подстроилась под его шаг. С самого первого дня их встречи Германа искренне поражало умение девушки быстро брать любые свои эмоции под контроль, поэтому он неосознанно тянулся к ней, к этому приятно щекочущему его восприятие спокойствию.

— Не думал, что тебя это не касается? — спросила Дзюн, и раздраженный фон ее мыслей окончательно пропал.

— Касается. Тебя переселили в нашу комнату, а, значит, ты член нашей боевой команды на будущую практику. Я не могу позволить тебе делать глупости.

Она не ответила, только чуть наклонила голову, почти упираясь лбом в его плечо. Это было странное ощущение, быть так близко, держать ладонь на ее тонкой талии, как будто это в порядке вещей. Деревенские танцы были другими — веселыми, бойкими, но танцующие не были так близки друг к другу. Герман не был завсегдатаем танцевальных вечеров, но частенько наблюдал издали, а иногда сопровождал любознательного Альберта.

Музыка убаюкивала бдительность, расслабляла, казалось, они с Дзюн плыли на ее волнах. Шаг вправо, шаг влево, она чуть отходит, приседает. Герман заводит руку за спину, а второй чуть придерживает пальчики Дзюн, делающей изящный поворот. И вот они снова рядом, и он держит ее за талию.

— Спасибо, — проронила девушка и подняла голову. Зал был погружен в искусственный полумрак, разгоняемый цветной подсветкой, бросающей на пол и на фигуры людей рисунки из замысловатых узоров. Красный луч скользнул по ее лицу, и темные раскосые глаза наполнились глубоким винным цветом, став почти багровыми.

— За что?

Она обхватила его обеими руками за пояс и, вдруг вытянувшись на носочках, быстро поцеловала в щеку. Из головы внезапно исчезли все мысли, руки безвольно опустились, скользнув по гладкому черному шелку, и Герман понял, что совершенно не знает, как реагировать. Знал, как бы повел себя Рене, что сказал бы Берт, и примерно представлял себе реакцию любого другого парня на своем месте. А сам просто застыл столбом.

Дзюн будто специально потянулась к нему бархатистой нежностью, той, которую она никогда бы не показала внешне, и ушла прочь, не оглядываясь. Герман решил ее не преследовать, как бы сильно не хотелось. Он лишь проводил девушку задумчивым взглядом и вздохнул. С прекрасным полом ему сегодня определенно не везло, как ни крути.

— Гера, ты конченный неудачник, — все-таки радостно сообщил ему Рене, дождавшийся момента, и похлопал по плечу. Глупо было бы надеяться, что он не заметил досадного инцидента. Наверняка ведь наблюдал поблизости и хихикал.

— Не пошел бы ты, — совершенно неделикатно посоветовал Герман и, сбросив его руку, отправился на поиски Альберта. Дзюн взбаламутила ему мысли, но не стоило забывать, ради чего он терпит все эти неудобства.

Столовая и в обычные дни казалась огромной, но сейчас будто увеличилась еще втрое. Кружащиеся в танце пары мешали продвижению, в какой-то момент стало видно, как Берт оживленно болтает с какой-то девушкой у дальнего окна, угощает ее коктейлем, смеется и выглядит довольным жизнью. Флиртовал он совершенно неумело, но искреннее, и девушка, похоже, наслаждалась обществом. Вот, даже Берт не растерялся, а Германа отшили дважды за вечер. Может, Рене был прав в своей нелестной характеристике?

Столик у окна загородила парочка инквизиторов, музыка стала бодрее, все потянулись в центр зала, и Герман поспешил скрыться подальше и переждать. Вместо привычной головной боли разум сковывало отупляющее оцепенение, хотелось забиться в угол и просто дожидаться утра, когда все разойдутся и можно будет вернуться в свою комнату. Так бы и было, если бы не Альберт.

Герман покинул шумный зал и решил углубиться в один из подсобных коридорчиков, но с досадой обнаружил, что подобная идея пришла в голову не ему одному.

— Тсс... Тихо. Ты же не хочешь вопросов?

Герман замер, но шаги приближались, и пришлось отступить в тень. Возможно, его не увидят, и он незаметно уйдет обратно.

Но эти двое остановились как раз недалеко от его укрытия, как назло.

— Надоело, — этот безэмоциональный голос Герману тоже был знаком. Он чуть сместился в сторону и увидел, как два курсанта первого потока разговаривали в круге света одинокой лампы. Зигфрид и Фо.

— Да брось, ты же понимаешь. Если отец узнает, заберет меня отсюда.

Зигфрид привалился спиной к стене и положил ладонь другу на талию. Фо сделал шаг вперед, почти прижимаясь к его груди, будто собирался сказать что-то на ухо. Возможно, это и правда был какой-то важный секрет, потому что юноша привстал на цыпочки и потянулся к лицу Зигфрида, и тот наклонил к нему голову. Не желая становиться

свидетелем чужих разговоров, тем более таких секретных, что приходилось шептаться даже наедине, Герман уже собрался было обнаружить себя, но в этот момент в коридорчик залетел Рене. Зигфрид и Фо отпрянули друг от друга, а Фо даже, кажется, зашипел разъяренной кошкой. Только тогда Рене соизволил их заметить, впрочем, обращался он именно к Герману.

— Слышь ты, вуайерист, там твоя баба сейчас всех крушить начнет. Или я ошибаюсь, и она не твоя? В любом случае, без кровищи не обойдется.

Герман побледнел:

— Что значит, крушить? Какая такая... баба? — он бросил виноватый взгляд на двоих парней. — Прошу прощения за беспокойство. Рене, рассказывай по порядку.

И он за локоть потащил Рене обратно в зал.

По дороге тот успел вкратце обрисовать ситуацию, и выходила она не то жуткой, не то смешной, сразу и не скажешь. Стефания-таки нарвалась на ненавистных *этих*. Попросту говоря, ей все же сделали замечание по поводу внешнего вида, и едва ли в деликатных выражениях. На самом деле Герман испугался, что коллективное желание шлепнуть смелую девицу по заду было кем-то успешно реализовано. К счастью, до этого пока не дошло.

На первый взгляд ничего особо не поменялось — играла все та же музыка, пары танцевали, одиночки сметали закуску с фуршетных столов. Но где-то позади этой милой картинки сплелись в клубок не самые приятные эмоции. Тошнотворный запахок превосходства был отлично знаком Герману с раннего детства, так пахли те, кто считал себя выше остальных. Сейчас один такой парень со снисходительной усмешкой важной по праву рождения персоны глядел на Стефанию. Вульгарный камзол малинового цвета, спесивое выражение лица, масляно блестящие глазки, которых Герман не видел издавна, но прекрасно себе представлял. Вокруг него клубилось глухое раздражение Стефании.

Девушка была невероятно зла.

— Да кто ты такой, чтобы меня судить? — с вызовом спросила она, тряхнув косами. Щеки покраснелись, делая ее куда более милой, чем привычная хмурая мина. — Не нравится, гуляй дальше.

Ситри стояла за ее спиной, но помалкивала. Похоже, исполняла приказ, потому что явно была недовольна, но сдерживала себя.

— Из тебя никогда не получится настоящей женщины, — глумливо протянул этот хлыщ, и его группа поддержки согласно закивала. Как это все знакомо. — Думаешь, зачем вы, девчонки, тут вообще нужны? Чтобы здешним парням скучно не было. Улыбаться и быть приветливыми — вот все, что от вас требуется.

Тут даже Герман вскипел и готов был немедленно вмешаться, тем более что остальных людей перепалка совершенно не интересовала, как будто так и надо. Однако Рене его удержал, загадочно шепнув: “Подожди малек”.

Стефанию затрясло, но она все равно остановила начавшую недвусмысленно разминать кисти подругу. От сверкающих, как снег на солнце, чувств у Германа едва не заслезилась глаза. Стефания была слишком яркой для него.

— Значит, по-твоему, нам не место в военном училище?

— Естественно. Так сама природа распорядилась, — хлыщ назидательно ткнул в воздух бледным пальцем. — Вы слабые, и нуждаетесь в нас. Вы от нас зависите, просто признай это и подумай над своим поведением.

Довольный выданной сентенцией, он повернулся к друзьям за поддержкой.

— Я вызываю тебя на дуэль.

Герман переглянулся с Рене. Судя по тому, как округлились его глаза, слух не обманул обоих.

— Что? — парень тоже растерялся. Стефания выпрямилась и гордо повторила:

— Я вызываю тебя на поединок, если не боишься, конечно. Время, место и оружие выбираешь ты.

Он справился с потрясением и вдруг разразился неприятным, каким-то не по-щенячьи визгливым смехом. А отсмеявшись, жестко бросил:

— Брюки нацепила и осмелела? А без них ты кто? Обычная ду...

Герман вырвался вперед и, опережая как конец фразы, так и вполне ожидаемую реакцию оскорбленной девушки, схватил Стефанию за руку. Замерли все, в том числе и сам Герман.

— Это еще кто?

Герман вопрос проигнорировал, обратившись к Стефании:

— Тебя вообще одну оставлять нельзя, так что ли? Устроила целый спектакль. Идем отсюда, — он потянул ее прочь, но, увы, избежать конфликта простейшим образом не удалось. Он ощутил, как его буквально толкнуло в спину прицельным выстрелом возмущения.

— Я тебя спросил, ты. Назовись.

“Инквизитор”, — подумалось Герману. Он не так много знал представителей этой братии, но слышал, что некоторая самоуверенность им присуща, как будущим блюстителям магических законов. Впрочем, сейчас ничто не могло оправдать подобного хамства. Герман обернулся, не выпуская руки Стефании:

— Меня зовут Герман, — опасно тихо ответил он, подпуская во взгляд ту, привычную для других, мрачность. — И не советую к ней лезть. На самом деле, очень не советую.

— А то что? Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? Я Кирос, сын...

— Да плевать я хотел, — выражение, более приличествующее Рене, само сорвалось с языка. — Обидишь ее и будешь иметь дело со мной.

— И со мной.

Все трое, включая Стефанию, одновременно вздрогнули. Из-за спины Кироса вышла госпожа Кишман и мило улыбнулась:

— Расскажите мне, что случилось? Не хотелось бы портить праздник, мой муж так старался, так старался, — и она выдала очередную доброжелательную улыбку, от которой свело живот. — Ну? Кто начнет?

Урок 25. Играя в сыщиков, не стоит забывать, что преступник — настоящий

Вмешательство Алины Кишман оказалось как нельзя кстати, хотя Стефания и предпочла бы, чтобы на ее месте был кто-нибудь другой. Нежно-бежевое платье с пышной длинной юбкой и кружевным лифом удивительно шло ей, как и яркая помада на пухлых губках, и перламутровый жемчуг на тонкой шее. Алина улыбалась и наверняка была уверена в своей неотразимости, теперь все парни смотрели на нее, как на сошедшую с небес богиню. Стефания дернулась и почувствовала, как Герман сильнее сжал пальцы, почти до боли. Он тоже не мог не отметить красоту Кишман и теперь сравнивает их мысленно. Унизительное положение, хуже и не придумаешь. Стефания перестала вырываться и понадеялась, что, увлекшись дурацкой перебранкой, Герман забудет о ней, ведь ей вовсе не нужна его защита! О чем он вообще думал, вмешиваясь?

— Ну? Кто начнет?

Госпожа Кишман строго посмотрела на Киросу, а после перевела взгляд на Германа. И Стефания снова с неожиданной ревностью отметила, как изменилось ее лицо. Неужели этот парень кажется всем настолько привлекательным?

Товарищ Кироса что-то шепнул ему на ухо, и тот мигом подобрался, расправил плечи, видимо, полагая, что так будет выглядеть приятнее.

— Госпожа Кишман, вопрос совершенно не стоит вашего драгоценного внимания, — запел он совсем другим голосом. — Я сделал комплимент даме, а ее кавалер почувствовал себя задетым. Но заверяю вас, повода для беспокойства нет.

Он послал Алине чарующую улыбку, от которой у Стефании едва в животе не забурчало. Только круглые дуры ведутся на такое вранье. Впрочем, Стефания при всем своем отношении давно не считала Кишман дурой.

Кишман улыбнулась в ответ и отвернулась. К Герману.

— Следите за своей дамой внимательнее, Герман. Такая красавица того стоит.

Она увидела в толпе своего мужа, беседующего с Вальтером Гроттом, и радостно помахала ему рукой. Савелий помахал в ответ, а Гротт скривился и отвернулся. Стефания тоже поспешила отвести взгляд, потому что внутри разлилось странное непривычное чувство, от которого ныло в груди и жгло глаза. Она покосилась на Кишман и поняла, что чувствует зависть. Она была такой красивой, милой, успешной и... влюбленной. Наверное, Стефании тоже бы хотелось узнать, как это, быть в кого-то влюбленной.

— Вы правы, госпожа Кишман, — Герман кивнул, почему-то подыгрывая Киросу и его друзьям. Только взглядами с ним схлестнулся, и Стефания поняла, что встретиться они еще где, проблем не избежать. — Простите мою несдержанность.

Еще и извинился перед этими хамами! Стефания стиснула его пальцы в ответ, показывая свое неодобрение, вот только выступать не стала. Быть может, потом, наедине.

— Почему ты им подыграл? — спросила она, когда парень отвел ее в сторону. — Ты ведь мог...

— Не мог, — оборвал ее Герман и по-другому перехватил руку. — Ты же подаришь мне танец в награду за свое спасение?

И потянул в центр зала, причем в его словах не было вопросительных интонаций, просто перед фактом поставил и все. А Стефания, сама не зная почему, позволила вывести себя на свободное место и обнять. Он словно гипнотизировал, и она была не в силах сопротивляться, к тому же руки у него такие теплые, что от прикосновения даже сквозь пиджак почти жгло кожу.

— Ты нахал, — Стефания решительно подняла голову, как-то неправильно было не смотреть в лицо своему партнеру по танцу. Положила ладонь ему на плечо — танцевать, так танцевать.

— Монстр.

— Что? — не поняла Стефания. Лицо Германа было спокойно и капельку безэмоционально, как и обычно, только в глазах что-то блеснуло. Невероятно красивых карих глазах, таких же теплых, как шоколад, который он заказал ей в кафе.

— Я монстр, а не нахал. Разве не слышала об этом еще?

— Ты невыносим просто, — фыркнула она, ловя себя на запоздалой мысли, что начинает флиртовать. Улыбка сразу сползла с лица, Стефания напряглась, но Герман просто не позволил встать столбом, увлекая в ритм танца. Сильный, упрямый, настойчивый. Она никогда не смотрела на его с этой стороны, просто воспринимала как что-то раздражающее.

— Ты можешь хотя бы немного расслабиться и побыть собой? — в голосе Германа ей послышалась то ли мольба, то ли упрек.

— А ты? Ты — деревенский парень. Где научился так танцевать?

Герман шагнул на встречу и оттолкнул, покружив ее под рукой. В глазах зарябили яркие краски,хватило дух. Когда-то Стефания любила танцевать, но уже совсем успела забыть это чувство легкости, полета, доверия. Глаза защипало от невыплаканных слез.

— Просто я талантливый, — Герман смутился, вновь кладя ладонь ей на талию. — Только и всего.

Стефания сморгнула слезы, не желая, чтобы он их видел, но Герман и не смотрел на ее лицо. Его рассеянный взгляд словно искал кого-то в толпе.

— Герман?

— А?

— Почему ты за меня заступился?

— Потому что тебе нужна помощь. Я не знаю, что у тебя произошло, и если ты не захочешь говорить, я не смогу тебя заставить. Но избежать неприятностей пока еще вполне возможно.

Стефания нахмурилась. В рыцаря поиграть хочет?

— А если мне не нужна твоя помощь? Вообще ничья помощь.

— Это ты так думаешь, — он легко пожал плечами, все так же смотря куда-то сквозь нее. Сразу захотелось его ударить или хотя бы наступить на ногу, пусть и тяжелые форменные ботинки пришлось сменить на высокие сапоги из тонкой черной кожи. Но небольшие каблуки у них имелись. Пришлось ограничиться фырканием.

— Пф! Мне виднее, нужна мне помощь или нет, — из чистого упрямства ответила она, но тело, сопротивляясь доводам разума, не дало ей сделать и шага прочь. Левая рука все так же покоилась на его плече, а правая — в его горячей ладони. Стефания зажмурилась, но отстраненное смуглое лицо будто отпечаталось на внутренней стороне

век, от него не удавалось избавиться. Словно наваждение. Надо было уйти сразу.

— Музыка стихла.

Она вскинула голову, только сейчас поняв, насколько танец увлек ее, танец и глупые фантазии. Герман чуть поклонился, как того требовал этикет, и повторил с мягкой, но какой-то рассеянной улыбкой:

— Музыка стихла, Стефания, — он назвал ее по имени, не в первый раз, но сердце заколотилось в груди. Это все неправильно. — Позволь откланяться. И, — Герман улыбнулся более открыто, — эта форма действительно тебе идет.

Он ведь не лгал, сказал то, что думал, но почему-то захотелось плакать. Стефания отпустила его и даже не обернулась, когда он обошел ее скрылся в толпе. Правда, надолго терпения не хватило.

— Хозяйка? — Ситри, конечно, все это время не спускала с нее глаз. Не просто ей приходится, странно, что раньше Стефании это не приходило в голову.

— Все нормально.

— Но вы... у тебя слезы? — Ситри нахмурилась и сжала кулаки. Верная, заботливая Ситри, которая даже на празднике не сменила привычной одежды и прически, будто этот день для нее не отличался от остальных. — Если это он, я вышибу ему мозги, какими бы ценными для вас они не были.

— Да на что мне его мозги!.. — в отчаянии выкрикнула Стефания. Почему именно сейчас она начала понимать, как дурно вела себя все это время с людьми, которые к ней не безразличны? — Я должна с ним поговорить! Где он? Ты видела, куда он пошел? Я скажу ему... — тут она не смогла ничего придумать, но это и не важно. — Я все ему скажу, все! Ты мне веришь, Ситри?

Подруга кивнула. Она всегда понимала, всегда верила — грубая и сильная снаружи, и такая мягкая и нежная внутри. И этого тоже Стефания раньше не замечала.

— Вниз пошел, — тихо ответила Ситри. — За Бертом.

Стефания подпрыгнула, чмокнула подругу в щеку и поспешила за Германом.

Ночью в саду перед административным корпусом распускались диковинные маленькие цветочки с нежно-розовыми лепестками и сильным сладким запахом. Возможно, именно поэтому Герман растерялся, едва покинул здание. Внезапная тишина оглушала, все звуки — шум музыки, гул голосов, паутина эмоций — остались внутри, в банкетном зале на втором этаже, там же, где сверкали драгоценными камнями глаза Стефании. Под их взглядом он чувствовал себя беззащитным. А тут хорошо, спокойно.

Нет, совершенно не спокойно.

Только что в фойе ему встретился Ролан. После недавнего инцидента они больше не пересекались, и Герман понадеялся, что тот от него, наконец, отстал. Однако даже на празднике избежать конфликта не удалось.

— Отойди, я спешу.

Ролан не сдвинулся с места, встав точно на его пути. От него исходили волны сдерживаемой злости. Герман устало потер висок:

— Ну что опять? Неужели тебе еще не надоело?

Он бросил взгляд за его плечо, на приоткрытую дверь. Альберт вышел на улицу, нужно было догнать его как можно скорее.

— Ненавижу тебя, — сообщил Ролан неожиданно спокойно. Он не собирался нападать, за ближайшим углом его не ждала кучка сообщников. Он был один, и это смущало Германа. — И с удовольствием погляжу, как ты будешь захлебываться слезами.

— О чем ты? — Герману не понравилась уверенность в его голосе и в его чувствах.

Ролан усмехнулся и отошел в сторону, отвесив издевательский поклон. При этом Германа окатило такой волной ненависти, что закололо в груди.

Дверь скрипнула, напоминая о себе, Ролан скрылся в темноте пустых коридоров, и Герман с тяжелым сердцем вышел на улицу.

Герман тряхнул головой, отгоняя лишние мысли и чувства и попытался обнаружить Альберта. Он покинул зал незадолго до Германа, так что не мог уйти далеко. Проклятая сладость цветов сбивала с толку, уловить в ней знакомый привкус вишни никак не удавалось. Герман постоял еще немного, пытаясь расслабиться и забыть болезненно-острый привкус чужой ненависти. Наконец, ему

это удалось настолько, что он смог с уверенностью сказать — у Берта был спутник, и спутник этот — Гаспар Джена́ро.

— Началось, — самому себе сказал Герман и спустился по широким ступеням. Тихие шаги потонули во внезапно налетевшем порыве ветра, принесшего новую волну удушливого аромата. По мощеной дорожке прошелестели рано опавшие в этом сезоне листья. Герман поежился от странного холода, возникшего где-то внутри него, и решительно направился к парку.

В голове вертелась и никак не желала уходить досадная и несвоевременная мысль. Что, если все же стоило послушать Гротта и оставить разборки с тайными организациями тем, кто способен с этим справиться? А еще было жалко Стефанию, которую пришлось оставить одну совершенно без объяснений.

Вдруг ветер переменялся, и душный запах цветов сменился насыщенной зимней свежестью, сквозь который пробивался аромат прибитой морозцем вишни. Такие ощущения вызывал тот, прежний Альберт, и Герману стало страшно.

— ... невозможно, — донес ветерок до него отголосок разговора. Они были совсем рядом, за деревьями, загораживающими обзор, и Герман переместился ближе, стараясь не выдать своего присутствия. Луна скрылась за облаками, и стало почти совершенно темно. — Ты ничего не мог вспомнить! Они обещали, что проблем не будет!

Голос Альберта звучал иначе, чем обычно, но именно так, как помнилось Герману.

— Зря вы сделали это со мной. Моя семья так этого не оставит, и вы это знаете. Как только я выйду с ними на связь, от вас мокрого места не останется. Все еще считаете, что это невозможно, учитель Джена́ро? — Герман готов был поклясться, что почти видит хитрую усмешку на его губах и превосходство в фиалковых глазах.

Что ответил Джена́ро, узнать им не довелось.

— Герман! Герман, где ты? — Стефания шла по тропинке прямо к ним и не подозревала об опасности. Герман не мог выдать себя, но если ее не предупредить, она может подтолкнуть Джена́ро к необдуманным действиям. Герман думал недолго, но все равно не успел. Раздался свист вспарывающей воздух стали, и где-то скрестились клинки.

— Герман! — вскрикнула Стефания и увидела его, выбегающего навстречу.

— Прочь! — крикнул он на ходу и бросился на помощь Берту. Девушка должна послушаться, ему некогда ее уговаривать, а защищать ее тем более, не тогда, когда жизнь единственного друга под угрозой. Он добрался до центра парка и увидел, как две гибкие фигуры выписывают почти танцевальные па под неверным лунным светом. Он даже не сразу понял, то есть кто — оба были вооружены шпагами и двигались почти синхронно, как отражения друг друга.

— Это Альберт, — озвучила очевидное Стефания, которая, разумеется, все сделала наперекор. — И... это что, учитель Дженаро?!

Шпаги скрестились с мелодичным звоном. Берт отпрыгнул в сторону, тонкая ткань белоснежной сорочки разошлась на груди и набухла от крови. Вишней больше не пахло, но зато воздух был наполнен удушающим ощущением страха загнанной в угол крысы. Казалось, будто случайно угодил руками в какую-то тошнотворную массу, сразу захотелось вымыться или на крайний случай вытереть их о салфетку. “Среди нас завелась крыса”, — сказал однажды Рене и даже не подозревал, что попал в точку.

Дженаро парировал выпад Альберта и вдруг совершенно не элегантно пнул ботинком по колену. Юноша охнул и тут же получил по лицу, да так, что из разбитого носа хлынула кровь.

— Убегает! — крикнула Стефания за секунду до того, как Гаспар развернулся и побежал прочь, в темную глубину парка. Девушка бросилась вдогонку.

Герман затормозил лишь на пару секунд, чтобы за протянутую руку помочь Берту подняться на ноги, и оба побежали следом за учителем и Стефанией. Действовать так, сломя голову, совершенно без плана или хотя бы чего-то, отдаленно его напоминающего, не входило в привычки Германа, но приходилось импровизировать. Берт азартно подключился к облаве, и Герману подумалось, что он явно чего-то не знает, только вот поговорить и все выяснить было некогда. Они промчались через весь парк, а Гаспар все не останавливался. Насаждения подошли вплотную к красно кирпичной стене казарменного здания для второго потока, это был конец. Дальше всю их компанию бы непременно заметили, и Гаспар сильно рисковал. Он что-то задумал.

— Стойте! — Герман остановился так резко, что воздух выбило из легких, Берт по инерции пробежал вперед, а Стефания яростно прорычала:

— Ты чего? Из-за тебя я его упустила! Он куда-то нырнул... — девушка замолчала и попятилась назад. — Герман, что это? Что происходит?

Она, пригибаясь к земле, как кошка, отступила еще немного назад. Тень здания нависала над ними, было тихо, лишь ветер шуршал листвой. Дженаро будто испарился. Однако Германа не оставляло чувство, что сейчас что-то должно произойти, по коже гуляла нервная дрожь, на лбу выступил пот. Совсем рядом видна была освещенная фонарями площадка перед входом в общежитие, там же наверняка были и люди. Позвать на помощь? Но им никто не поверит, а Гротт...

Стефания взяла его за руку и взволнованно сжала. Она тоже чувствовала эту странную дрожь, как будто в ожидании грозы. И вдруг воздух замерцал, сворачиваясь в искрящуюся магией воронку, магические потоки были настолько яркими и плотными, что видны невооруженным взглядом. Такая чудовищная концентрация энергии заставила волосы на коже подняться дыбом, Герман интуитивно задвинул девушку за спину.

— Это что? — почти с восторгом спросил Альберт и протянул руку. Воронка расширилась и завращалась с дикой скоростью, от нее расходились воздушные волны, от которой с земли поднималась пыль и заслезились глаза. Герман уже знал ответ на этот вопрос, но Дженаро его опередил. Выскочив ниоткуда, он оказался точно перед воронкой, ничуть ее не опасаясь. Его волосы поднялись в воздух, и сам он, казалось, едва держался на ногах, но ночь оставалось все так же спокойно и тиха. От этого противоречия кровь стыла в жилах.

Учитель кинул на них затравленный взгляд. Портал за его спиной расширился до такого размера, что сквозь его стало видно синее небо другого мира. Берт стоял слишком близко, Герман просто не успевал ничего сделать.

— Берт! — вместо него вскрикнула Стефания, рванулась вперед, протягивая руку, но юноша уже летел в гигантскую воронку вместе с Дженаро. Короткая ослепительная вспышка, и она начала стремительно сужаться.

Герман не находил в себе сил двинуться с места.

— Там Берт! Берт! — Стефания схватила его за руку. — Твой друг!

Герман точно очнулся. Оттолкнув девушку с пути, он прыгнул, успевая нырнуть в воронку портала прежде, чем тот беззвучно схлопнулся за его спиной.

На сей раз тошнота была едва ощутимой, только казалось, будто чем-то приложили по затылку, а потом дышать стало нечем. Герман попытался пошевелиться, но ему что-то мешало, забивалось в нос и в рот, сдавливало грудь. Он ненадолго поддался панике, за барахтался в этом странном нечто, загребая руками и ногами, воздуха не хватало. А еще было холодно.

Рывок за воротник рубашки вздернул его вверх, в легкие хлынул кислород, и Герман жадно задышал и затряс головой, с которой посыпалось что-то белое и ледяное на ощупь.

— Снег? — удивился он и взял горсть в руку, сжал. Ладонь скоро закололо от холода. Тело под мокрой рубашкой тоже.

— Снег, — авторитетно подтвердила Стефания. Ее лицо появилось прямо перед ним, нос к носу. — Ты в порядке? Я нашла тебя с головой в сугробе, ты, кажется, задышался.

Она раздумялась от свежего морозного воздуха, косы растрепались, а в глазах появился особенный блеск. Герман поднял голову к небу. Цвет почти такой же, как ее глаза.

— Где мы? — он поднялся и оглядел местность. — Где Альберт и Дженао?

Стефания тоже выпрямилась:

— Полагаю, мы в Акойе, — и, опережая вопросы, пояснила. — Родители возили меня сюда на горячие источники.

Вокруг лежал ровный белый слой снега, а неподалеку высилась стена хвойного леса. Снега в той стороне было меньше, и Герман, решил переместиться туда. Стефания подчинилась и пошла за ним след в след. Складывалось ощущение, что ей вовсе не холодно, напротив, она держалась куда спокойнее, чем обычно. Герман заставил себя сосредоточиться на основной задаче.

Портал Дженао был необычным, в училище их переносили самыми мобильными из имеющихся телепортов, и они были весьма внушительными конструкциями. Эта же воронка возникла прямо в воздухе. Возможно, разработка КРАС. Если так, то путь назначения —

Акойя — прямо говорил об их причастности к разыгравшейся здесь недавно катастрофе. Из-за отключения телепортационных тоннелей магически фон здесь должен быть предельно разряжен, обычные маги стали бы почти бессильны, в теории. Зачем Дженаро направился именно сюда и сам ли он делал этот выбор?

— Слышишь? — Стефания тронула его за плечо, привлекая внимание. Они остановились, едва войдя в тень леса, снег под их шагами перестал скрипеть. Стали слышны другие звуки — треск старых сучьев, свист ветра в густых еловых кронах, шум их дыхания. Холод пробирал до костей, еще немного и скрывать от девушки болезненные судороги замерзающего тела станет невозможно. Герман стиснул зубы и покачал головой. Губы слушались едва-едва.

— Нет. Ты что-то услышала?

Стефания наклонила голову и прикрыла глаза. С минуту они оба напряженно прислушивались, пока Герман не догадался использовать свои способности. Уровень магического фона на них никак не влиял, и одновременно с ощущением близости Берта он слышал звон стали. Прозрачный морозный воздух скрадывал расстояние, но все равно это было где-то рядом.

Стефания забежала вперед и ткнула пальцем в цепочку следов.

— Они вывалились из портала здесь. Я их слышу, пошли скорее.

Она нетерпеливо протянула руку, и Герман с благодарностью за нее ухватился. В отличие от нее, он был обут в легкие туфли, которые в любой момент могли расклеиться от непривычных суровых условий. Герман вяз в мягком липком снегу, которого по мере продвижения становилось все меньше, но зато идти по нему стало все равно, что идти по зыбучему песку. Герман закусил побелевшую губу, и почувствовал на языке соленый привкус крови.

Звон клинков стал громче, ели расступились, и перед ними открылся каменистый берег, перетекающий в ярко-голубое идеально круглое озеро. От воды исходил теплый пар, облизывающий горбатый деревянный мостик, на котором ожесточенно сражались двое.

Герман сорвался на бег, спотыкаясь и скользя по влажным камням. При нем не было оружия, магией он пока пользоваться не умел, но Альберту требовалась его помощь. Белая ткань одежды пестрела красными пятнами, Берт взмахивал шпагой лениво и редко, больше обороняясь, чем атакая. Он устал.

В тот самый момент, когда Герман подбежал к самой кромке воды, чувствуя исходящее от нее невероятное тепло, Дженоро сделал резкий обманный выпад, острие его шпаги вошло Альберту в плечо. Юноша удивленно проследил за тем, как окровавленный клинок выходит из раны, и, взмахнув руками, рухнул через перила.

Урок 26. Иногда, чтобы не видеть грязи, не достаточно просто закрыть глаза

— Берт! — закричал Герман, что есть силы. Жаль, его крик не мог уберечь раненного друга от падения в горячую воду. Дженаро вскинул голову на звук, и до Германа, наконец, дошли его эмоции, липкие, мерзкие, от них зудела кожа и малодушно кололо в груди. Гаспар боялся и... сожалел.

Стефания проявила недюжинную прыткость — обогнула Германа и поспешила к Берту. Несколько секунд назад чистая, невероятно голубая вода окрасилась кровью.

— Что вы делаете, учитель Дженаро? — Герман выпрямился прямо перед мостиком, краем глаза следя за тем, как Стефания пытается вытащить Берта из источника. Слово “учитель” далось ему с большим трудом, ведь учитель — тот, кому можно доверять, кто никогда не предаст своих учеников, кто в ответе за них. Сердце защемило еще сильнее — вот он, тот человек, который стремился отобрать у Альберта не просто память, а жизнь. С этого момента он враг Герману и никак иначе. С этой мыслью придется смириться.

Гаспар молчал, облизывая губы. Пытался сосредоточиться. Герман чувствовал, как фон его эмоций рябью колебался на поверхности кожи, становился разряженной и, вот, почти исчез.

Это была первая ошибка Германа — упустить момент. Теперь противник был собран.

— Ответьте же!

— Мне жаль, — Дженаро вскинул голову, тряхнул волосами и выставил вперед руку со шпагой. — Я бы преподал урок, но он тебе уже ни к чему.

Он бросился на Германа сверху, ловко оттолкнувшись от перил мостушки. В свете невероятно белого солнца угрожающе сверкнуло лезвие. Герман ахнул и отскочил в сторону. Дженаро не собирался драться, он стремился просто убить.

Герман испугался. Инстинкт приказывал спастись, но бегство означало подписать себе другой смертный приговор — за пределами

источника Герман просто замерзнет. Он мог попытаться, у него еще оставались силы для бегства, но после этого он сам себя возненавидит. Ведь оставались еще раненный Берт и безоружная Стефания. Маленькая хрупкая девушка, которой нужна защита, его защита.

— Можешь бегать, сколько угодно, — Дженаро плавно приблизился, словно кошка, и сделал новый выпад. Герман снова увернулся, только нога увязла в иле, и он уселся прямо в горячую лужу. Одежда и обувь тут же пропиталась влагой, волосы, и без того вьющиеся, мокрыми кольцами прилипли ко лбу и шее. Дженаро победоносно улыбнулся. — Если бы ты не совал нос не в свое дело, остался бы жив.

— Чем вам помешал Альберт? — Герман пытался выиграть время. Гаспар уже предвкушал победу.

— Сейчас тебя должно волновать не это, щенок!

Снова просвистело лезвие и наполовину ушло в ил, Дженаро едва удержался на ногах. Герман успел перекатиться в сторону и хлебнул горячей воды с песком. Воспользовавшись замешательством, вскочил на ноги и забрался на твердую почву. Ботинки противно чавкали, рубашка облепляла грудь, все это мешало двигаться. И все же он не желал вступать в бой, пока оставался малейший шанс обойтись без кровопролития.

Дженаро навис сверху, перед глазами мелькнуло острие шпаги. И тогда ему пришлось прибегнуть к подарку Дзюн. Она была как всегда проникательная, и за день до бала протянула Герману одну вещь, пользоваться которой ему бы очень не хотелось, но иногда жизнь не оставляет выбора.

Герман перекатится в сторону и, выхватив из крепежа под пиджаком короткий узкий кинжал, поднырнул под руку Дженаро и вонзил клинок ему в стопу. Мужчина вскрикнул, выругался, и этой заминки Герману хватило, чтобы отскочить подальше и выставить перед собой свое скромное оружие.

— Вы работаете на КРАС?

— Зачем тебе знать? — Дженаро справился с болью, но пока не спешил переходить в наступление. Он устал и был загнан в угол. Он сам понимал, что пути назад нет, а впереди его никто не ждал. Герман пытался понять его мысли, но мог лишь ощущать чувства, из которых наугад строил предположения. И в этом его главная сила.

— Вы не должны были оказаться здесь. Так ведь? Вас обманули? Бросили в умирающем мире.

Герман жадно следил за реакцией и видел, что его слова попадают в цель и рождают в Дженаро зерна сомнений.

— Они хотели от вас избавиться, — безошибочно угадал Герман тайный страх учителя.

— Это не так!

— Отсюда нет выхода. Телепорт ведь работал только в одну сторону? Это они вам дали? Вы понимаете, что вас списали со счетов?

Он говорил, а сам подпускал в голос внушения, понемногу, чтобы слова казались учителю убедительными. Ведь он сам верил в это, Герман лишь помогал ему осознать истину. Дженаро был растерян, рука со шпагой чуть подрагивала. Еще немного усилия, и он сдастся. Оружие Германа — не магия, не артефакт и не кинжал. Менталисты могут управлять людьми, нужно только очень захотеть.

— Они обещали, что все пройдет хорошо, — неуверенно пробормотал Гаспар. — Нужно было только убедиться, что Альберт мертв. Но он выжил. Я не понимаю. Я не виноват, это не моя вина.

Он почти сдался, Герман внутренне ликовал. Все обойдется без крови, он сможет.

Это его и подвело.

Герман расслабился и не заметил, что Стефания подняла шпагу Альберта и подходила к Дженаро со спины. На лице девушки была написана отчаянная решимость. Герман увидел ее, и его собственная решимость дрогнула. Стефания смотрела прямо перед собой и сжимала рукоять обеими руками, как меч. Она собиралась убить Дженаро, и эта слепая жажда убийства напугала Германа. Он не мог отвлечься, чтобы остановить ее, он должен продолжать говорить с Гаспаром, но голова наполнилась шумом. С непривычки Герман слишком переутомился. Чуть дальше лежал на камнях Альберт, он не двигался, но Герман чувствовал, что тот жив, скорее всего, потерял сознание. Воля Германа рассеялась между ними тремя, и непрочная нить, связывающая его с Дженаро, прервалась.

Стефания прыгнула, выбрасывая вперед руку со шпагой.

Дженаро рванул шнуровку рубахи и сдернул с шеи кулон.

Герман зажмурился на мгновение, а когда сумел открыть глаза, увидел, что Стефания висит в воздухе, держась за горло. Шпага

валялась на земле, а прямо над ней конвульсивно дергались носки ее сапог.

— Та самая принцесса? — Дженоаро предупредительно взмахнул шпагой, и Герман отшатнулся. — Господин забудет все мои прегрешения, если я покажу ему ее труп. Два тела вместо одного, и я войду в вершину КРАС! — он захохотал, точно безумный. — Спасибо тебе, спасибо, моя Богиня! Ты не оставляешь меня и в этой дыре!

Стефания захрипела, пальцы до крови царапали пережатое невидимой удавкой горло. Германа затопила паника, он потерял контроль, и все потраченные усилия вернулись к нему увеличенным зарядом. Грудь сдавило.

— Отпусти ее, — попросил он, больше ему ничего не оставалось. Мозг работал на износ, но выхода как будто бы не было. Гаспар же его словно не слышал:

— Господин всюду ее ищет, а она так хорошо спряталась. Умная маленькая красавица. Гаспар не обидит тебя, просто расслабься.

Стефания попыталась что-то сказать, скорее всего, какое-нибудь проклятие, но глаза закатились, и она стремительно слабела.

— Фанни! — забытый всеми Альберт, шатаясь, подбежал к ней и неловко обхватил за пояс, пачкая в своей крови. — Герман! Она же умрет!

Возможно, не хватало именно этого, слов, произнесенных вслух. Герман снова перехватил взгляд Дженоаро и грубо ворвался в его тонущее в безумии сознание. Едва ли наставник Арефий гордился бы такими успехами бывшего ученика, но сейчас главное — спастись. Нет, главное — спасти друзей.

Это было противно и мерзко, верхний ментальный слой будто покрыт слизью, и Герману казалось, что он копается руками в болотной тине. Он устремился глубже, хотя прежде никогда этого не делал, лишь читал в учебнике истории, как менталисты древности вселяли ужас в жителей всех обитаемых миров. Герман отдавал себе отчет в том, что может повредить рассудок учителя или даже убить его, но никто не учил его, приходилось импровизировать. В какой-то момент страх причинить боль отступил, и на его место пришла холодная сосредоточенность хирурга. Возможно, мелькнула и исчезла мысль, он сейчас походил на Вальтера, и это сравнение Герману не понравилось.

Дженаро понял, что происходит, попытался воспротивиться подчинению, но его воля уже не в полной мере принадлежала ему. Его глаза панически расширились и налились кровью. Кровь же хлынула из носа и ушей, и Герману понадобилось все его мужество, чтобы продолжить. Пришло время дать команду.

Отпусти Стефанию и сдавайся.

Собственный голос оглушил Германа, хотя он не произнес ни слова вслух. Он не позволил Гаспару отвернуться и мысленно повторил:

Отпусти Стефанию.

Сдавайся.

Сдавайся!

Колени задрожали от перенапряжения, к горлу подкатил тугой комок, хотя поесть на балу особенно не пришлось. Герман выпрямил спину, стиснул кулаки.

Отпусти. Стефанию.

Шпага со звоном ударилась об отполированные водой камни. Дженаро ссутулился, глаза его потухли, с лица ушли все краски. Он выглядел жалко, и Германа с удвоенной силой затошнило от мысли, что это его рук дело. Пожалуй, если бы не это, он раньше обратил внимание на новых действующих лиц.

Стефания рухнула на руки подоспевшему вовремя парню, в котором Герман узнал нового знакомого с первого потока — Вильяма. Странно, но он даже не удивился, удивление забрало бы последние крупницы сил, которых и так почти не осталось. Главное, что девушка яростно вцепилась в его одежду и часто, судорожно задышала. Рядом с Бертом тоже кто-то был, а со стороны моста приближалось еще двое людей, но как Герман ни приглядывался, перед глазами все подозрительно плыло, как в тумане.

— Герман! — кажется, кричал Гротт. Его неизменный сливовый камзол мелькнул на мосту.

Что он хотел сказать, спросить? Его голос звучал странно, можно предположить, что взволнованно. Герман хотел что-нибудь ответить, но комок в горле поднялся выше и, прижав ладонь ко рту, Герман закашлялся, давясь чем-то горячим и липким. Пальцы окрасились красным.

— Герман!

Гротт снова окликнул его, и Герман, наконец, понял, но немного позже, чем надо.

Дженаро сбросил наваждение и с отчаянным воплем развернулся, одновременно с этим взмахивая рукой. Что-то сорвалось с его пальцев и полетело в Стефанию. Зрение подводило Германа, но даже если бы он четко видел, что это, ни за что не смог бы остановить полет. За долю секунды его сердце успело покрыться льдом от ужаса, и тепло, ударившее в лицо, было будто из другого мира. А следом за этим волна горячего воздуха снесла его с ног. Он в очередной раз оказался в воде, она хлынула в рот, в нос, смешалась с пенившейся на губах кровью. Боли Герман пока не чувствовал, хотя подозревал, что без ожогов не обойдется. Торопливо вскочив, он выбрался на берег и подбежал к Стефании.

Девушка была в порядке. Чего не скажешь о Гаспаре Дженаро.

— Она жива, — Вильям сразу понял, какой ответ требовался Герману, хотя вопрос еще даже не был задан. Девушка выглядела ошарашенной, но не испуганной. Странно, но как ни старался, Герман не мог почувствовать фон ее эмоций. И не только ее. Побережье было окутано тишиной, но не блаженной, о которой он всегда мечтал, а мрачной и недружелюбной. И Герман почувствовал себя без своего привычного дара как без рук.

— Герман... — Стефания попыталась встать, но не смогла и как-то жалобно протянула к нему руку. Она все еще висела на Вильяме, голос срывался, и девушка почти прошептала его имя. С другой стороны брел Альберт, помятый, мокрый и окровавленный. Так, наверное, выглядел и сам Герман.

— Берт! — он повернулся к другу, но тот отрицательно замотал головой. В его взгляде, бодром и мягком, несмотря ни на что, Герман прочитал одобрение. И, приняв решение, взял Стефанию за руку, потянул на себя и заключил в объятия.

Просто стресс и ничего большего.

Он не чувствовал ее эмоций, не мог догадаться, о чем она думала, но от ее волос пахло снегом, и Герман уткнулся носом в макушку.

— Гаспар Дженаро, вы подлежите аресту по подозрению в несанкционированном использовании магии, шпионаже, покушении на убийство и участии в незаконной террористической организации КРАС, — Савелий Кишман подошел последним в сопровождении

хмурого Эрно. — Как представитель администрации УВМД, я задерживаю вас до выяснения обстоятельств, — повернувшись к Дамиану, он негромко добавил. — Хорошо я сказал?

— Не ерничай, Сава, — осадил тот его. — Дженааро, я заблокирую твой браслет.

Гаспару, скорее всего, досталось гораздо сильнее Германа. Судя по запаху подпаленной плоти, ожоги должны быть жуткими, и прежде красивое лицо учителя теперь вызовет сострадание и желание поскорее отвернуться. Герман же еще ощутил отвращение, но к самому себе, за то, что недавно творил с его разумом.

Со спины подошел Альберт и навалился всем весом. Теперь от него пахло лишь кровью, но запах вишни, неотделимый от него, все равно призрачно ощущался на языке. Зажатый в объятия с двух сторон, Герман пытался понять, что же сам чувствует в большей степени — радость и облегчение или усталость и грусть. А окружающий мир был все так же пугающе тих и пуст.

— Все больные, а ну живо разошлись и страдаем поодиночке, — Савелий повернулся к ним, убедившись, что Эрно произвел нужные манипуляции, и доступ к магическим потокам для Дженааро закрыт. — Вальтер, скажи девочке, что барьер больше не нужен, пора возвращаться. И поздравляю, твой план удался, как и обычно.

Тепло Альберта отдалилось, он отошел в сторону. Стефания почти отпрыгнула, будто объятия Германа ее обожгли. Он остался один.

— Герман, — Гротт позвал его по имени. — С тобой мы поговорим позже, вас с Дидрик нужно срочно доставить в медотсек. Курсант Варма.

— Я! — отозвался Вильям.

— Благодарим за помощь от имени администрации училища. А теперь выдвигаемся, экстренный телепортационный канал слишком нестабилен.

Все пошли за ним, а Герман не тронулся с места.

— Тебе нужно особое приглашение? — не слишком дружелюбно поинтересовался Вильям. Его голос с едва различимыми нотками превосходства, но без излишней самовлюбленности, будто разбудил Германа.

— Подошва, — сказал он, продолжая смотреть прямо перед собой, первое, что пришло на ум. — Кажется, от сырости отклеилась.

— Разумеется, более дешевой модели во всей Визании не сыщешь.

— Не лезь к Герману! — поспешил на выручку Альберт. Его шаги протопали по камням обратно, и юноша взял Германа под руку. — Не будь таким злым, смотри, как ему досталось.

Вильям хмыкнул:

— Прошу прощения за то, что обидел нашего героя. Идемте, а то застрянем тут до скончания веков.

— Я не могу, — Герман глубоко вздохнул. Пальцы подрагивали, но он не мог этого заметить.

— Что значит, не могу? — Берт прижался к его плечу. — У тебя что-то болит? Что значит, не могу?

Герман прислушался к себе и медленно проговорил:

— Я ничего не вижу.

Мир никогда не был таким пустым, черным и страшным. Из него пропали не только цвета и образы, но даже, казалось бы, неотделимые от Германа ощущения чужих эмоций. Он не видел совершенно ничего, его дар молчал, и без него, такого надоевшего и, порой, мучительного, он чувствовал себя беспомощным. И он не чувствовал себя собой.

Их со Стефанией разместили в разных палатах, но в одном коридоре, только вот встать и навестить ее Герман не мог, иначе мастер Гош грозил приковать его цепями. И что-то подсказывало, что именно так он и поступит.

Но даже больше, чем слепота и проистекающие из нее трудности и страхи, Германа злило, что он стал пешкой в чьей-то игре, и в этом не было никаких сомнений.

Первый визитер, которого пустили в палату, явился как раз тогда, когда Герман все-таки поддался слабости и заснул. Неглубоко и тревожно, но на сие настаивал мастер Гош, лично взявшийся поставить его на ноги. Кто-то оставил открытым окно, не иначе как по ошибке, и прохладный ветерок шуршал занавесками, с улицы доносились приглушенные звуки жизни, и убаюканный ими Герман не сразу понял, что его одиночество нарушено.

— Спи. Я зайду позже, — шелест одежды выдал положение Вальтера Гротта. Он стоял у самой двери, наверное, только вошел.

Герман рефлекторно шире раскрыл глаза, но это, разумеется, не помогло. Темнота оставалась все такой же непроглядной.

— Нет! — он резко сел и протянул руку. Пальцы ухватились на пустоту. — Я в порядке, не хочу спать.

Многие вещи оказались гораздо сложнее для слепого, нежели зрячего, и Герман неловко завожился, пытаясь сесть и не уронить одеяло на пол. Гротт пришел на помощь.

— Как Альберт? — задал Герман вопрос, на который никто не желал отвечать и который его сильно мучил. В последний раз, когда они виделись, Берт старался бодриться, шутил и хвастался первым в жизни боевым ранением, но крови было слишком много, чтобы не волноваться. Альберта забрали медики и поместили в отделе для тяжело раненых.

— Живее всех живых, — легкомысленно отозвался Гротт и как-то слишком заботливо расправил складки на одеяле. — Не волнуйся за Кельвина, он уже все крыло на уши поставил, требуя тебя.

Что ж, это похоже на Берта. Возможно, ранение только казалось ужасным.

— А вы? Вы же не просто так пришли? — Герман не стал благодарить и сразу решил прояснить ситуацию. Возможно, он не так хорошо изучил Гротта, но о чем-то мог догадаться и без своего ментального дара. Например, что все это время им умело манипулировали.

— Отлично! — Вальтер, кажется, был доволен. Стало любопытно, какова на цвет и вкус его радость? — Я не принес фруктов, уж прости. Но после выписки мы могли бы поговорить в более дружеской обстановке. Во внеучебное время, конечно.

Герман дернул головой, стремясь посмотреть туда, где, по его мнению, было лицо учителя.

— Вам не надоело играть, учитель Гротт?

— Смотря, что ты считаешь игрой, — Вальтер сел на край койки, матрас промялся под его весом. — Тебя никогда не утомляла чужая глупость? Признайся, ведь утомляла. Ты злился на то, что другие не понимают очевидных вещей. Ты привык быть далеко впереди, и кроме тебя там никого не было. Тебе было скучно и одиноко там?

Герман вздрогнул, комкая пальцами край одеяла:

— Не пытайтесь сбить меня с мысли. Мы с вами не похожи.

— Похожи. Ты видишь ту же грязь, что и я, ту же человеческую мерзость.

— Это не так!

Герман почувствовал, что задыхается, не физически, а где-то внутри. Слова Гротта душили его, но в них была своя правда. Но это вовсе не то, о чем хочется думать.

— Что за план, за который вас хвалил декан? — задал Герман другой не менее важный вопрос. Коль пришел навестить, пусть рассказывает. Герман страдал от нехватки информации, факты, которыми он располагал, не желали связываться между собой без посторонней помощи.

Вальтер пошевелился. Зашуршала ткань, скрипнула кожа сапог — закинул ногу на ногу.

— Ты же все знаешь. Не в курсе, как, но ты пришел к тем же выводам, что и я в свое время. Дженаро — предатель, — голос Гротта обрел твердость и холодность. — Я не мог найти доказательств, но мой дар не ошибается, и вот ты всю работу сделал за меня. Нужно было лишь устроить так, чтобы убийца встретился со своей жертвой. Предупреждая взрыв ярости, скажу, что жизни курсанта Кельвина ничего не угрожало, и он сам дал согласие на участие в операции. Я лишь снабдил его подробными инструкциями. Жаль только, телепортацию учесть не удалось. Какая-то новая разработка, прежде не сталкивался с таким видом телепортов.

— Да плевать, — тихо ответил Герман, подавляя раздражение. От него все равно не было толку, кроме усталости. — Вы использовали Берта как наживку, разве это правильно? Он точно понимал, на что вы его толкали?

— Перестань думать о нем, как о маленьком мальчике, право, это уже слишком. Он прекрасно осознавал свои действия и их несомненную пользу, — отрезал Гротт. — Я знаю, что Дженаро зачем-то нужна была смерть Кельвина, впрочем, тут не совсем верно. Ему нужна была смерть настоящего Альберта, и я дал ему возможность с ним поговорить.

— Вы все рассказали Берту?! — Герман рванулся вперед, желая схватить Гротта, но тому даже не пришлось уворачиваться. Герман просто промахнулся.

— Нет, я же обещал. Он лишь намекнул Джена́ро, что память к нему вернулась, чем спровоцировал того на решительные меры. Если играть, то играть по-крупному.

— Вы отвратительны.

— Ты так не думаешь.

Герман не стал отвечать.

— Если тебе интересно, — Вальтер будто не заметил неловкости, — я расскажу, как мы нашли вас. Акойя лишилась телепортационных тоннелей, и попасть туда обычным путем стало невозможно, однако я снабдил Кельвина артефактом-маяком. Голубой топаз, ты должен был заметить. Имея его координаты в пространстве, мы могли настроить экстренный телепорт, опасный и нестабильный, пожирающий невероятное количество энергии. Обычно для такого рода магических манипуляций нужно пять сильных магов. В тот момент у меня в распоряжении было лишь двое. Но у курсанта Дидрик оказался смелый поклонник, Вильям Варма, лучший студент первого потока. А вот ее подруга, Ситри Калькбреннер, — Гротт, кажется, широко улыбался, — вообще настоящая находка. Гош готов посадить ее в колбу и изучать до скончания веков. Энергетические каналы Калькбреннер не замкнуты. Лучше спросить специалиста, но главное, что она способна пропускать через себя чудовищное количество магической энергии. С такой батареей мы могли бы проделать тоннель через всю Ойкумену.

Герман слушал так внимательно, что едва не забывал моргать. Вальтеру доставляло настоящее удовольствие делиться своими успехами с ним. И в этом было что-то очень печальное, что-то очень надрывное и одинокое внутри этого человека. Зато теперь все начинало складываться, не хватало только...

— А про КРАС вы мне тоже расскажете?

Гротт поднялся и пересек палату:

— Тебе все еще мало? Ослепший и потерявший способности, тянешься к свету знаний? Не боишься сгореть?

— Это все временно. Ответьте, вы расскажете про КРАС и как с ними связан учитель Джена́ро?

— Подумай об этом на досуге, а после, за бокальчиком домашнего, мы обсудим твои выводы. Возможно.

Дверь за ним закрылась, и Герман обессиленно рухнул на жесткую подушку. Поднял руку, пробуя пальцами воздух. Он сладковато пах Гроттом и резко — медикаментами. Но это временно, зрение вернется, вместе с ними вернется ментальный дар, и тогда можно будет поставить точку.

Герман опустил веки и позволил себе, наконец, заснуть.

Урок 27. Доверие — вещь настолько хрупкая, что лучше держать ее при себе

— Посмотри на мою руку.

Герман прищурился, пытаясь навести фокус на пятерню в белых медицинских перчатках, но вышло не очень, только глаза заслезились. После разговора с Гроттом прошло несколько дней, и только вчера в непроглядной тьме неожиданно начали вырисовываться мутные очертания предметов.

— Сколько пальцев?

— Вижу много, — честно признался Герман, — а так смею предположить, что пять.

Мастер Гош довольно хмыкнул — неловкая шутка определенно показалась ему смешной, и рыжевато-синее пятно, которое Герман видел вместо доктора, будто потеплело. Хотя мастер Гош одним взглядом внушал безотчетный страх.

— Ладно, умник, запрокинь голову, — заскрипело кресло на колесиках, Гош отъехал к столу и закопался в ящиках и склянках. Герман перестал болезненно щуриться, и не очень четкое пространство процедурной вдруг прошилось тонкими цветными нитями магических заклинаний. Этого еще не хватало. Он запрокинул голову. Доктор подкатил свое кресло обратно и аккуратно нанес на открытые глаза мазь. Пахла она противно, зато приятно холодила воспаленные глаза.

— Еще один такой необдуманный подвиг и можешь совсем ослепнуть, — безрадостно предупредил Гош. — Дашь глазам отдохнуть, вечером повторим процедуру. И никакого своеволия, постельный режим и строгий график.

— Мастер Гош, — неуверенно начал Герман. — А Стефания, то есть курсант Дидрик. Как она там?

— Лучше чем ты, — Гош улыбнулся, это ясно чувствовалось в голосе. — Но даже не мечтай ее навестить, сделаешь шаг из палаты, и я прикую тебя к койке цепями.

Герман смущенно сжал руки на коленях и вынужденно кивнул. Когда лишаешься чего-то важного, всегда чувствуешь себя незащищенным перед другими. Сейчас ему казалось, будто любое неосторожное слово способно ранить очень глубоко, намного глубже, чем потеря зрения и способностей, и ему необходимо было увидаться со Стефанией.

— Глаза не открывать, слушаться моих указаний, не перечить и не пытаться сбежать, как пациент с колотой раной.

Герман удивленно вздернул брови. Альберт пытался сбежать? Неужели... неужели рвался к нему?

— Мастер Гош! — в палату, коротко постучавшись, ворвался Марк. — Стажер Марк, то есть просто Марк, то есть студент Хатти, можно обратиться!

От потока бессвязной информации и клубка искрящихся путанных эмоций Герману захотелось зажмуриться еще сильнее, чем он жмурился сейчас. Гош фыркнул, скрипнуло, поворачиваясь к двери, кресло.

— Что еще? Я, кажется, просил не лезть ко мне во время планового осмотра? Просил же?

Скрип, стук каблуков и смачный звук подзатыльника. Марку снова досталось.

— Но мастер Гош... Вас вызывают на совещание в кабинет директора, это срочно.

— По поводу?

Герману тоже было крайне любопытно.

— Секрет, — разочаровал его Марк. — То есть мне не сказали.

— Ну да, — вздохнул Гош. — Еще бы тебе сказали, в тебе информация едва держится.

— Мастер Гош!

Новый подзатыльник прервал его не начавшееся возмущение. Над Германом нависла тень.

— Так, наложи повязку и отведи в свою палату, я не успеваю. Вечно они устраивают бессмысленные совещания в разгар рабочего дня. Кто тебя прислал?

— Учитель Гротт.

— Тогда ладно. Инструкция на столе, разберешься. Из палаты его не выпускать. Я ушел.

Гош прошел к двери, и его уверенная жесткая аура перестала давить на Германа. Да и Марк, кажется, вздохнул с облегчением.

— Хорошо хоть не линейкой, — порадовался он, спеша выполнить указания Гоша. — В прошлый раз так поперек спины получил, думал, след останется. Но мастер Гош в этом деле специалист.

— В деле избиения студентов? — не удержался от колкости Герман, привыкая к тугой повязке.

— В деле воспитания ценных кадров, — явно процитировал Марк и, судя по звуку, развалился в кресле своего наставника и кумира. — О, он твой медицинский лист оставил. Дай-ка мне взглянуть. Хм... Хм, интересно.

Поскольку Герману так никто и не удосужился объяснить, что с ним случилось и как долго будет продолжаться, Марка ему будто сама судьба послала.

— И мне скажи, хорошо? Кажется, я имею право знать.

— Мастер Гош придерживается мнения, что пациент не нуждается в лишней информации, — Марк зашуршал страницами. — Я, правда, тут с ним не согласен, и знаешь, с ним очень сложно быть не согласным. И иногда больно.

В общем, о мастере Гоше у Германа потихоньку складывалось не самое приятное впечатление, но вот Марк испытывал к нему безграничное уважение и, похоже, почти боготворил.

— Он настолько хорош?

Если Марк и удивился резкой смене темы, то не обратил на это внимания. Его настрой менялся куда резче и чаще, и не зная Герман его лично, решил бы, что имеет дело с безумцем. Возможно, все медмаги такие, кто знает.

— Он лучший, — уверенно ответил Марк. — Смотри, что он написал в колонке диагноза. Хотя, нет, это для тебя будет сложновато. Давай, я своими словами?

— Давай как тебе удобнее, — сдался Герман и потрогал повязку. Она немного стесняла его, не давила, не мешала, но сам факт ее присутствия смущал.

— Прежде менталисты не попадали к нам с такими повреждениями, а все потому, что ты перенапрягся. Источник ментального дара — человеческий мозг. Соответственно, существенно

превысив доступный тебе порог ментального воздействия, ты заставил свой мозг защищаться. Если совсем просто, перенапряженному мозгу пришлось ограничить поток информации, поступающей из внешнего мира, чтобы сохранить себя в рабочем режиме. Он ограничил работу сенситивной системы. Короче говоря, начал с того, что отключил тебе зрение. Если бы помощь не подоспела вовремя, ты мог бы потерять еще и слух, обоняние или вообще впал в кому. Так что, делай выводы. А вообще, это все очень интересно...

Он говорил что-то еще, но Герман перестал слушать.

— Прости, в общей библиотеке есть учебники на эту тему?

— Что? А, нет, наверное, у нас своя библиотека в медицинском крыле. А тебе зачем? Все равно же не поймешь ничего.

Герман упрямо наклонил голову:

— Пойму. Просто понадобится немного времени.

— Ладно. Главное, что процесс обратимый. Только не пойму. Тут данные о твоём уровне ментального дара, и выходит, что ты просто не мог так выжаться, воздействуя всего на одного человека. Мастер Гош предполагает психологические причины. Будто ты сам довел себя до срыва. Но почему? Это же просто для тебя.

— Не просто, — Герман спрятал лицо в ладонях, хотя смутно представлял, смотрел ли Марк на него в этот момент или нет. — Ты не понимаешь. Я... не хотел этого.

— Ты мешал сам себе?! — воскликнул Марк и добавил тише, почти шепотом. — Ты монстр. Понимаешь, что сам себя чуть не угробил? Тебе было жалко Дженаро что ли?

— Я не хочу быть монстром, — Герман поднял голову, интуитивно находя закрытыми глазами источник голоса. — То, что я сделал, отвратительно.

— Дела-а-а...

Они замолчали, и Герман не желала продолжать разговор на эту тему.

— Герман.

— Чего тебе?

— Герман, — тон Марка стал странным, а в эмоциях появилась какая-то хитринка. — Хочешь навестить свою девушку? Я могу проводить тебя, и если мы кого-нибудь встретим, я скажу, что веду тебя на процедуры. Идет?

Герман неуверенно кивнул, боясь поверить в удачу. Даже просить не пришлось, хотя он уже подумывал об этом.

— Буду благодарен.

Таким образом Марк желал загладить неловкость, и Герман действительно был ему благодарен.

Марк взял его под локоть и вывел в коридор. Слепому Герману он казался бесконечно длинным, самой настоящей пропастью. Но все-таки он старался сохранить остатки достоинства и побороть в себе малодушное желание крепче схватить Марка за руку.

Перед дверью в палату они остановились. Марк распахнул ее и тихо проинструктировал:

— Три широких шага вперед, кровать справа, обходи слева. Справишься?

Герман снова кивнул и положил ладонь на холодный косяк, вошел в палату. Дверь позади закрылась — Марк оставил их вдвоем.

Стефания спала. Герману не нужно было зрение, чтобы увидеть мятно-зеленый комочек и ощутить на языке освежающих вкус мяты и талого снега. Он воспользовался советом, сделал вперед три широких шага и схватился рукой о холодный металл спинки кровати. Осторожно обошел, нащупал край матраса и опустился на него.

Дар вернулся к нему, скоро вернется и зрение, а до этого момента он спешил воспользоваться шансом и поговорить со Стефанией. Он и сам до конца не понимал, почему ему так важно сделать это сейчас, когда он чувствовал себя ограничено и неуверенно. Наверное, Стефании так будет легче — если он не увидит ее лица.

Стефания трогательно сопела во сне, изредка задерживая дыхание, как перед прыжком. Короткая вспышка страха, и она проснулась.

— Герман? — ее голос, еще сонный и невнятный, произнес его имя. Закрытых глаз под мягкой повязкой осторожно коснулось сожаление. Нет, скорее жалость. Эти два чувства всегда путались между собой.

— Привет, — он улыбнулся, отдаленно представляя, каким видится ей сейчас. — Мне разрешили немного размяться, и я пришел к тебе. Как себя чувствуешь?

— Это ты как себя чувствуешь? — перебила Стефания и смутилась. — Нормально. Скоро выпишут. Как Берт?

— Хорошо. То есть, — Герман быстро поправился, — ему повезло, удар должен был пробить легкое, но Берт оказался проворнее. Мастер Гош сказал, что если он перестанет дергаться и попытается сбежать, от раны даже шрама не останется. Но пока к нему не пускают.

Эмоциональный фон Стефании изменился, и Герман рефлекторно дернул головой и едва не открыл глаза, чего совершенно нельзя было делать.

— Что с тобой?

Дрожь волнения утихла, но девушка все равно была напряжена:

— Он тебе ничего не говорил... обо мне?

— Кто? Берт?

— Гош! — воскликнула она и, удивительное дело, извинилась. — Прости. Забудь.

— Не хочешь сама мне что-нибудь рассказать?

Герман намеренно сделал паузу, чтобы дать ей время решиться. Однако пауза нужна была и ему тоже, унять разошедшееся сердцебиение. Наверное, впервые он так хотел и так боялся узнать правду.

— Спрашивай, — ответила Стефания коротко, но в ней не чувствовалось желания улизнуть, обмануть. Может, ей нужно было поговорить, причем именно с ним.

Тонкая занавеска колыхнулась от сквозняка, и солнечный лучик упал Герману на нос. Стефания улыбнулась, пусть даже Герман и не мог этого увидеть.

— Эмилия... — он сильно прижал ладони к коленям. — Это твое настоящее имя?

— Эмилия Керстин, наследная принцесса Виндштейнская, любимая дочь короля и королевы Виндштейна, будущая королева, — Стефания отдалялась мысленно, погружаясь вглубь себя. — Ее с детства учили быть первой, быть лучшей. А я... я ее близнец. Стефания Ирмелин, вот мое имя.

Тоску можно было резать ножом, и ее источник был почти переполнен. Должен был неминуемо грянуть взрыв.

— Вы обе должны быть мертвы, — припомнил Герман сводки новостей почти трехмесячной давности. — Что с Эмилией?

— Ты сам сказал. Мы должны быть мертвы — наследная принцесса и ее капризная сестренка. И знаешь, так оно и есть. Ее

больше нет, и Стефания Ирмелин последовала за ней в небытие.

— Но ты здесь! — Герман вытянул руку и нащупал ее холодную ладонь поверх одеяла. — И я не хочу, чтобы ты исчезала. Расскажи все, тебе станет легче.

— Легче? Легче... — она тихо вздохнула и сжала его руку. — Этого никогда не будет, Герман, мне никогда не станет легче, хотя ты прав в том, что нужно поговорить, рассказать. Очень больно. Я не думала, что будет так больно. Я мечтала о мести и правда считала, что это поможет, но мне кажется, что я умерла, по ночам мне снится, что это все-таки случилось со мной. Герман, я ведь еще жива?

Он погладил ее ладонь большим пальцем, надеясь, что она его поймет. И девушка глухо продолжила:

— Все было хорошо, пока к Эмили не посватался этот страшный человек.

— Леннард Огюстос?

— Да. Он очаровал всех, даже Ситри однажды сказала, что он ничего, — Стефания горько усмехнулась. — Мне тогда еще подумалось, почему он не выбрал меня, ведь мы с сестрой одинаковые, хотя бы внешне. Только у нее было право престолонаследия, а у меня нет. Мне хотелось такого жениха, как Леннард. А потом... потом...

Она всхлипнула, пока еще сдержанно, но отголоски грядущей бури витали в воздухе.

— Продолжай, пожалуйста. Что было потом? Он обманул Эмилию?

— Он обманул нас всех! Ему не просто нужна была наследная принцесса, чтобы править вместе с ней, ему нужен был сам наш мир, без Эмили, без меня, без мамы и папы. Меня учили не так тщательно, как Эмилию, но я прекрасно знала, насколько важен Виндштейн для военной сферы Ойкумены. Кроме отличных солдат, мы поставляли в другие миры сверхпрочную железную руду и еще целый ряд металлов. И Леннард решил получить все разом, женившись на Эмили и убив ее после свадьбы. И у него почти получилось.

Герман задумчиво покачал головой. План был не нов, совершенно не оригинален, зато проверен многотысячелетней историей всех обитаемых миров. Эмилия мертва, значит, у него все получилось.

— Мне жаль твою сестру.

Стефания вспыхнула непонятным чувством и окрасилась черными тонами беспросветного отчаяния. Она еще не все сказала, и Герман чувствовал, что его ждало нечто ужасающее.

— Тогда дослушай мою историю. Леннард убил Эмилию, я видела это своими глазами, но до свадьбы оставалась целая седмица. То есть, мне кажется, что я видела, потому что все дни, что я провела в нашем замке после этого, до сих пор будто в тумане. Ситри была со мной, она лучше знает, но даже она не могла бороться в одиночку. И свадьба состоялась.

Арочные двери с натужным скрипом отворились, впуская в полутемное, пропитанное душистыми ароматами благовоний помещение храма девушку в багряном, под стать наряду жениха, платье. Она замерла на пороге, рассеянным взглядом окинув обстановку, глубоко вздохнула и сделала первый шаг. Длинный атласный шлейф, переливаясь в свете многочисленных курильниц, змеился за ней кровавым потоком. Девушка пересекла зал чеканящей походкой, гордо держа королевскую осанку и вздернув упрямо выпяченный подбородок, но во взгляде все еще читалось смятение. Остановившись возле алтаря, она сложила руки на груди в ритуальном поклоне.

Герман вспомнил запись свадебной церемонии, и многое, что казалось ему тогда странным, стало вдруг пугающе ясным. Блуждающий взгляд невесты, мутный и непонимающий. Чеканная походка и упрямый подбородок — теперь все это выдавало для него Стефанию. Ее жесты, ее глаза. И не ее свадьба.

Брачные браслеты защелкнулись на запястьях, до самой смерти соединяя супругов. В тот же миг Эмилия покачнулась, добела сжала пальцы. Глаза испуганно расширились, в них мелькнуло осознание, но быстро угасло. Принцесса покорно подняла голову, принимая первый поцелуй мужа.

Он отлично знал, какими лживыми могут быть чужие чувства, знал, что редкие браки среди людей ее уровня заключались по любви, но в этой церемонии все было не так. Потому что невеста не понимала, что с ней происходит.

— Он заставил тебя выдать себя за Эмилию? — дрожащим от гнева голосом спросил Герман. Он готов был в этот момент убить Леннарда Огюстоса своими руками.

— Он заставил меня поверить, что я и есть Эмилия. А потом все запуталось, я не понимала, кто я на самом деле, кто он, зачем... зачем нам делать все эти странные... вещи. Я просто хотела, чтобы все закончилось. Ох, Герман!.. Я так хочу, чтобы это было не со мной!

Скрипнули пружины, рука Стефании исчезла из его ладони, но почти сразу на Германа навалился приятный вес теплого девичьего тела. Стефания обхватила его за шею, ее распущенные волосы защекотали лицо.

— Ситри помогла мне сбежать, она спасла мою жизнь, и я решила посвятить ее мести. Накопить сил, найти союзников, подчинить себе магию и вернуться домой, чтобы убить Леннарда. Я думала, что выучусь, стану сильной и убью его.

— Стефания, — говорить было не очень удобно, волосы лезли в рот, точно живые, но Герман несмело обнял девушку за талию и погладил по спине. — То, что ты пережила... Прости, если бы я знал.

Ее спина вздрогнула, раз, другой. Герман обнял ее сильнее, и тут Стефания заплакала. Сначала негромко, будто не решаясь показать слабости. Но постепенно рыдания стали громче, Стефанию затрясло. Герман совершенно растерялся, но девушке было достаточно того, что он просто рядом. Она так цеплялась за него, будто боялась, что ее унесет в открытое море, где ей снова придется бороться за свое существование. Через этот отчаянный плач она выплескивала всю свою боль, которой скопилось слишком много для нее одной.

— Не смотри на меня... — сквозь слезы хрипло повторяла она. — Я не слабая! Я не слабая...

— Тише, тише. Я с тобой.

Он гладил ее по спине, по волосам, чувствуя, как ее мокрая щека касается его щеки.

— Только не уходи, — проскулила она, крепко к нему прижавшись, почти задушив в не по-женски крепких объятиях. — Если ты бросишь меня, я тебя убью!

— Дурочка, — Герман улыбнулся, хотя повода вроде бы не было. — Теперь я буду тебя защищать. Ничего не бойся, хорошо? Ничего не бойся.

— Ты обещаешь?

Она чуть отстранилась и теперь смотрела прямо ему в лицо, и была так близко, что обжигала губы дыханием. Герман подавил

желание облизнуться, так жарко ему вдруг сделалось.

— Конечно, обещаю. Я стану твоим рыцарем, если ты мне позволишь.

— Просто рыцарем? — она будто бы ожидала иного, но Герман не мог сказать того, что вертелось на языке. У него не хватало смелости, ведь она — принцесса.

— Самым верным.

Стефания тихо выдохнула, и щеки коснулось что-то мягкое, горячее и влажное. Герман не сразу понял, что это был поцелуй.

— Герман! Герман, скорее... — взволнованно позвал от двери Марк. Потом коротко вскрикнул, и в палату стремительно вошел мастер Гош. Он был крайне мрачен, сосредоточен, и, как Герману показалось, озадачен. Не обращая внимания на нарушение постельного режима, он жестко приказал:

— Пошли вон оба.

Стефания задрожала так сильно, что ее дрожь передалась Герману. Он взял девушку за руку и повернул голову на голос Гоша.

— Если это касается Стефании, то я...

— Вон, я сказал.

Марк схватил Германа за рукав и потянул:

— Пошли. Пожалуйста.

Стефания выпустила его ладонь и ни слова не сказала. Марк потащил Германа к выходу и, проходя мимо доктора, Герман уловил что-то смутное, даже не эмоцию, а намек на нее. И понял, что оказался прав — дело касалось Стефании. И это было что-то очень... тревожное.

— Подождите...

Однако Марк с неожиданной силой выпер его в коридор, и дверь в палату с грохотом захлопнулась. Марк не остановился на этом и потащил Германа дальше, но тот не собирался смириться. Он вырвал локоть из пальцев Хатти, при этом едва не потеряв равновесие, и, нащупав его плечо, толкнул к стене.

— Что происходит? Почему Гош встревожен? О чем он собирается беседовать со Стефанией? Ты знаешь, что меня сложно обмануть. Отвечай!

Тут он немного блефовал, но нужного эффекта все же добился. Марк занервничал.

— Я не могу сказать, это медицинская тайна. Правда, не могу! Не заставляй меня.

— Хотя бы намекни, — почти взмолился Герман и схватил Марка за второе плечо. — Ты отвел меня к ней и теперь не можешь бросить меня на полпути! Мне нужно знать, я обещал защищать ее!

Марк засомневался, его эмоции снова пришли в бесконтрольное хаотичное движение, и, наконец, он негромко признался:

— Мы провели кое-какие анализы, в том числе и магическое сканирование глубинных слоев ауры. В общем, ты не все знаешь об этой девушке. Ее уже давно не должно было существовать на этом свете. И еще кое-что... Я не могу раскрыть тайну, но ее прошлое... В нем было что-то не очень хорошее. Прости.

Он вывернулся и оказался рядом с Германом. Осторожно тронул его за плечо:

— Если эта девушка тебе дорога, не оставляй ее, она может этого не пережить.

Урок 28. Правда особенно горька, когда выползает в неудачное время

На Германа вдруг накатила невероятная усталость. Казалось, он только сумел сложить все фрагменты невероятно сложного паззла по имени Стефания, и вновь оказалось, что не хватает деталей. Если бы только Марк мог ему рассказать, все стало куда бы проще, но Герману придется смириться со своим незнанием.

Марк рядом занервничал, сильнее сжимая его плечо.

— Ну не переживай ты так. Она же пока еще жива.

— Пока? — Герман готов уже был вцепиться в Марка и вытрясти из него все, что тот поклялся держать в секрете, как в коридоре слышались шаги. Герман по инерции обернулся, вновь забывая, что повязка полностью лишала его зрения.

— О! Какая удача! — Герман без труда узнал голос Вильяма и насупись. — Привет! Стефания ведь в этой палате лежит? Мне сказали, что сегодня я могу ее навестить.

Марк отпустил его, и Герман вдруг почувствовал себя посреди высокого моста без ограждения. Неверный шаг — и он упадет вниз.

— В этой, но к ней пока точно нельзя, ее осматривает мастер Гош, — он, казалось, обрадовался появлению Вармы, ведь тот спас его от продолжения неприятного диалога. А Герман подумал, что это несправедливо — разрешить навестить Стефанию только одному Вильяму. А он ведь ей даже не родственник.

— Жаль, — Вильям вздохнул. — Тогда зайду к Герману. Ребята попросили занести ему гостинцев.

— Вообще-то я здесь, — хмуро встрял Герман.

— И правда! А ослеп вроде ты, а не я, — фыркнул Вильям и вновь обратился к Марку. — Его палата соседняя? Давай отведу, у тебя дел, наверное, полно.

Молочное облако всколыхнулась и потянулось к его локтю, но Герман, вдруг, резко отдернул руку. Присутствие Вильяма его раздражало и, стыдно признаться, обижало. Особенно сейчас, когда он беспомощен, как слепой котенок, а меньше всего хотелось в этом

прикосновении ощутить презрение и жалость. Те самые чувства, которые люди привыкли испытывать к калекам.

— Про твою гордость я тоже слышал, но она сейчас не уместна.

Герман понял, что со стороны наверняка выглядел очень глупо и, скрепя сердце, позволил себе помочь. Но в неожиданно теплом прикосновении он ощутил не жалость, а уважение, совершенно расходящееся с едкими словами Вильяма. Стало невыносимо стыдно.

— Прости, — вздохнул Герман, когда они остановились перед дверью. Вильям хмыкнул:

— За что же?

— Плохо о тебе подумал.

— Я тебя не понимаю. Аккуратнее, порог.

В палате, где Герман провел последнюю неделю, пахло цветами и уже привычно — лекарствами. Солнце било в окно, словно и не ждало со дня на день сезона дождей. Даже с закрытыми глазами Герман ощущал его тепло на щеках и очень жалел, что не может выглянуть на улицу, чтобы запомнить последнее цветение хризантем в парке перед медицинским крылом.

Вильям помог Герману добраться до койки, но сам на кровать не сел. Зашаркал по палате и, видимо, принес табурет.

— Зигфрид тебе привет передавал, — начал Вильям. Его словно и не смущала возникшая неловкая пауза. Герман же испытывал внутреннее напряжение и дискомфорт, Вильям запомнился ему другим — заносчивым и немногословным, а теперь был готов болтать без умолку. — Да и приятели твои обивают порог медицинского корпуса. Гротт даже обещался всучить им метлы, чтобы не просто так ошивались.

Герман вздохнул. Ребята волновались о нем. Это было приятно.

— Корзинку я на тумбочку поставлю.

— Почему только тебя пустили? — оборвал его Герман.

— А ты кого хотел увидеть? Люси Шерилд? Она тоже на вахте была, принесла цветы. А я... я просто показался им достаточно разумным, чтобы не наговорить глупостей.

— Плохо у тебя получается.

— Просто ты меня не видишь, — серьезно ответил Варма. — Сейчас это твое преимущество. Ты ведь был у Стефании? Как она? Вы

вроде неплохо ладите, ты ведь знаешь подробности? Ее слишком долго держат здесь для той незначительной травмы, что она получила.

Герман невольно стиснул кулаки на коленях, молочное пятно в темноте колыхнулось и окрасилось подозрением. Впрочем, видение тут же исчезло, лишая Германа зрительного восприятия. Такое иногда случалось, когда он начинал сильно нервничать.

— Не знаю.

Неожиданно захотелось поделиться страхами и догадками, Вильям бы все понял, даже то, что не было бы произнесено вслух, но тайна принадлежала не ему одному. Герман опустил голову.

— Не хочешь говорить, — догадался Вильям и цокнул языком. — Вы встречаетесь?

Вопрос оказался настолько внезапным, что Герман вздрогнул и невольно подобрался. Щеки защипало от одной только мысли об этом.

— Нет.

— Ну и замечательно.

Похоже, что все необходимое Вильям уже выяснил. Он поднялся, прошел к окну и закрыл ставни. Стало гораздо тише.

— Простудишься, — он пересек палату и замер возле выхода. Герман почти видел, как тот обернулся, взявшись рукой за дверной косяк. — Выздоровливай, Герман, нам еще предстоит с тобой немало побороться. До встречи.

Герман просидел в одной позе еще минут двадцать, а потом рухнул на бок и провалился в сон, странно удовлетворенный всем произошедшим за этот день. И снились ему яркие хризантемы под теплым солнечным светом.

Спустя два дня ему позволили снять повязку. От новой, дурно пахнущей и едкой мази щипало веки, но уже к обеду мастер Гош лично удалил ее смоченным в травяном настое тампоном. Герман сидел на койке и ждал, пока доктор закончит заполнять документы на выписку.

— Вещи заберешь у дежурной медсестры, — Гош отложил ручку и крутанулся в кресле. Герман привычно отметил скрип колесиков. — А теперь медленно открой глаза.

— Открыть?

— Могу смело утверждать, что со слухом у тебя пока все в порядке. Открывай глаза, только не торопись, дай себе привыкнуть,

если будешь испытывать дискомфорт.

Герман кивнул.

Сначала было немного страшно — ничего не увидеть. Но вот сквозь узкую щелку пробился дневной свет. Герман смахнул с ресниц набежавшие слезы и попробовал еще раз. Сквозь мутную пелену проступили очертания комнаты, светлый прямоугольник окна сбоку, стол, а ближе всего — силуэт мастера Гоша. А Герман уже успел забыть, как внушительно он выглядит с этим правильным, но очень суровым лицом. Впрочем, мелкие детали пока смазывались, к тому же очень быстро глаза защипало, и слезы хлынули градом.

— Это нормальная реакция, — прокомментировал Гош и пальцами безжалостно приподнял ему одно веко, светя в глаз тонким фонариком. — Через пять минут повтори попытку, если будет то же самое, выжди еще пять минут. А потом переодевайся в форму и дуй отсюда. Больше тебе здесь делать нечего.

— А Стефания Дидрик?

— Выписалась вчера, — не оборачиваясь, ответил Гош и, закончив записи, протянул Герману тонкую тетрадь. — Отдашь дежурной.

За конторкой скучала уже знакомая девушка-старшекурсница. При виде Германа она расцвела приветливой улыбкой, чему в немаловажной степени способствовала коробка конфет, что он преподнес ей в благодарность десятью днями ранее. Как чувствовал.

— Уже выписываешься? — она приняла медицинскую карту и убрала в стол. — Здорово! Мастер Гош и мертвого на ноги поставит.

В ее голосе слышалось то же обожание, что изредка проскальзывало в речи Марка. Все студенты-медики и медмаги были в восторге от Гоша.

— Да, уже. Спасибо, — Герман сощурился, глаза все еще болезненно реагировали на свет. — Скажи, пожалуйста, а Альберт Кельвин из отдела для тяжелораненых уже выписался?

Девушка сверилась с записями в журнале.

— Кельвин... Такой хорошенький и белокурый? Да, сегодня с утра, правда, пришлось применить силу. Он никак не желал уходить, все к кому-то рвался. Я не знаю, мне друг рассказывал. А что? Твой знакомый?

— Однокурсник, — отмахнулся Герман и, попрощавшись, покинул медицинское крыло.

Он уходил последним, значит, все уже собрались и ждали только его. Герман ненадолго остановился, с наслаждением подставляя лицо солнышку, которое будто торопилось отдать все тепло до скорого прихода холодов. Его ждали. Это было необычно и очень приятно.

В фойе общежития было все так же темно и прохладно, ступени привели его на третий этаж, и из-за двери с табличкой “313” слышались голоса. Герман остановился и подумал, что, кажется, не был тут целую вечность. Достал чистый платок и тщательно промокнул слезы, а то еще подумают, что он растрогался.

— Он скоро придет, сядь ты уже.

— Его надо встретить! Вдруг он споткнется, упадет с лестницы, сломает что-нибудь...

— Разве что стену лбом прошибет, — хмыкнул Рене. — Наш Герман крепче, чем кажется. Утихомирься, красавчик, или я тебя привяжу.

— Ты не понимаешь, он же... он же теперь такой незащитный! — Берт готов был разрыдаться, и Герман решительно распахнул дверь.

Берт цеплялся за рубаху Рене, рыжий цеплялся за стул, чтобы не упасть под таким напором, Ситри без особого усилия держала Берта за воротник. А Стефания стояла у окна и смотрела на улицу.

— Всем привет, — поздоровался Герман, не сводя с девушки взгляда. Казалось, что она растворяется в ярком свете, хотя на самом деле на глазах просто снова выступили слезы.

— Гера, — за всех констатировал Рене. Берт пару раз растерянно моргнул, а потом выпустил рыжего, и Герман понял, что не успеет уклониться.

— Герма-а-ан! — юноша рванулся к нему, чудом не оставив в кулаке Ситри свой воротник. — Наконец-то, Герма-а-ан!

Поморщились все, но никто не стал затыкать захлебывающегося в эмоциях Берта. Он сгреб Германа в охапку и поднял над полом. Герман только сдавленно захрипел:

— Поставь. Поставь на место!..

— Герман, я так переживал! Так переживал! — Берт выполнил требование, но зато впился в него, как клещ и без предупреждения

разразился плачем. — Это все из-за меня, я знаю! Учитель Гротт сказал, что ты обидишься, но поймешь. Ты ведь не обижаешься на меня? Скажи, что не обижаешься!

Герману и слова некуда было вставить. Обняв друга за плечи, он затравленно смотрел на друзей в ожидании поддержки. Только вот Рене сделал вид, что взгляда этого не заметил, а Ситри вообще покраснела и отвернулась. Стефания по-прежнему не реагировала на его появление.

— А где Дзюн?

Берт перестал рыдать и поднял покрасневшее заплаканное лицо:

— А?

Герман рассеянно потрепал его по волосам и повторил вопрос:

— Все здесь, а где Дзюн?

Стефания повернулась к ним, но ничего не сказала, и Герман почувствовал себя очень несчастным и неуверенным. Тот поцелуй в больнице ему померещился?

Внезапно Рене поднял руку, привлекая внимание:

— Дзюн не придет, она всегда сама по себе. Но раз уж остальные тут, то предлагаю сразу все прояснить.

Чего-то такого Герман подсознательно опасался. Но не мог не признавать, что время действительно пришло. Он бросил на Стефанию быстрый взгляд и вздрогнул, когда она сделала то же самое.

— Не пора ли нам уже поговорить начистоту? — Рене, серьезный как никогда, подошел к двери и плотно ее закрыл. Берт захлопал мокрыми ресницами, Ситри скрестила руки на груди, всем видом показывая, что готова его поддержать. Стефания, хоть и была не согласна с подругой, все же подошла к столу и опустила голову. Герман сжал кулаки — или сейчас, или никогда:

— Хорошо. С кого начнем?

— С нас, — Ситри выступила вперед и положила ладонь на стол.

— Ситри!

— Молчите, госпожа. Вы не можете скрывать это вечно, тем более от людей, которые желают помочь. Мы же сами пришли сюда, чтобы найти сторонников. Никто не пойдет за вами, если вы будете лгать.

— С этого места поподробнее, красавицы, — сказал Рене.

Герман вздохнул и коснулся необычно холодной и влажной ладони Стефании. Девушка вздрогнула и кивнула.

— Позвольте мне, — и, получив разрешение, Герман кратко рассказал, что ему известно. О том, что Стефания — объявленная умершей принцесса Виндштейна, Эмилия. А если быть точнее, Стефания — сестра той, кто должна была стать королевой, но умерла от руки Леннарда Огюстоса немного раньше. Лицо Берта вытягивалось по мере приближения рассказа к завершению.

— И как давно ты... знал это? — обиженно протянул он.

— С... некоторых пор, — туманно ответил Герман, и между ними словно натянулась невидимая нить.

— Простите, что прерываю, — снова встрял Рене и нагло сел на край стола, чтобы возвышаться над остальными. Ну, разве что кроме Ситри. — Но что там со сторонниками? Вы тут кастинг решили устроить под шумок? А почему никто не в курсе?

— А? Чего? — Берт, кажется, снова собрался плакать. — Я не понимаю.

— Ушами хлопать меньше нужно.

— Но я тоже не понимаю, — оборвал Герман рыжего. Ситри загадочно переглянулась с подругой или, вернее, все же с хозяйкой. — Стефания, может, объяснишь нам?

Он чувствовал себя обманутым. Вроде бы между ними не должно было остаться преград, Стефания была искренна с ним, когда рассказывала свою историю, и вот снова. Сплошные тайны.

Девушка гордо выпрямилась:

— Это допрос?

— А если и допрос? — Рене погрозил ей пальцем. — Мы уже столько знаем, что нехорошо оставлять нас в дураках. Я понятно выражаюсь?

— Что, пойдешь и сдашь меня? Если что, награды за мою голову не предлагают.

Герман ударил по столу:

— Прекратите оба! Рене, твои шутки неуместны. А если ты говорил серьезно, то предупреждаю, со мной тебе тоже придется иметь дело. Мы прояснили этот вопрос?

Его речь была вознаграждена благодарным взглядом Стефании. Она вынужденно пояснила:

— Я хочу вернуться в Виндштейн с армией и отвоевать свой мир.

В повисшей паузе было почти слышно, как все напряженно думали. Пока Рене не рассмеялся:

— Ой, не могу! Ой... С армией? Ты украдешь чью-нибудь армию? А кормить ее чем будешь? Обещаниями сладкой жизни в ваших вечных сугробах?

— Рене.

— Что Рене? — он ткнул в девушку пальцем. — Где она таких идиотов найдет? Упс...

— Я надеюсь, что вы будете на моей стороне, — тихо проговорила Стефания и опустила голову.

Берт неловко заелозил на стуле и поднял руку:

— Я понял, Фанни хочет, чтобы мы ей помогли. Я согласен.

Герман не стал ему возражать, хотя Альберт просто не представлял, на что подписывается. Зато Рене просто не мог пропустить такие слова мимо ушей. Он крутанулся, разворачиваясь лицом к юноше:

— Кста-а-ати. Может, пора покопаться в еще одной корзинке с грязным бельем. Герман, не скажешь ли ты нам, наконец, кто такой Альберт? Не думаю, что короткая биографическая справка сильно навредит нашему беспмятному другу.

Ходить вокруг да около не было смысла, и все же прямолинейность Рене заставляла Германа злиться:

— Зачем тебе все это нужно, Рене?

— Информация — это сила, тебе ли не знать, — он подмигнул Герману. — Ладно, мне просто интересно, во что я теперь замешан. И все же, мы ждем ответа. Кто такой Альберт?

Герман посмотрел на Альберта и четко произнес:

— Старший наследник трона Ландри.

— Вау! Наш красавчик принц, что ли? Не похож что-то, — Герман недоверчиво покосился в сторону Рене, а тот что-то потыкал на своем браслете, и в воздухе над запястьем появился прозрачный экран. — Я тут на досуге навел справки. Знакомьтесь — Люциус-старший, король Ландри. На кого похож?

У Германа внутри все похолодело. С полупрозрачного экрана на него смотрел харизматичный мужчина с длинными вьющимися волосами теплого каштанового цвета и карими глазами. Даже улыбка

— широкая и добродушная, у них с Германом была одна и та же, если бы Герман чаще улыбался. Присутствующие напряглись

— Ну знаешь, — прошипел Герман, пытаюсь развеять голограмму. — Это уже слишком! Если прикидываешься идиотом, делай это до конца!

Рене сжалился и убрал изображение:

— Совершенно не похож на Альберта. Так кто из вас настоящий принц?

— Берт, — хмуро ответил Герман. Сам виновник дискуссии растерянно хлопал глазами и не решался ничего сказать. — Я не имею никакого отношения к этому человеку.

— Да у вас лицо одно, — усмехнулась Ситри. Стефания напряженно молчала.

— Колись, умник.

Герман молча смотрел на Альберта, а Альберт смотрел на него и ничего не понимал.

Историю своей матери — первой красавицы на деревне — Герман пытался забыть едва ли не со дня своего рождения — мало приятного родиться безотцовщиной, еще хуже — родиться бастардом. Участь их, как правило, была туманной. Дворяне для улучшения рода иногда наведывались к хорошеньким крестьянкам, детей же потом забирали у матерей и воспитывали в благородных семьях, либо как прислугу, либо, что гораздо реже, как своих собственных детей.

Но у Германа совсем другая история. Юный и горячий принц Люциус, улыбчивый и кудрявый, по глупости своей влюбился в хорошенькую девушку, что носила каждый день в летний королевский дом свежие овощи с огорода. Ответные чувства не заставили себя ждать, а итог у их короткого романа, который удалось скрыть от всей деревни, матушка назвала совсем не крестьянским именем — Герман.

К его рождению Люциуса успели женить на какой-то белокурой принцессе, Герман слышал, что бурную свадьбу играли в летнем доме, а матушка, будучи почти на сносях, помогала готовить угощения. Иногда он даже думал, что свою силу впервые испытал именно тогда, забирая у матери всю боль, отчаяние и страдание, которые она испытывала, помогая любимому мужчине жениться на другой.

После свадьбы принц Люциус переехал в столицу и в деревню не возвращался. Никто не узнавал в Германе отличительных королевских

черт, да и не любили его. Деревенские женщины присматривались к нему, выискивая черты своих мужей. Они боялись, что рано или поздно одинокая красавица явится в их дом и заявит свои права. Хотя сам Герман не видел в их страхах совершенно никакой логики.

И всего этого Герман так и не произнес вслух.

— Прошлые моих родителей не имеет ко мне настоящему никакого отношения, — отрезал Герман и повернулся к Берту. — Я скрывал это от тебя лишь потому, что не хотел неприятностей ни для тебя, ни для нас с матерью. Наша дружба итак вызывала слишком много вопросов.

— Значит, ты — мой брат? — наконец, ожил Альберт и сжал кулаки. Герман вздохнул — тот, кажется, пропустил его оправдания мимо ушей.

— Щас кто-то по лицу схлопочет, — тихо выдала предположение Ситри, но прогадала.

— Я так счастлив! — взвыл Альберт и бросился Герману на шею, обволакивая розовым липким облаком.

— Итак, у нас тут собралась интересная компания, — заключил Рене. — Принц, от которого почему-то захотела избавиться легендарная террористическая организация КРАС, принцесса, от которой тоже пыталась избавиться все те же КРАС, и королевский бастард. Хоть книжку пиши. Кстати, как принца на самом деле зовут?

— Альберт Теодор Люциус-младший.

— Что?

Герман вздрогнул и обернулся на голос резко побледневшей Стефании. К слову, после выписки она и без того выглядела не лучшим образом.

— Альберт Теодор Люциус-младший — мой жених. Мы были обручены сразу после моего рождения. Я знала, что обручена, но имя узнала совсем недавно.

— Офонареть можно! — воскликнул Рене, и Герман был готов треснуть ему по башке. — И правда книжку можно писать. Из жизни венценосных особ. Какие еще секреты кроются в этой комнате?

Но никто не спешил ему отвечать. Берт устало рухнул на стул и потер веки. Герман же закрыл глаза, чувствуя как внутри все покрывается тонкой корочкой льда, как холодеют легкие, как становится тяжело дышать. Стефания разглядывала сцепленные перед

собой руки. Герман догадывался, о чем она думала — о том, что поддалась слабости тогда в больнице, позволила себе больше, чем могла позволить, желала забыть. Он стиснул кулаки, глядя прямо на девушку, и так яростно желал, чтобы она, наконец, посмотрела на него, что Стефания повиновалась. Голубые глаза были слишком холодными для такого необычно солнечного дня и очень грустными.

— Я не откажусь от своих слов, — сказал он, обращаясь только к Стефании и никому больше. Он с самого начала знал, что все его геройство и эта розовая чушь не более чем иллюзия. — Так и знай.

— Эй, что здесь происходит? — обиженно возмутился Рене и тут же был схвачен за ворот форменного кителя.

— Что, наигрался в дознавателя? — прорычал Герман и с силой потряхнул. — Понравилось вытаскивать на свет чужие тайны? Понравилось, да?

И не в силах сдержать эмоции, занес кулак. Только ударить не успел — дверь с грохотом отворилась, и влетела Дзюн.

— Дженаро! — она глубоко вдохнула. — Он убит.